МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

САЛИМЗОДА ОЛИМ

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ТАДЖИКИСТАНЕ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

5.9.9. – Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор,
академик Национальной академии наук
Таджикистана
Имомзода Мухаммадюсуф Сайдали

Душанбе – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. ПАРЛАМЕНТ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 25

1.1. Понятия «парламент» и «парламентаризм» в общемировом контексте **25**

1.2. Политико-правовые особенности становления и развития института парламента в Республике Таджикистан **49**

Выводы к первой главе **70**

ГЛАВА II. ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ИСТОРИЯ, ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ТИПОЛОГИЯ, ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ 73

2.1. Механизмы взаимодействия СМИ и представительной власти: историко-теоретический аспект **73**

2.2. Парламентская журналистика через призму коммуникативной природы власти **97**

2.3. Специфика конструирования медиаобраза Парламента Таджикистана **124**

Выводы ко второй главе **152**

ГЛАВА III. ЖАНРОВЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СМИ В УСЛОВИЯХ ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ФОРМАТОВ ИНФОРМИРОВАНИЯ И КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (на примере Парламента Таджикистана) 155

3.1. Структурная прагматика новостного медиаконтента парламентской журналистики **155**

3.2. Жанровое своеобразие печатных СМИ в отображении внешнеполитической деятельности Маджлиси Оли **180**
3.3. Жанровая палитра материалов электронных СМИ, освещающих международную деятельность парламентариев **209**
3.4. Жанровая дифференциация публикаций о парламентской дипломатии, размещенных на интернет-платформах **237**
Выводы к третьей главе **262**
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 265
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 276

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Эволюционные преобразования Республики Таджикистан в условиях государственного суверенитета включают вопрос о модернизации социальных практик и демократических институтов в иерархию социально-политических приоритетов, способствуя при этом стабильному повышению качества жизни общества. Совершенствование демократических институтов создает множество платформ для открытого обсуждения актуальных вопросов современной общественно-политической повестки. В данное институциональное единство, безусловно, входит парламент как представительный орган власти и журналистика как механизм реализации открытого диалога этого института с обществом. Историческая практика и современные реалии показывают, что средства массовой информации и парламентаризм являют собой априорный базис демократии, поскольку эти институциональные образования призваны привлечь широкую общественность к управлению государством. Деятельностная эффективность этого тандема видится в сущностных характеристиках его участников: парламента как высшего государственного законодательного собрания и СМИ как органа контроля за работой властных структур со стороны гражданского общества.

Широкое распространение идей парламентаризма и, как следствие, обращение к специфике интеграционного взаимодействия СМИ и представительного органа представляет собой актуальную научную проблему. Активная медиатизация политического процесса и политизация массмедиа периодически становятся объектом или предметом трансдисциплинарных исследований, в которых тематика развитии институтов представительной власти в аспекте формирования общественного мнения о деятельности парламента до сих пор сохраняет дискуссионный статус.

Рассмотрение этого вопроса требует акцента на опыт освещения в прессе деятельности Парламента Таджикистана, начиная с этапа объявления о государственном суверенитете. В этой связи весьма перспективными следует

считать два научных вектора: 1) процесс становления института парламентаризма в срезе Республики Таджикистан, которому во многом способствовала именно пресса; 2) опыт таджикской журналистики по формированию общественного мнения о деятельности Маджлиси Оли.

Вопросы, связанные с многогранной природой парламентской журналистики в Таджикистане как лейтмотив настоящего диссертационного исследования, предполагают выделение нескольких тематических модулей. Первый составляют общетеоретические аспекты, сосредоточенные на сущностных особенностях парламентаризма, его социальном предназначении, дифференциации близких понятий «парламентская форма» и «парламентская демократия».

Во второй входят локальные факторы, то есть условия становления парламентаризма в Республике Таджикистан, что подразумевает фокус а) на историческую обусловленность формирования в республике института демократии; б) совместимость и противоречия западных и отечественных традиций парламентаризма; в) механизм включения парламентаризма в новую политическую парадигму; г) принципы взаимодействия Парламента Таджикистана и отечественных СМИ.

Такой ракурс внимания продиктован важностью переоценки роли и места целого ряда социальных институтов, в частности СМИ, что связано с преобразованиями общественно-политической системы, трансформацией государства – из централизованного авторитарного в правовое демократическое. Переосмысление и пересмотр долгое время существовавших стратегий оказался возможным во многом благодаря реформе средств массовой информации и повсеместной поддержке этого реформаторского движения государственной властью и гражданским обществом, что в целом следует рассматривать как свидетельство и пример конструктивного диалога «власть – пресса – общество».

И, наконец, третий смысловой блок включает комплекс историко-правовых и функционально-типологических параметров парламентской

журналистики, которая, в силу своей коммуникативной природы, тяготеет к междисциплинарности, предполагающей отражение юридических, историко-политологических, социально-психологических аспектов через их журналистское осмысление.

Такая широкая панорама анализа логично объясняется фактом малоизученности парламентской журналистики и многогранных вопросов об образе и роли журналиста в создании «парламентского» контента. В то же время развитие современных форм и методов законотворчества, осуществление парламентариями внешнеполитической деятельности на сегодняшний день не представляется возможным без сотрудничества с массмедиа. Одной из убедительных моделей этого взаимодействия следует считать диалог Парламента Таджикистана со средствами массовой информации – константно актуальным механизмом, объединяющим широкую общественность и представительный орган власти в вопросах общественно-политической риторики.

Нельзя не учесть и изменившийся формат массово-коммуникационных отношений, благодаря которому массмедиа стали настоящим средством коммуникации между властью и обществом, однако эта информационно-коммуникативная горизонталь в отдельных случаях приобретает очертания вертикали, лишающей рядового гражданина возможности стать равноправным участником информационных отношений и оказывать действительное влияние на политику государства.

Важным шагом, направленным на эффективизацию информационных потоков государственного значения, является Распоряжение Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона (№ АП-1677 от 5 марта 2005 г.) о проведении министерствами и ведомствами, организациями и учреждениями, высшими учебными заведениями и органами власти на местах ежеквартальных пресс-конференций по итогам своей деятельности.

Несколькими годами позже в «целях укрепления исполнительской дисциплины, повышения роли средств массовой информации в общественно-

политической и социально-экономической жизни общества» [Указ: 2009] вышел Указ Президента Республики Таджикистан «О реагировании должностных лиц на критические и аналитические материалы средств массовой информации» (№ 622 от 7.02.2009 г.).

Согласно этим документам и в соответствии с Регламентом Маджлиси намояндагон проходит теле- и радиотрансляция открытых совместных заседаний нижней палаты парламента, информация о ходе и содержании выступлений публикуется в специальных изданиях Маджлиси Оли, государственной и независимой прессе. Сведения о работе высшего государственного законодательного собрания журналисты могут получить и в пресс-центре Парламента. К числу основных печатных органов, призванных освещать деятельность Парламента республики, относятся газеты «Джумхурият», «Народная газета», «Садои Мардум» и «Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан». Материалы этих изданий посвящены общественно-политическим событиям с участием представителей высших ветвей власти республики, в том числе депутатов обеих палат Маджлиси Оли.

Право журналистов присутствовать на открытых слушаниях и заседаниях комитетов Маджлиси намояндагон и плотное взаимодействие журналистов с сотрудниками пресс-центра формально свидетельствуют о готовности отечественных парламентариев вести диалог с широкой общественностью.

В качестве довода об открытости работы Парламента достаточно упомянуть, что при Маджлиси намояндагон аккредитовано около 150 журналистов, которые информируют население о работе высшего законодательного органа, сути принятых законов и всего спектра деятельности парламентариев.

В срезе государственной политики СМИ выполняют несколько ключевых функций: осуществляют мониторинг и контроль деятельности органов власти, устанавливают баланс интересов различных социальных групп, повышают эффективность проводимой внутренней и внешней

политики государства. При этом важно подчеркнуть, что полнота реализации этих принципов зависит от формы изложения материалов, которая определяется спецификой конкретного сегмента массмедиа. Так, например, язык официальной парламентской прессы отличается строгой регламентированностью, в то время как популярные издания привлекают простотой и доступностью используемых языковых и речевых средств. Более того, многое зависит от формально-семантических и семантико-коммуникативных признаков привлекаемых единиц.

Возвращаясь к вопросу о взаимодействии СМИ Республики Таджикистан и Парламента страны, отметим факт функциональной и сущностной природы этих двух общественно значимых институтов и наличия у них характерных институциональных интересов.

По мнению многих медиа-экспертов, журналистика, в том числе и парламентская, в Таджикистане представляет собой зону не свободную от проблем, что в целом можно считать нормой, поскольку противоречия между СМИ и властью – это вполне естественное состояние динамичной, развивающейся социальной системы, которой свойственно изменение стратегий и методов. Такая неоднозначность предопределяет нелинейный характер развития парламентской журналистики как отдельного сегмента, что, несомненно, требует изучения в контексте современных теоретико-прикладных парадигм.

При этом особый интерес представляют не фрагментарные противоречия в реализации принципа открытости власти в Республике Таджикистан, что выражается в недостаточном проявлении готовности Маджлиси Оли становиться объектом контроля со стороны широкой общественности. Наибольший научный интерес представляет недостаточный уровень сформированности компетентностных характеристик парламентских журналистов в части информирования граждан страны о работе законодательного органа власти. Именно этот фактор сдерживает механизмы

совершенствования правовой грамотности и культуры населения, а также практическую реализацию законотворческих инициатив.

Несмотря на определенные сдвиги в научном осмыслении избранной темы, многие ее аспекты требуют доработки, что позволяет нам утверждать актуальность нашего исследования, выраженного в а) малоизученности принципов и динамики создания самого парламента и зарождения собственно парламентской журналистики в Республике Таджикистан; б) необоснованности роли СМИ как комплексного механизма реализации государственной информационной политики, в частности законодательного органа власти; в) включенности концепции «открытости власти» в научную парадигму и рассмотрение ее через призму деятельности журналистов, аккредитованных при Парламенте Таджикистана.

Степень научной разработанности темы. Научно-теоретическая база исследования носит междисциплинарный характер, определяемый многоплановостью подходов к проблеме взаимодействия СМИ с верховной властью в Республике Таджикистан. Данный аспект, непосредственно затрагивающий функции государственного управления и коммуникации, представляет безусловный интерес для политологов, социологов и экспертов массмедиа, в связи с чем его раскрытие и всестороннее изучение невозможны без обращения к широкому кругу научных изысканий в различных областях знаний.

Однако проблема взаимодействия верховной власти и журналистики в нашем исследовании – это лишь обобщающее тематическое направление, в русле которого группируется широкий пласт вопросов, часть которых посвящена этапам становления и развития Парламента Таджикистана и специфике формирования института парламентаризма. Другая группа вопросов касается межпарламентских отношений в контексте развития внешнеполитических связей как базиса парламентской дипломатии, что, в свою очередь, тяготеет к тематике международного взаимодействия и истории таджикской дипломатии. Таким образом, проблема взаимоотношений СМИ и

власти приобретает в нашем исследовании контуры политико-правового характера журналистики как социального института, призванного, с одной стороны, служить рупором власти, а с другой – представлять интересы общества.

Диапазон научных исследований, затрагивающих обозначенные выше вопросы, достаточно широк и многогранен. В современной научной литературе проблема становления и развития отечественного парламента определена несколькими исследовательскими линиями, что способствовало появлению целой анфилады трудов, посвященных институту парламента и парламентаризма в Таджикистане в их историко-теоретической корреляции, определению конституционно-правового статуса Маджлиси Оли и развитию межпарламентских отношений как элемента внешней политики государства. В этой перспективе несомненный интерес представляют работы таджикских ученых Г.С. Азизкуловой, И.Б. Буриева, М. Гафурова, М. Дададжанова, А.М. Диноршоева, А.С. Достиева, Н.И. Заврябяна, Д.М. Зоирова, А.И. Имомова, С.Н. Якубовой, З. Ализода, М. Джалилова и др. Этой плеядой авторов отражены отдельные аспекты становления государственности, в том числе Маджлиси Оли как высшего законодательного органа.

Так, в работе С.Н. Якубовой «Конституционно-правовой статус Маджлиси Оли (Парламента) Республики Таджикистан» анализируется порядок формирования Маджлиси Оли, его структура и компетенции.

Труд Н.И. Заврабян «Бикамерализм и демократия в Республике Таджикистан» сосредоточен, во-первых, на структурных характеристиках представительного органа, во-вторых, на роли и месте общественно-политических объединений различного уровня в демократизации таджикского социума.

Целый комплекс вопросов – от историко-конституционно-правового аспекта до избирательного корпуса и системы разделения властей включает работа З. Ализода «Становление и развитие института парламента в Республике Таджикистан: конституционно-правовое исследование».

Диссертационная работа А.А. Муродова «Освещение политической ситуации Таджикистана 1989-1997 гг. в периодической печати республики» представляет собой комплексное исследование роли таджикскоязычной периодической печати в политической, экономической и культурной жизни страны. Работу отличает источниковедческая база, которую составили официальные правительственные документы, тексты заявлений и протоколов, отчеты о совещаниях и встречах руководителей правительства и представителей оппозиционных сил и пр. Эта эмпирическая база делает диссертацию А.А. Муродова частью парламентской риторики в научном поле.

Относительное пересечение с темой нашего исследования демонстрирует труд Г.Т. Торалиевой «Особенности развития парламентской журналистики в Кыргызстане», ориентированный на сравнительно-исторический и структурно-функциональный анализ развития информационной сферы в контексте парламентаризма.

П.С. Ниткин, автор диссертационного исследования «Государственная дума и парламентская пресса Российской империи в 1906-1914 гг.», «восстанавливая забытые имена парламентских журналистов, имевших огромное общественное влияние на осмысление и восприятие нового государственного строя» [Ниткин 2018: 13], анализирует а) механизмы взаимодействия Государственной думы, парламентских журналистов и исполнительной власти, б) юридические основы деятельности парламентской прессы, в) инструментарий урегулирования конфликтов между журналистами и депутатами.

М.А. Галепа в рамках своего научного труда «Идеологизированный дискурс в текстах парламентской журналистики» делает акцент на дискурсивную специфику публицистических текстов по парламентской проблематике, совокупно отражено отношение журналистов к социально-значимой, политической и гражданской информации, проанализированы речевые приёмы как способ авторского представления реальности в тексте.

Несколько иной фокус был выбран И.Н. Фёдоровым. В рамках его кандидатской диссертации «Парламентская журналистика как фактор формирования открытости представительной власти в России» было проведено масштабное социологическое исследование, по результатам которого был создан портрет современного сообщества парламентских журналистов, который «отразил ряд противоречивых суждений, свидетельствующих о начале формирования этого института в Российской Федерации» [Федоров 2009: 9] (хронология исследования 1990 – 2000 гг.).

Парламентские и журналистские отношения в ракурсе таджикско-российских отношений затрагивает Р.М. Бободжанова. В кандидатской диссертации обобщаются основные тенденции, «деструктивные и созидательные моменты в деятельности российской, московской центральной прессы» [Бободжонова 1998: 6].

Отдельный блок работ о парламентаризме в Таджикистане представляют справочно-информационная литература и статьи отечественных ученых и политических деятелей: З.М. Алиева, И. Асадуллаева, Х. Хамидова и других.

Кроме того, тема демократического развития и совершенствования института парламентаризма постоянно затрагивается в выступлениях и ежегодных Посланиях Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Парламенту страны.

Между тем приходится констатировать невнимание теоретиков и практиков к парламентской журналистике как отдельному исследовательскому полю; на обочине научных интересов оказываются вопросы синергии парламента и гражданского общества. Обратим внимание, что количественная и содержательная недостаточность работ в данной проекции наблюдается не только в разрезе нашей страны, но и других государств СНГ.

Однако здесь же нельзя не отметить попытки политологов, теоретиков журналистики, социологов, историков, а также политических деятелей стран

Содружества сфокусироваться на отдельных направлениях диалога власти и СМИ, типологизации моделей взаимодействия парламентариев и журналистов, определении специфики и жанровой природы парламентской журналистики. Результаты этого научного поиска нашли отражение в статьях, (коллективных) монографиях, методических пособиях, в которых парламентская журналистика представлена а) как специализированная структура, учредителем которой является парламент, и б) как совокупность различных СМИ (печать, радио, телевидение, информационные агентства), освещающих деятельность представительного органа власти.

Такое многоплановое восприятие предопределило появление работ, посвященных разноуровневому взаимодействию парламента и одноименной журналистики. Особый интерес в этом направлении представляют труды П.И. Акаемова, В.И. Кибальника, П.С. Ниткина, А.П. Новопашина, Е.П. Соколовой, Г.Т. Торалиевой, И.Н. Федорова, С.Н. Якубова и других.

Отдельную нишу занимает учебное пособие И.Н. Тхагушева «Парламентская журналистика: ретроспектива, теория, практика», в котором детально определены понятия и социальные функции парламентской журналистики, подробно описаны методы сбора информации, обоснован выбор форм и жанров данной категории материалов.

Наибольшей научной ценностью в рамках нашей диссертации отличается исследовательский модуль, затрагивающий содержание и тенденции развития тандема «журналистика и власть» во всем многообразии информационно-коммуникативного взаимодействия политических и социальных субъектов с учетом принципов становления и концепции подходов к реализации государственной информационной политики, истории парламентаризма, его современного состояния, перспектив развития, взаимоотношений депутатов и журналистов. Этот круг вопросов привлекал Ю.Е. Бурову, И.М. Джамолова, Д.М. Дурдина, Т.М. Зуеву, А.Л. Коданину, Г.В. Пушкареву и др.

Информационная политика разных ветвей власти, функционал традиционных и новых медиа в современном обществе стали объектом исследований Г.П. Бакулева, А.Г. Беспаловой, Н.Н. Богомоловой, Е.Л. Вартановой, И.И. Засурского и других специалистов в области журналистики и массовых коммуникаций.

Значимый вклад в разработку рассматриваемой нами проблематики внесли А.М. Воробьев, Е.Л. Доценко, Э. Дэннис, С. Корконосенко, Дж. Мэррилл, Л. Свитич, Ю. Хабермас, которые рассматривали формы сотрудничества СМИ и политических институтов, роль и место политических коммуникаций в информационном обществе.

Построение в Республике Таджикистан «открытого общества», развитие диалога СМИ с властью, свобода доступа к информации составили спектр научного поиска для Ш.Б. Муллоева, Н.Н. Салихова, М. Имомзода, М. Абдуллозода (М. Абдуллаев), Дж. М. Садулаева, М. Муродова, Р. Бободжониён, Дж. Мукима, Д. Назриева, А. Нуралиева, А.А. Рахимова, Д.М. Сайдалиева, Р. Сохибназарбековой, М.М. Султонова, И.К. Усмонова, Д.Б. Хомидова, К. Шарифзода, С. Гулова, И.Х. Хужаназаровой, К. Шарифзода, Т.Г. Хасановой, А.А. Рахимова, А.А. Афсахзода, И.И. Хамидиёна и других теоретиков таджикской журналистики.

В исследованиях вышеуказанных отечественных и зарубежных авторов представлены обобщенные эмпирические данные об особенностях коммуникации между журналистами и представителями различных органов власти причем с явным перевесом в сторону политико-правовой и социально-психологической риторики. Меньшее значение придается разработке и освоению дискурсивных практик, ориентированных на общественно-политическую тематику, сутью которой является очевидное взаимовлияние журналистики и власти в условиях развития многосторонних внешнеполитических связей, в том числе межпарламентских отношений.

Отсутствуют отдельные, самостоятельные исследования о степени влияния инновационных коммуникативных технологий на деятельность

Маджлиси Оли Республики Таджикистан и о моделях трансформации работы этого органа власти ввиду расширения медиапространства и его возможностей.

В отечественной науке также остро ощущается нехватка научных изысканий по вопросам становления и развития парламентской журналистики в стране – подобные разработки находятся в зачаточном состоянии, хотя их научный задел очевиден.

Все факты и факторы, приведенные выше, позволили выявить лакуны по отдельным срезам заявленной темы и обозначить концептуально новый блок целей и задач, направленных на качественное изменение научного поиска.

Объект исследования представлен устным (телеканалы «Тоҷикистон», «Сафина», «Ҷахоннамо», радио «Тоҷикистон», «Азия-Плюс», «Садои Душанбе» и пр.), письменным (газеты «Садои мардум», «Ҷумхурият», «Азия-Плюс», НИАТ «Ховар») и интернет-опосредованным (официальные сайты) парламентским медиадискурсом, транслирующим принципы функционирования законодательной власти в Республике Таджикистан и его новую содержательную парадигму.

Предмет исследования составляют концептуально-функциональные особенности парламентской журналистики Республики Таджикистан, реализующей когнитивные и дискурсивные характеристики триады «власть – парламентская журналистика – общество» и интерпретирующей ее с учетом современных тенденций.

Цель и задачи исследования заключаются а) в комплексном научном описании процессов становления и развития парламентской журналистики в Таджикистане в срезе общественно-политического взаимодействия отечественных массмедиа и Маджлиси Оли; б) анализе функциональных составляющих парламентского дискурса.

Реализация обозначенных целей зависит от решения следующих **задач**:

- обосновать эволюционный характер института парламентаризма в Республике Таджикистан;

- описать историко-политические предпосылки и устойчивые тенденции развития парламентской журналистики;
- выявить факторы влияния общественно-политической деятельности СМИ Республики Таджикистан на демократизацию таджикского общества;
- определить содержание, ключевые векторы, формы и методы взаимодействия Маджлиси Оли с аккредитованными средствами массовой информации;
- установить общее и частное в международном и отечественном опыте диалога СМИ и высших законодательных органов;
- охарактеризовать деятельность пресс-службы Маджлиси Оли на предмет достоверности и оперативности предоставления информации о деятельности отечественных парламентариев представителям аккредитованных СМИ;
- исследовать природу противоречий между депутатским корпусом и журналистским сообществом;
- дифференцировать отличительные особенности освещения законотворческой и международной деятельности Маджлиси Оли государственными и независимыми СМИ;
- выявить потенциал Интернета как перспективного канала информирования широкой общественности о деятельности парламента и как актуального инструмента развития сетевой формы парламентской журналистики;
- провести контент-анализ материалов СМИ, посвященных деятельности представительной власти;
- проанализировать форму и содержание жанровой орбиты материалов печатных и электронных СМИ о законотворческой и международной деятельности Маджлиси Оли.

Гипотеза исследования носит комплексный характер и определяется многоаспектным отражением парламентской журналистикой как

институциональным коммуникативным образованием разнородных социально-политических формаций и смены системно-синерго-деятельностной парадигмы в треугольнике «власть – пресса – общество» как обязательного условия демократических преобразований и цивилизационного развития гражданского общества.

Научная новизна диссертации складывается из нескольких инновационных решений, определивших его оригинальность:

1) работа является первой в отечественной журналистской науке попыткой специального целостного исследования роли СМИ в освещении законотворческой, общественной и дипломатической деятельности Парламента Таджикистана;

2) выстраивается функциональная парадигма парламентской журналистики как отдельного направления в отечественной журналистике;

3) описаны ранее не исследованные аспекты деятельности государственных парламентских СМИ – осуществлен переакцент с обобщенного теоретического подхода к характеристике медиа-пространства республики на разноплановый анализ медийной составляющей деятельности парламента;

4) аргументируются научные положения, восполняющие существующие теоретико-практические недоработки нравственно-правового характера, негативно влияющие на взаимоотношения СМИ и отечественных парламентариев;

5) в научный оборот вводятся лаконичные и емкие определения, расширяющие семантическое поле понятий «пресс-служба парламента» и «макроструктура новостного текста парламентской журналистики»;

6) вносятся ряд положений рекомендательного характера по вопросам вузовской подготовки парламентских журналистов, доработки информационной политики государства и самого представительного органа с учетом принципов социальной информациологии и коммуникативной

природы власти, создания клубов или гильдии парламентских журналистов республики, открытия парламентского телевидения и пр.

Другим фактором, подтверждающим новизну научной установки, следует считать сравнительно-исторический и структурно-функциональный анализ а) развития информационного пространства Таджикистана в рамках интеграционных внешнеполитических процессов, б) парламентской журналистики в контексте коммуникативной природы власти и в) механизмов конструирования медиаобраза парламента в СМИ страны. Все выше представленное позволит систематизировать представления о предмете исследования, которые могли бы послужить фундаментом для дальнейших трансдисциплинарных научных изысканий в сфере журналистики, политологии, социологии и истории.

Более того, данное исследование было проведено через призму общественно-политического развития Республики Таджикистан в период становления суверенитета на фоне динамичных процессов демократизации всех социально значимых институтов, что дало возможность наиболее полно раскрыть особенности функционирования парламентской журналистики.

Методологическая база исследования характеризуется комплексностью и комплементарностью подходов, методов и приемов, выбранных в качестве базовых и дополнительных для реализации заявленных целей и задач. В работе активно применяется эмпирический метод, предполагающий наблюдение, сравнение и описание; особое место занимают общенаучные методы познания, такие как сравнительно-исторический и структурно-функциональный; группу основных составил логический, системный и социологический анализ; в разнообразных сочетаниях использовались научно-теоретический и эмпирический уровни изучения особенностей парламентской журналистики, включая жанровую природу и формы.

Помимо научно-теоретического подхода использованы авторские штудии, основанные на личном опыте работы автора диссертации в структуре

ныне действующего состава парламента страны в качестве Председателя комитета по международным делам и общественным организациям и информации Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан (2009-2020 гг.).

Наличие данных уровней познания в совокупности с личным опытом позволили разработать более значимые рекомендации по улучшению механизма взаимодействия Парламента с представителями журналистского сообщества Таджикистана.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных, российских и зарубежных теоретиков и практиков, поле научных интересов которых включает деятельность институтов государственной власти и СМИ со всеми соответствующими междисциплинарными аспектами.

В диссертации использованы работы представителей научной журналистики, ученых-политологов, социологов Таджикистана, России и других стран СНГ – Е.П. Прохорова, Н.Н. Бакуниной, А.Н. Баранова, Н.С. Валгиной, В.В. Ворошилова, Я.Н. Засурского, С. Кара-Мурза, М.Н. Кима, У. Липпмана, С.Г. Корконосенко, Ш.Б. Муллоева, М. Муродова, А. Саъдуллоева, И.К. Усмонова, Н. Салихова, М. Абдуллозода, Т.Г. Хасановой, А. Афсахзода, А. Рахимова, И.И. Хамидиёна и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в научном описании функционального своеобразия взаимоотношений и уточнении степени взаимовлияния СМИ и Маджлиси Оли, что в определенной степени устраняет пробел в изучении данной проблематики и позволяет оптимизировать диалог между представителями этих институтов. Ценность работы определяется и тем, что ее результаты послужат теоретико-практическим базисом для выработки более гибких и действенных форм коммуникации между массмедиа и другими органами государственной власти. Спектр выявленных проблем позволит разработать блок конструктивных мер по повышению уровня профессионализма парламентских журналистов, содействию информационной открытости, что, в свою очередь, будет способствовать

развитию политической культуры общества, повышению репутационных и имиджевых оценок деятельности Национального парламента. Материалы исследования представляют полноценную ресурсную базу для модернизации инструментария парламентской дипломатии, расширения представлений об общественно-политических тенденциях и синтезу идей, связанных с парламентским дискурсом.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью включения основных ее положений и результатов в учебно-методические комплексы и рабочие программы соответствующих вузовских дисциплин базового и вариативного блоков учебных планов для их корректировки на предмет формирования новых компетенций общего, общепрофессионального и профессионального профилей. Материал диссертации также являет собой солидную ресурсную базу для дальнейшей интерпретации вопросов не только парламентского, но и других динамичных дискурсов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2005 по 2020 год. Обозначенный временной промежуток позволит провести полноценный анализ вопросов, заявленных в содержании диссертации. Нижняя хронологическая граница обусловлена началом второго срока депутатских полномочий в Маджлиси Намояндагон (нижняя палата Парламента Таджикистана) автора настоящей диссертации, а верхняя – окончанием депутатского мандата 5 созыва.

Материал исследования представлен а) нормативными документами законодательства Республики Таджикистан, международными правовыми актами, подзаконными актами, регламентами, положениями и другими документами, регламентирующими деятельность парламента; б) материалами по парламентской тематике таких печатных изданий, как «Садои Мардум», «Минбари Халқ» «Ҷумхурият», «Народная газета», «Азия-Плюс» и их сетевых версий, а также блока теле- и радиопрограмм, освещающих деятельность депутатского корпуса республики. Выбор обоснован нашим глубоким

убеждением в том, что эти СМИ объективно и наиболее полно формируют парламентский дискурс страны.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Приоритетная роль журналистики в развитии демократических институтов, особенно Парламента Таджикистана очевидна, поскольку деятельность последних основана на принципах прозрачности и подотчетности власти перед общественностью, что в совокупности определяет векторы модернизации политической системы Республики Таджикистан.

2. Интегративность парламентской журналистики представлена рядом парадигмальных характеристик: это вид высоких иерархических уровней с ярко-выраженным смысловым центром, универсальным содержанием и эвристической ценностью; применение высоких технологий и развитие интернет-коммуникаций способствуют появлению новых характеристик этого институционального медиа-образования.

3. Принцип прозрачности и подотчетности в деятельности правительственных структур выражается в реализации информационной потребности и доступа к информации, которая должна предоставляться на равных условиях всем медиа-субъектам, независимо от формы их собственности, социальной и региональной принадлежности и т.д.

4. Право представителей массмедиа посещать представительные органы власти, в том числе и Маджлиси Оли, и быть принятыми официальными лицами должно считаться априорным, поскольку именно это право определяет не только наличие информационной продукции, но и ее качество – общественную значимость, достоверность, содержательность.

5. Основу взаимодействия прессы и власти сегодня составляет не иерархия, в контексте которой СМИ подчиняются политическому руководству, а принципы равенства. Более того, в условиях переходного периода наблюдается усиление и без того значимой роли СМИ, поскольку медийное пространство являет собой действенный инструмент влияния на массы в вопросе поддержки социальных и политических преобразований. При

этом центральным условием должна быть прозрачность деятельности обоих субъектов – СМИ в лице парламентской журналистики и собственно парламента.

6. Возрастающая роль парламентариев во внутренней и внешней политике страны а) утверждает парламентскую журналистику в качестве важнейшего элемента формирования информационного пространства Республики Таджикистан и конструирования медиаобраза парламента, б) устраняет дистанцированность гражданского общества от институтов государственной власти, в) повышает политическую культуру и правовую грамотность граждан.

7. В условиях прорывных технологических решений, видоизменяющих каналы и манеру коммуникации, трансформация журналистских жанров представляется вполне закономерной, но при этом актуализируется вопрос о природе этих изменений и об анфиладе определяющих жанрообразующих признаков.

8. Важнейшие институциональные преобразования периода государственного суверенитета – реформа СМИ и учреждение Маджлиси Оли Республики Таджикистан – запустили качественно новые общественно-политические процессы, в которых парламентская журналистика призвана наладить, поддерживать и развивать конструктивный диалог в формате «власть – СМИ – общество» с целью реализации ключевых государственных стратегий.

9. Способность парламентской журналистики отражать стремительную динамику общественно-политической объективной действительности инициирует процесс содержательного наполнения и изменения структуры парламентского дискурса.

10. Гибкость функций парламентской журналистики относительно выражения и формирования общественного мнения проявляется в их одновременном осуществлении, которое может быть сосредоточено на манипулировании массовым сознанием, однако в данной ситуации

проигрывает общество в целом и, естественно, сами политико-ориентированные СМИ, теряя доверие, а с ним – и свою аудиторию.

11. Основа коммуникативной природы власти заложена в конструктивном диалоге – инструменте обеспечения уверенности широкой общественности в реальной силе и справедливости институтов государственной власти; эта уверенность отражается в признании широкой общественностью установленным социально-политических правил и добровольное им следование.

12. Недоработки в механизме взаимодействия представительной власти со СМИ не позволяют медиаобразу парламента из стереотипной в некотором смысле даже символической модели трансформироваться в реальную силу, способную оказывать мощное влияние на политические, экономические, социокультурные процессы в стране.

Обоснованность и достоверность результатов исследования заключаются в избранных методах исследования, обширном теоретическом и практическом материале, корректном применении выводов с позиции как журналистской, так политической мысли, анализе механизма взаимодействия СМИ с Маджлиси Оли с учетом правового базиса и широкого спектра публикаций печатных и электронных СМИ.

Положения паспорта научной специальности. Диссертационная работа выполнена в рамках научной специальности 5.9.9. – Медиакоммуникации и журналистика. Филологическая направленность диссертации подтверждается фактом универсальности современного филологического знания и расширением его парадигмы в гуманитарных науках. Диссертация соответствует формуле научной специальности 5.9.9. в следующих пунктах:

- «История журналистики, средств массовой информации, медиакоммуникаций в контексте общественного развития (п. 2);

- Тематика и проблематика журналистики и СМИ. Репрезентация социальных, экономических и политических процессов в медиакоммуникациях (п. 3);
- Творческий процесс в журналистике и медиакоммуникациях. Профессиональные методы и инструментарий журналистики и медиакоммуникаций. Формирование жанров журналистики и их развитие. Языковые особенности и стиль медиакоммуникаций (п. 4);
- Конвергентно-интеграционные процессы в медиапространстве (п. 5);
- Профессиональные культуры в медиакоммуникациях (п. 14).

В контексте смежных специальностей настоящее диссертационное исследование пересекается с политологией (5.5.) и историческими науками (5.6.)» [Актуальная номенклатура].

Апробация результатов исследования проходила на разных этапах его выполнения. По теме диссертации были публикованы научные статьи в журналах, включенных в Перечень изданий ВАК при Министерстве высшего образования и науки Российской Федерации и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), изданы ряд монографий, учебников и учебных пособий. Основные положения работы были представлены в серии докладов и сообщений автора на международных и локальных научно-практических конференциях разного уровня.

Диссертация выполнена, обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры печатных СМИ и PR, отечественной и международной журналистики Российско-Таджикского (Славянского) университета (Протокол № 10 от 24.05.2025 года).

Структура работы определена целями и задачами исследования и, в соответствии с общепринятой научной традицией, состоит из введения, трех глав, подразделенных на параграфы, заключения и списка использованной литературы, который включает свыше 370 наименований, представленных в шести видовых категориях.

ГЛАВА I. ПАРЛАМЕНТ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1.1. Понятия «парламент» и «парламентаризм» в общемировом контексте

На протяжении тысячелетий, с момента зарождения государственности, человечество было занято поиском совершенной модели государственного устройства, ориентированного на достижение всеобщего и личного блага, соблюдение общенациональных и индивидуальных интересов. Становление, формирование и развитие парламента имеет многовековую природу и неразрывно коррелирует с историей институтов представительной демократии, которые единственным носителем государственного суверенитета является народ.

Представительная демократия обладает уникальным набором критериев и функций: а) независимо от государственного строя наличие специального законотворческого выборного органа, принимающего решения в интересах общества и в соответствии с правами и свободами человека и гражданина; б) дискуссии и утверждение решений обладателей избирательного права по насущной общественно-политической повестке; в) охват исключительно государственных территориальных образований (древнегреческий полис, Новгородское Вече).

В.И. Жуков и Б.И. Краснов придерживаются исторического подхода к анализу природы парламента через «закрепление в системе государственных институтов ее ключевых функциональных и формационных этапов развития» [Жуков 1997: 480].

Идеальная модель государственного устройства зависит от политического режима (монархия, диктатура, демократия, республика и др.), определяющего систему госорганов, кадрового управления, ареал их

полномочий и регламентирующего доступ масс к принятию политических решений.

Многовековой опыт отдельных стран показал, что стратегические государственные решения должны приниматься представительным органом, действующим в соответствии со специальными протоколами формирования, созыва и роспуска; жесткой регламентацией взаимоотношений с высшей и исполнительной властью и другими государственными органами; процедурного механизма законотворчества и других полномочий, закрепленных за современными парламентами.

Исторически признано, что парламент как орган сословного представительства впервые был образован в Англии в XIII в., и там же после буржуазных революций XVII-XVIII вв. стал основой для формирования современных институтов высшей представительной власти во всем мире. Эта историческая справка логично обращает нас к этимологии слова «парламент». Несмотря на французские корни лексема «парламент» (*от франц. «parler» (говорить) и «ment» (мнение))*, что означает «собрание людей, соединившихся вместе, чтобы выразить мнение или дать совет» [Сопельцева 2004] впервые была использована в средневековой Англии – *parliament*. Этому заимствованию предшествовало завоевание норманнами британских островов, в результате произошла полная ассимиляция целого пласта французской лексики и отдельных культурно-бытовых кодов, и все эти элементы стали частью англосаксонской цивилизации. Кстати, во Франции до революции Нового времени парламентом называли высшее судебное учреждение [Словарь иностранных слов 1979].

Этимология этого термина «парламент» включает и латинские корни – два латинских слова во множественном числе: «partum» («равные») и «lamentum» («жалобы», «печали»), то есть парламент – это место, где равные по статусу люди имеют возможность высказывать свои жалобы. Изначально слово «парламент» использовалось для обозначения традиционной

послеобеденной беседы монархов, позже – для любых совещаний при монаршей особе, после – для регулярных встреч короля с магнатами.

По мнению ведущего эксперта в области конституционного права А.А. Мишина, «уже в XII-XIII вв. чаще всего под словом ‘парламент’ разумели постоянный совет из государственных мужей и судей, который получал петиции, рассматривал жалобы и вообще регулировал осуществление правосудия» [Мишин 1972: 45].

Между тем А.И. Щербинин утверждал, что «сам английский парламент, ставший символом новой политической эпохи, которая продолжается и поныне, отнюдь не был первым представительным органом в западных государствах» [Щербинин 2007: 9].

Представленные выше умозаключения позволяют условно провести временную/хронологическую классификацию парламентов: 1) древние (включающие периоды античности и средневековья); 2) позднего средневековья и времен новой истории; 3) созданные после Второй мировой войны; 4) современные.

Разберем предлагаемую хронологическую классификацию подробно.

1. **Древние парламенты.** К первому поколению относятся парламенты, чьи корни уходят в глубокую древность. Например, Альтинг Исландии, возникший еще в 930 г.; народные собрания древних германцев, ограничивающие власть конунгов; тинги – у древних скандинавских народов; Парламент Великобритании (конец XIII в.); представительные органы французских провинций XIII века. Эти институты остаются носителями многих политико-государственных традиций, продолжая способствовать утверждению демократии в своих обществах.

Однако первые модели народного представительства появились в Древнем Риме и стали прообразами современных институтов парламентаризма с традиционными статусными категориями, порядком создания, изменения и распределения полномочий. А народные собрания и Сенат Древнего Рима – прототип двухпалатного парламента.

Анналы парламентаризма утверждают, что Древний Рим XVI века до н.э. – это точное место и приблизительное время возникновения Сената – совета старейшин 300 патрицианских родов при рексе (царе). Должность сенатора была пожизненной и предполагала полновесную поддержку царя; круг его полномочий включал управленческие компетенции, законодательные и миротворческие инициативы, ввод временной военной диктатуры и объявление войны.

Наибольший интерес для нас представляет право Сената на законотворчество. Как было отмечено выше, функции двухпалатного парламента в современном прочтении отсылают нас к XVI веку до н.э. Схожесть заключается в механизме принятия законов: предварительное обсуждение в Сенате и после – утверждение Народным собранием, при этом одобрение законопроекта Сенатом было обязательным условием.

В условиях Римской Республики (V-III века до н.э.) их функции и роль претерпели ряд изменений в силу равноправных полномочий двух консулов, в руках которых была сосредоточена верховная власть. В мирное время на них были возложены обязанности правления и судейства, в период военных кампаний они становились верховными главнокомандующими. Право законодательной инициативы Сенат получил в период ранней Республики, на начальном этапе консульства в этом праве ему было отказано. Признаком, отличающим Народное собрание от Сената, стал временный характер первого и постоянный – второго. Будучи стабилизирующим органом, Сенат продолжал оставаться устойчивым элементом государственного управления, кратно расширив свои полномочия в период поздней Римской Республики. Расширение коснулось внешнеполитического и военного устройства, составления календаря праздничных дат, управления по делам религии (виды жертвоприношений, интерпретация божьих знаков, запрет иностранных религиозных культов на территории Республики и пр.). То есть Римский сенат сочетал комплекс функций – законодательные, представительные, административные и судебные.

В период расцвета Римской империи наметилась тенденция к сокращению полномочий Сената, поскольку часто меняющиеся римские императоры (цезари) стали присваивать себе все больше сенатских функций и постепенно свели его роль к совещательному органу при своей персоне.

Эксперты склонны отождествлять устройство нижней и верхней палат парламента и Римского Сената. И. Мачульская проводит ряд параллелей, в который включает:

- «проведение избирательных кампаний (вотирование посредством личного опроса каждого сенатора)
- выборность или назначаемость членов Сената и кооптирование в него по должности;
- пожизненное нахождение в должности сенатора;
- наложение санкций на отдельные виды предпринимательской деятельности (для сенаторов);
- непрерывный характер деятельности верхней палаты;
- право законодательной инициативы обеих палат;
- кадровая политика;
- одобрение бюджета, налоговых ставок и сборов;
- регулирование вопросов войны и мира (в частности, отправка войск за границу, введение режима чрезвычайного и военного положений);
- внешнеполитическая деятельность» [Мачульская].

Становление парламента продолжилось и в средневековье – период бурных политических процессов на территории английского королевства. В 1265 г. по инициативе Симона де Монфора, графа Лейстера, было созвано собрание, номинированное «парламент», в него вошли по два рыцаря от каждого графства и по два представителя от крупных городских коммун. Повестку встреч составляли сугубо военно-политические вопросы антимонархического толка. В 1295 г. в аналогичном составе король Генрих III собирает так называемый «Образцовый парламент». Уже в XIV веке английский парламент становится двухпалатным, а спустя два столетия

появляется должность спикера (англ. *to speak* – говорить), в чьи обязанности входило ведение заседания нижней палаты, представительские функции от ее имени в переговорах с королем и верхней палатой.

Таким образом, социально-политическая структура средневековой Англии была представлена тремя элементами: 1) королем, 2) парламентом, состоящим из выборных представителей рыцарства, с одной стороны, и коммуны – с другой, 3) народом. Парламент выполнял посредническую функцию между монархом и низами и утвердился как орган, а) законно оспоривший то, что называлось «божественным правом» королей посредством введения ряда ограничений для королевской власти (упразднено право монарха на участие в законотворчестве, налогообложении в пользу королевской казны, контроля над высшими должностными лицами); б) введший процедуру импичмента (конец XIV), что говорило о стремлении подчинить своему контролю государственное управление, выдвигая обвинение против любого королевского должностного лица в палате лордов (высшего суда страны).

Такие широчайшие полномочия парламента противоречили курсу королевской власти, ориентированной на абсолютизм. Итогом разногласий стала революция и гражданская война 1642 г., по итогам которой значительная часть территории королевства была подчинена «республикански» настроенному парламенту, меньшая – демонстрировала лояльность сверженному монарху.

Одновременно с Англией аналогичный представительный орган – Генеральные штаты – был сформирован во Франции во время правления Филиппа IV Красивого, выступавшего против феодальной раздробленности, мешавшей политическому, экономическому и социальному укреплению королевства. Амбициям короля противостояла власть Рима в лице ее лидера – Папы, поддерживаемого всеевропейским римско-католическим духовенством, в связи с чем французская монархия испытывала необходимость в политической поддержке. Именно Генеральные штаты,

являвшиеся общефранцузским сословно-представительным органом и впервые собранные в 1302 г., должны были повлиять на конфликт с Папой Римским в пользу интересов короля Филиппа IV Красивого и французского народа.

В рамках проведенного исторического экскурса целесообразным представляется обозначить два главных отличия между Генеральными штатами во Франции и Парламентом в Англии:

а) налоговое бремя. Во Франции дворянство и духовенство были освобождены от уплаты налогов, а в Англии налогообложению подлежали все категории населения. Финансовые полномочия стали для парламента действенным инструментом в реализации всех политических стратегий и увеличивали степень их влияния;

б) структура представительного органа. Английский парламент с самого начала состоял из двух палат, его французский аналог – из трех. Провинциальные сословно-представительные органы заметно снижали эффективность деятельности Генеральных штатов, поскольку не хотели делиться с главным парламентом страны своим правом ведения финансовых операций, определять виды налогов и критерии их выплаты на подконтрольной территории.

2. Парламенты позднего средневековья и времен новой истории. Ко второму поколению относятся парламентские учреждения, возникшие в условиях буржуазных революций и принятия первых конституций (Конгресс США, Парламент Франции, Стортинг Норвегии и др.).

Утверждение института парламента в США происходило в русле военно-политического противостояния с Англией, известного как Война за независимость. Так, если на Европейском континенте парламенты формировались на основе политико-правовой традиции, то Конгресс США обязан своим появлением, прежде всего, революционной идеологии, а уж затем – сложившимся в Европе традициям. Континентальный конгресс 1774 года, который первоначально состоял из 55 представителей всех английских

колоний на территории Северной Америки, за исключением Джорджии, выдвинул ряд политических и экономических требований к метрополии. В частности, «Декларация прав» утверждала право американских колоний на «жизнь, свободу и собственность», а «Континентальная Ассоциация» (Continental Association) выступила с обещанием бойкотировать английские товары в случае нежелания Британии изменить финансово-экономическую курс.

После победы в войне с Англией Конгресс США конституционно был признан высшим законодательным органом, состоявшем из двух палат: Сената, или верхней – выбирались по два представителя от каждого штата; Палаты представителей, или нижней – депутаты выбирались пропорционально численности населения штата.

А.И. Щербинин уверен, что «американская парламентская система во многом соответствовала духу времени», что объясняет ее «существенное влияние на формирование новых парламентов в разных странах мира» [Щербинин 2007: 9].

Высшим законодательным органом стал и парламент Франции после провозглашения Конституции 1875 года во времена Третьей республики. Примечательной особенностью государственного устройства стала смешанная парламентско-президентская форма правления, в которой под институтом президентства скрывалась фигура конституционного, но выборного монарха (по типу конституционной монархии Бельгии).

Законодательной властью были наделены и Палата депутатов, и Сенат. Палата депутатов избиралась на 4 года всеобщим голосованием, согласно установившимся законам и системе. Сенат формировался следующим образом: 225 его членов избирались на 9 лет особыми избирательными коллегиями по департаментам, 75 членов назначались пожизненно Национальным собранием. Каждые три года на 1/3 проводилось обновление выборных членов. Полномочия палат были практически идентичными: решение вопросов войны и мира, принятие законов, запросы министрам,

парламентские расследования. Однако бюджетные законы первоначально принимались Палатой депутатов. Верховная власть была совместной – ею обладали обе палаты. Объединившись в Национальное собрание, они избирали на семилетний срок президента и могли пересматривать конституцию.

Важно отметить, что двойственность общегосударственного уклада, установленного Конституцией 1875 г., предопределила важнейшее обстоятельство последующей конституционной истории Третьей республики: преобладающее значение политического режима, который зависел от реальной расстановки политических сил. После победы республиканцев на выборах 1876 г., а затем – на внеочередных 1877 г., последовала отставка президента П. Мак-Магона.

О.А. Омельченко связывает эту отставку с концом «авторитарного устремления в государственном укладе». Например, во Франции законодательная база 1875 года установила новый республиканско-парламентский режим, просуществовавший с 1879 года до начала Первой мировой войны» [Омельченко 1998: 25].

Война за независимость Соединенных Штатов, идеи Французской революции, буржуазно-демократические преобразования в Европе оказали сильное влияние на Норвегию, которая ко времени наполеоновских войн находилась в составе Датского королевства и фактически поддерживала Наполеона. После поражения Наполеона Данию заставили уступить Норвегию шведскому королю (по Кильскому мирному договору 1814 года). Отказавшись подчиниться, норвежцы воспользовались ситуацией и созвали Государственное (Учредительное) собрание представителей, выдвинутых главным образом из зажиточных сословий. Собрание приняло либеральную конституцию, избрав королем Кристиана Фредерика – датского престолонаследника, наместника Норвегии. Однако отстоять независимость не удалось из-за позиции великих держав, гарантировавших Швеции присоединение к ней Норвегии. Шведы направили против Норвегии войска, и

норвежцы были вынуждены согласиться на унию со Швецией, сохранив при этом конституцию и самостоятельность во внутренних делах. В ноябре 1814 первый избранный парламент – Стортинг – признал власть шведского короля. Стортинг собирался раз в три года, чтобы проверить финансовую отчетность, отреагировать на жалобы и отвести любые попытки шведов пересмотреть соглашение 1814 года. Король имел право наложить вето на решения Стортинга, и примерно каждый восьмой законопроект, таким образом, отклонялся.

С 1884 по 1905 гг. Норвегия осуществляла переход к конституционно-парламентской монархии. Р.В. Енгибарян и Э.В. Тадевосян уверены Конституция, принятая по принципам демократии, привнесла кратные «ограничения в конституционно-правовой статус, правомочия и реальную власть монарха» [Конституционное 2000: 111]. В достижении полной политической независимости от Швеции заметную роль сыграл парламент страны, возглавляемый либеральной партией.

В России вопрос о представительстве и создании учреждения парламентского типа был поставлен в начале XX века, хотя к этому моменту опыт становления подобного органа в России уже имелся – это «круг молодых друзей императора» (при Александре I), совет сподвижников Петра I, Боярская Дума (XVI-XVII вв.), губернские земства-парламенты, обладавшие законосовещательным правом (при Александре II).

Логично, что в контексте дальнейших преобразований появились не только гласные (выборные) местные представительные органы, но и депутаты общегосударственного парламента. Увереннее звучали призывы о создании представительного органа или хотя бы возобновлении созывов Земских соборов. Наиболее отчетливо эта идея была представлена в сочинениях М.М. Ковалевского и Б.Н. Чичерина, полагавших, что вся история человеческого прогресса связана с расширением соучастия людей в управлении (народоправство) и увеличением веса представительного органа (парламента) в жизни государства и общества. По их мнению, лучшей формой

государственного устройства, наиболее приемлемой и для России, является конституционная, парламентарная монархия.

Народное представительство, полагал русский правовед, один из основоположников конституционного права Б.Н. Чичерин, при этом будет не помехой, а опорой и поддержкой правительства. Благодаря представительству власть «приобретет новые силы», ибо сможет «яснее видеть состояние общества, глубже вникнуть в его потребности, действовать решительнее, опираясь на доверие народа и на общую готовность поддерживать меры, одобренные выборными людьми» [Гаврилов 2015: 30].

Император был против создания Всероссийского земства в качестве развития российского парламентаризма, поскольку видел в этом ограничение незыблемых принципов самодержавия. Революция 1905 – 1906 гг. вынудила Николая II предоставить российскому народу гражданские права и создать Государственную думу, которая, однако, так и не стала полноправным парламентом России ввиду всевластия самодержавия, что было продемонстрировано 3 июня 1907 года, когда царь разогнал Думу и внес изменения в Основной закон, нарушив Манифест от 17 октября 1905 года.

Надо сказать, что первые шаги парламентаризма всегда вызывали в России горячую волну одобрения. Депутат-перводумец И. Петрункевич писал, что именно Конституция позволит России «побороть любые препятствия по осуществлению конституционного строя во всей его полноте» [Шевырин 2006: 191].

Падение монархии в результате Февральской буржуазно-демократической революции открыло перед Россией возможность перехода к созданию демократической парламентской формы правления. Учредительное собрание должно было стать воплощением новой формы народного представительства. Однако отсутствие опыта участия в управлении государством и твердой политической воли, желания завершить реформы с учетом политической ситуации в стране у членов Временного правительства

привели к углублению политического кризиса и захвату власти радикальными революционными силами во главе с большевиками.

Несмотря на достаточно долгое непризнание в России значимости роли парламента в государственном управлении опыт работы Государственной Думы стал важным теоретико-практическим ресурсом для определения основополагающих принципов парламентаризма и анализа многих частных вопросов с ним связанных. И.А. Кравец уверен в том, что опыт конституционализма России начала XX столетия в вопросах депутатских практик, отдельных парламентских прецедентов, институциональной ответственности министров (о введении последней, кстати, говорили даже либералы) может «усовершенствовать конституционную систему современных государств» [Кравец 2000: 10].

Важно отметить, что второму поколению парламентов свойственно воспринимать концепцию народного представительства (Ш. Монтескье, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.) как антитезу абсолютизма и безальтернативную, обоснованно рациональную основу истинной демократии.

В зависимости от условий в каждой конкретной стране эта идея находила свое уникальное прочтение в конституционно-правовых формах. Например, вся система власти в Англииподпадала под единое понятие «парламентское правление», поскольку страна официально признала принцип верховенства парламента. В США концепция разделения властей была воспринята практически единогласно, поэтому Конгресс как парламентское учреждение оказался в одной параллели с Верховным Судом и Президентом. Законотворческая деятельность и бюджетирование осуществлялись парламентом в обеих странах, но за английским была закреплена еще и функция контроля над правительством. Со временем все страны мира выбрали одну из этих моделей, «модифицировав их с с учетом локальных компонентов» [Баглай 2018: 489].

3. Парламенты, созданные после Второй мировой войны. Третье поколение составляют парламенты, образованные в ряде стран Азии и Африки

после приобретения ими государственного суверенитета по окончанию Второй мировой войны. Анализируя особенности становления института парламента в молодых государствах, отметим, что мир развитых держав после победы над фашизмом разделился на западное (капиталистическое) и восточное (социалистическое) социокультурные пространства, что предопределило принципиальную разницу в их развитии, особенно в идеологическом и политическом русле. Выбор определялся политической ориентацией на ту или иную группу стран. С конца 1950-х по 1970-е годы большая часть молодых государств с относительно продвинутым индустриальным укладом сохранила «капиталистическую ориентацию», унаследованную от бывших метрополий. «Некапиталистическая», социалистическая ориентация принималась меньшим числом стран, где преобладали доиндустриальные, порой общинные отношения. В 1960-е годы о таком выборе заявили около 30 государств, к концу 1980-х годов их насчитывалось около десяти.

Среди стран Азии и Африки были и те (например, Иран, Ливия), что не выбрали ни один путь развития из двух предложенных европейским миром, а сделали ставку на собственный («третий», «четвёртый»). По конституции законодательная власть в Иране принадлежит меджлису (парламенту) (в Иране однопалатный), а исполнительная – президенту и совету министров. Состав парламента выбирается референдумом на 4-летний срок, а по мере демографического роста каждые 10 лет увеличивается и число депутатов. Деятельность президента и правительства контролируется высшим духовным и политическим авторитетом – Вилаят аль-факихом/велаят-е факихом. Основу законодательства и внутренней жизни государства составляет священная книга мусульман – Коран и свод бытовых норм – шариат. По конституции руководящая роль в обществе принадлежала мусульманскому духовенству.

Особый путь был избран Ливией, где высшими органами власти после свержения монархии стали Всеобщий народный конгресс и Высший народный комитет. Наравне с этими политическими структурами возникли так

называемые Революционное руководство и Революционные комитеты на местах. Пост главы государства занял М. Каддафи, официальный титул которого значился как «Лидер революции 1 сентября». Им была выдвинута концепция, согласно которой путь к демократии лежит через «народную революцию», устанавливающую режим, где власть осуществляет не партия, не класс, не парламент, а «весь народ» (через народные собрания и комитеты). Лидер революции обладал правом распустить конгресс или наложить вето на его решение. Режим М. Каддафи позиционировал себя как персоналистскую авторитарно-эгалитарную форму правления, основными чертами которого являлись: а) наличие по сути надгосударственного поста «Лидера революции» с неограниченной властью; б) сосредоточие ключевых функций в руках неподотчётного никому узкого круга лиц («Революционного руководства»); в) отсутствие в стране конституции, ограничивающей власть «Революционного руководства» и «Лидера революции»; г) существование нескольких тысяч «революционных комитетов» параллельно официальным государственным структурам. В таких условиях парламент фактически не обладал верховной властью в стране и состоял из лояльно настроенных депутатов.

В целом в общемировом контексте после Второй мировой войны наметилась тенденция к росту относительной самостоятельности парламентов по отношению к правительствам. В каждой стране этот процесс имел свою специфику. К примеру, Уотергейтский скандал в США скомпрометировал президента, это дало конгрессу реальную власть. Приход консервативного республиканца Р. Рейгана в 1981 году стабилизировал президентскую власть.

Во Франции с уходом президента Шарля де Голля и, соответственно, отказом от идеологии голлизма возросли реальные полномочия Национального собрания, вследствие чего восстановился и парламентаризм. Наиболее полное выражение этот процесс получил в период двукратного президентства Ф. Миттерана.

Таким образом, демократия, пережив кризис 30-40-х годов, приобрела качественно новые черты – расширение избирательного права, а также

законодательных, бюджетных и контрольных полномочий парламентов во многих странах.

4. Современные парламенты. Четвертое поколение составляют парламенты государств из числа бывших республик СССР, стран Восточной Европы и современные парламенты ведущих держав мира. После распада СССР мощной волной прошел парад суверенитетов теперь уже постсоветских республик, который актуализировал вопрос о новом правовом определении – принятие новых конституций, которые бы отвечали обновленному международно-правовому статусу государств, выбравших демократический путь развития.

М. Джалилов, рассуждая о новых целях новых государств, говорит о обязательной «реализации демократических начал <...>, приоритете общечеловеческих демократических ценностей и прав человека» [Джалилов 2012: 195].

Конституции всех государств-участников СНГ закрепили за высшим представительным и законодательным органом государственной власти номинацию «парламент» больше 30 лет назад, однако собственно государственный механизм, а также правовое поле деятельности высших органов власти и местного самоуправления все еще продолжают формироваться [Баглай 2018: 211].

По форме правления государства Содружества составляют две группы:

- президентские республики (Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан);

- полупрезидентские, то есть со смешанной формой правления.

При этом и для президентских, и для полупрезидентских постсоветских государств исключительный приоритет составляют национальные интересы, в реализации которых активное участие принимает парламент со своей практикой и векторами развития. Например, все парламентарии Туркменистана принадлежат единственной разрешенной в стране партии, а

сам парламент находится в подчинении президента. В Молдове действует обратный правовой порядок – президент избирается парламентом.

Правовые различия фиксируются в вопросе избрания парламентариев, а объединяющим началом стала пропорциональная избирательная система, сменившая мажоритарную. В частности, в Армении и Молдове депутатство связано со специальными партийными списками, а часть депутатов верхней палаты некоторых центральноазиатских парламентов назначает только президент.

Принципы парламентаризма как системы представительства народа в виде избираемого собрания продолжают системно совершенствоваться во всех государствах мира по нескольким основным критериям:

– модернизация механизмов работы в условиях разноплановых глобальных вызовов;

– расширение правовых полномочий парламентариев;

– стремление институтов власти адаптироваться к инновационно-техническим реалиям.

Отказ / неготовность / нежелание следовать современным тенденциям создает иллюзию «кажущейся самодостаточности» (по Вишнякову) и мнимой «развитости» (по Вишнякову) – прямой путь к «анахронизму и общественно-политической стагнации» [Вишняков 1994: 35].

Говоря о сущностных характеристиках парламента, приведем определение, которое предлагает Б.А. Страшун и которое причисляется к категории классических в системе разделения властей: «Парламент – это общегосударственный представительный орган, ответственный за законотворчество» [Страшун 1995: 96].

Однако дефиниционная панорама этого понятия намного шире. Рассмотрим некоторые из предлагаемых трактовок понятия «парламент»:

Н.С. Крылова: а) «верховный законодательный орган с исключительными полномочиями по контролю над правительством; б) форум

по обсуждению насущных тем социально-политической повестки» [Крылова 2013: 86-87].

М.Ю. Зеленков: «выборный, значительный по составу, автономный орган власти со статусно равными членами» [Зеленков 2003: 60]. Эта трактовка выступает аналогом латинских корней термина «парламент» – «*partum*» («равные») и «*lamentum*» («жалобы», «печали») – место собрания равных по статусу людей, где они имеют возможность высказывать свои жалобы.

З.Ю. Доржу и Е.М. Ондар: «прямая демократия – дискуссии обладателей избирательного права, большинством голосов определяющих права и полномочия общества в целом или конкретной его части» [Доржу 2020: 4].

М.А. Сапронова: «Парламент – это зеркало нации» – наиболее полная проекция профессионального, религиозного, сословного, возрастного составов избирательного корпуса государства», <...> однако идея «достичь такой идеальной схемы при действительно свободных и демократических выборах – априори утопична» [Сапронова 2008: 18]. Парламент, надо отметить, ответственен за создание и других высших органов государства (избирание президента, формирование конституционного суда и правительства), а также реализацию внешнеполитических стратегий.

Ж. Овсепян: «1) выборный орган; 2) коллегиальный орган государственной власти, учитывающий конкурентные политические взгляды при принятии решений; 3) орган, осуществляющий законотворчество, бюджетирование и кадровое распределение; 4) орган, наделенный предметно-определенными полномочиями; 5) представительное учреждение власти, соответсвующий принципам народного суверенитета; 6) государственный орган, олицетворяющий законодательную ветвь власти, но не обладающий полнотой власти; 7) орган, строго соблюдающий правила надлежащей правовой процедуры» [Овсепян 2007: 10-11].

В.Е. Чиркин: «высший орган народного представительства; контрует деятельность высших должностных лиц и органов исполнительной власти;

регулирует общественные отношения посредством законотворчества, выражает суверенную волю народа» [Чиркин 1997].

В.Е. Чиркин приводит структурные виды парламента: 1) триединое учреждение – глава государства, верхняя и нижняя палаты (характерно для англосаксонского права); 2) двуединое учреждение – глава государства и национальное собрание (характерно для стран с влиянием англосаксонского права) или две палаты, а глава государства не является частью парламента (континентальное право (Германия, Франция)) или глава государства как часть однопалатного парламента [Чиркин 1997].

Как видим, анализ показал относительную идентичность определений понятия «парламент», фиксируется лишь отдельные региональные отличия функционального и номинативного характера. Последнее зависит от историко- культурных предпосылок, а также национальных политических, правовых и лингвистических традиций. Итак, парламент в

в странах Содружества:

- Государственная Дума – Россия;
- субъектах Российской Федерации:

  Областная Дума – Брянская и Белгородская области,

  Самарская Губернская Дума – Самарская область,

  Областное Собрание депутатов – Архангельская область,

  Законодательное Собрание – Челябинская область,

  Верховный Хурал – Республика Тыва,

  Государственный Совет – Республика Татарстан,

  Парламент – Чеченская Республика;
- Маджлиси Оли – Республика Таджикистан,
- Олий Мажлис – Республика Узбекистан,
- Национальное Собрание – Республика Армения,
- Халк Маслахаты и Меджлис – Туркменистан,
- Национальное Собрание – Республика Беларусь,
- Милли Меджлис – Азербайджанская Республика,

- Законодательное собрание Жогорку Кенеш – Кыргызская Республика,
- Парламент – Республика Казахстан,
- Парламент – Республика Молдова;

в других странах:

- Фолькетинг – Дания,
- Кнессет – Израиль,
- Генеральные Кортесы – Испания ,
- Сейм – Польша, Латвия и Литва ,
- Конгресс – США,
- Верховная Рада – Украина,
- Риксдаг – Швеция и т.д.

Значительное число существующих в настоящее время парламентов являются двухпалатными (бикамеральными):

- Государственная Дума России,
- Маджлиси Оли Таджикистана,
- Конгресс США,
- Национальное Собрание Франции,
- Генеральные Кортесы Испании,
- парламенты Великобритании, Италии, Германии, Японии и ряда других государств.

Многие страны, в частности в континентальной Европе, имеют однопалатные парламенты: Болгария, Венгрия, Дания, Финляндия, Швеция и др.

Нижние палаты и однопалатные парламенты именуются по разному:

- «Национальный совет» – Австрия, Швейцария;
- «Национальное собрание» – Вьетнам, Франция;
- «Палата представителей» – Бельгия, США, Япония.
- «Палата депутатов» – Бразилия, Италия, Чехия;

Современные парламенты как связующее звено между обществом и властью полностью или частично избираются народом (избирательным

корпусом), действуют на постоянной основе и осуществляют в механизме государственного властвования законотворческую, учредительную, контролирующую (за исполнительной властью), бюджетно-финансовую, внешнеполитическую и другие функции.

На сегодняшний день в научной литературе существует общепринятая концепция разделения парламентов на четыре основные модели. Первую модель представляют парламенты государств (Болгария, Великобритания, Венгрия, Греция, Италия, ФРГ и др.), которые провозгласили в качестве основы конституционного строя принцип парламентского правления. Место и роль парламента в системе государственных органов в этих странах определяется тем, что правительство формируется и несет ответственность перед парламентом, поскольку является его производным. В некоторых из этих стран глава государства также избирается при активном участии парламента.

Вторая модель представлена странами, которыми в основу государственности заложен принцип жесткого разделения властей (например, США), и соотношение трех ветвей власти определяется конституционной системой «сдержек и противовесов».

Третьей модели придерживаются государства со смешанной формой правления (Россия, Франция и др.), где президент наделяется правом роспуска парламента, хотя провозглашается институт парламентской ответственности правительства.

Четвертую модель составляют парламенты так называемого «советского образца», которые характерны в первую очередь для таких «островков социализма», как Социалистическая Республика Вьетнам, Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Куба. Функции парламента формальны – поддержка политических решений, ранее принятых высшими партийными органами.

Так называемые «консультативные» парламенты (Бахрейн, Бруней, Катар, ОАЭ), будучи по своей сути совещательными учреждениями, не могут быть отнесены ни к одной из указанных моделей.

Значимая роль парламента в механизме государственного управления актуализировала вопрос о парламентаризме и связанных с ним практиках. Комплексная природа парламентаризма не позволяет закрепить за этим понятием универсального определения, удовлетворяющего если не всем, то, по меньшей мере, магистральным научным концепциям.

Парламентаризм и его идеи рефлексируются через призму категориального секстета:

- «некая шкала социальных ценностей» по О.О. Миронову,
- «формы правления» по Б.С. Крылову,
- «режим» по Н.А. Богдановой,
- «политический институт» по И.Д. Левину,
- «политическая система» по Von Sydow B.,
- «государственный строй», «принцип», «особая система государственной власти» по М.А. Моргуновой.

Фокус на классические дефиниции показал несколько парадигматических и синтагматических связей, в соответствии с которыми в ядровую зону парламентаризма входят разделение власти, законность и представительность, а в приядерную – верховенство собственно представительного органа и многоразличные теоретико-прикладные срезы госуправленческого комплекса.

Для Л.Г. Коноваловой парламентаризм – это не столько наличие в государстве парламента, сколько «продуктивная деятельность последнего» [Коновалова 2016: 110].

С. Котляревский воспринимает его как «единогласие, единомыслие парламента и правительства».

«Парламентаризм» и «парламент» практически не пересекаются, праткически не идентичны и не взаимосвязаны, – полагают М.В. Баглай и В.А. Туманов, – поскольку не всегда подразумевают одновременное наличие друг друга [Баглай 1998].

О политико-правовых гранях и границах парламентаризма рассуждает А. Дайси, называя парламентское верховенство «системообразующим критерием парламентаризма».

Б.С. Крылов приводит слова американского исследователя Дженнингса о том, что мощь парламента не «в полномочиях, а в общественном мнении» [Крылов 1963: 58].

Парламентаризм в понимании Е.К. Глушко, П.С. Грацианского, И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой разнится – «особая система организации государственной власти», «социальная справедливость и правопорядок», «разделение власти», «верховенство закона» [Глушко 1992: 86-102; Грацианский 1986; Хабриева 2003: 5].

Идентичное определение приводится в Учебнике по конституционному праву зарубежных стран: «... форма государственного руководства с присущими ей параметрами:

а) ведущее положение парламента в системе высших органов государственной власти,

б) контроль парламента за исполнительной властью,

в) разделение законодательного и исполнительного труда,

г) привилегированное положение депутатов и их юридическая независимость от избирателей» [Конституционное 2016: 235].

Двойственная структурная, содержательная и политико-правовая сущность парламентаризма вызывает противоречивые и даже несколько категоричные трактовки.

В.М. Шаповал ссылается на исторический контекст с акцентом на стабильно лидирующую роль парламента в «реализации государственно-властных полномочий», и константное восприятие парламентаризма в

качестве инструмента, «инициирующего кооперацию государства и общества» [Шаповал 1997: 15]

И.В. Гранкин склонен видеть парламентаризм в «государстве с парламентом, обладающим правом законодательным, органообразования и контроля» [Гранкин 2001: 19]. Основным критерием парламентаризма исследователь считает верховенство парламента, поскольку в этом случае утверждается единство народного представительства и полностью исключается всякое соперничество между законодательной и исполнительной властями [Гранкин 2001: 19].

Для М.А. Моргуновой парламентаризм – это форма государственного руководства, где парламент

а) «доминирует в системе высших органов государственной власти;

б) контролирует власть;

в) дифференцирует законодательную и исполнительную деятельность;

г) наделяет депутатов особыми привилегиями и обеспечивает их юридическую независимость от избирателей» [Конституционное 2016: 141].

Р.М. Романов утверждает базовые права парламента:

«1) законотворчество;

2) избрание и отставка правительства / президента;

3) контроль над органами исполнительной власти» [Романов 2009: 138].

Большой энциклопедический словарь «Право и политика» наделяет парламентаризм свойством четко распределять законодательную и исполнительную функции при формальном верховенстве парламента; уточняется, что при такой системе правительство и все его действия непременно должны быть одобрены парламентом [Гавриленко 2001: 762].

«Априорное верховенство парламента» – именно так воспринимают М.В. Баглай и В.А. Туманова парламентаризм. Но здесь же ученые уточняют, что «отношения между парламентом и главой государства в президентской, полупрезидентской республике и дуалистической монархии еще не дают повода вести речь о парламентаризме [Баглай 1998: 301].

Параметры парламентаризма синтезирует Н.А. Съедин:

«1) организации власти (госуправление, взаимодействие государства и общества);

2) центральная роль и высокая степень влияния парламента в вопросах осуществлении государственно-властных полномочий;

3) наличие определенных условий существования парламентаризма и его непременных атрибутов» [Съедин 2002: 27].

Многоаспектное расширение политического медиапространства через новые каналы коммуникации, разнородные информационные потоки, партийный плюрализм, привилегированность депутатского корпуса, референдумную демократию и, как следствие, одноименное мышление углубило трансформационную парадигму общественно-политических институтов, изменило восприятие конституционной природы парламентаризма через дуалистическую призму «парламент – общественные институты».

«Парламентаризм там, где парламент играет важную политическую роль» [Чиркин 2011: 111] – эту концепцию выдвигает В.Е. Чиркин.

В. Журавський утверждает, что суть парламентаризма заключается в «верховенстве парламента, его привилегированном участии в системе законодательной и исполнительной власти» [Журавський 2001: 81].

Такой ограниченный ракурс позволяет обозначить парламентаризм как государственный режим, «форму правления», при которой отношения между высшими органами строятся исключительно в юридическом поле. Например, специфика партийной системы парламентской монархии или республики предполагает реализацию двух государственных режимов: министериализма (система кабинета) и парламентаризма.

Главный принцип министерализма – одна доминирующая партия при двух- или многопартийной системе, именно к этой доминанте принадлежат все члены правительства и парламентское большинство. Такой расклад сил

предоставляет правительству возможность контролировать парламент, хотя юридическая норма предусматривает обратное.

Парламентаризм для Б.А. Страшуна – «неспособность ни одной политической партии иметь в парламенте абсолютное большинство» [Страшун 1995: 6-7] . То есть следует вести речь об отсечении любой возможности сформировать однопартийное правительство, создать коалицию. Такая постановка – гарантия доминирования парламента во всех общественно значимых вопросах политической повестки как внутри страны, так и за ее пределами.

Эффективность института парламентаризма определяется целым рядом факторов, в частности ее культурно-исторического типа, политических традиций и реалий.

Т.Я. Хабриева и И.М. Степанов обращают внимание на то, что «нарастающая идейность парламентаризма – общемировая тенденция» [Хабриева 2003: 5], которая характеризуется приверженностью ценностям представительной демократии и сочетается с методами прямой демократии.

Резюмируем: парламентаризм в силу своей эволюционной природы способен обеспечить поэтапное, безболезненное развития общества, благодаря чему парламентские институты стали органичной частью современного государственного механизма. Попытки подменить народное представительство, сосредоточить всю полноту власти в руках исполнительных органов – это шаг назад, в условиях неоднородности общества чреватый социальными конфликтами с непредсказуемыми последствиями.

1.2. Политико-правовые особенности становления и развития института парламента в Республике Таджикистан

Стремительно изменяющиеся политико-правовые реалии и современные угрозы и вызовы остро ставят перед научными кругами страны

вопрос о способах и степени участия населения в организации и реализации государственными органами своих инициатив. Не вызывает сомнений, что трансформация взаимоотношений между властными структурами внутри отдельно взятого социума продиктована необходимостью обновления категориального аппарата с целью более точного и полного отражения многообразия современной политической жизни. В связи с этим следует обратить внимание на то, что универсализм представительной демократии и ее способность обеспечить правопорядок, стабильность и соблюдение основных прав человека способствовали глобальной популяризации парламентаризма. Однако корректное восприятие реальной роли парламента в функционировании политических структур на разных исторических этапах требует широкого междисциплинарного подхода к анализу политико-правовой сущности парламентаризма.

Развитие парламентаризма в Республике Таджикистан имеет свои характерные особенности. Страна является площадкой успешного внедрения новых методов политического устройства, в том числе по развитию института парламента. В условиях Таджикистана все эти подходы и методы получили уникальное и субъективное прочтение в ходе формирования Маджлиси Оли.

М. Джалилов к числу основных достижений парламентской практики относит способность парламента к «компромиссу с вооруженными оппозиционными силами, использование цивилизованных форм взаимодействия, в частности принципов политического и идеологического плюрализма в светском диалоге с религиозными объединениями [Джалилов 2012: 192].

Историческое прошлое свидетельствует о том, что для предков таджиков были чуждыми принципы народного представительства и разделения власти, характерные для западноевропейской политико-правовой теории государственности. В основу формирования публичной власти в мусульманских странах и становления взаимоотношений главы государства и подданных положена государственно-правовая концепция «преемства

пророческой миссии в защите веры и руководстве земными делами» [Сюкияйнен 1997: 137].

На протяжении более чем 2-х тысяч лет таджикская государственность основывалась на монархической форме правления. Главу государства называли эмиром, в отдельных регионах – ханом, его деятельность ограничивалась исламским правом и все решения согласовывались с авторитетными правоведами. В функции эмира входило: назначение и освобождение чиновников, определение их мандата; проведение административных, военных, налоговых и иных государственных реформ; выполнение полномочий высшей судебной инстанции со ссылкой на нормы шариата, контроль над исполнением мусульманами религиозных предписаний и норм мусульманского права. В условиях преобладания религиозных убеждений, предусматривающих подчинение эмиру как лицу, исполняющему волю Всевышнего на земле, ни о каких принципах демократии речь не велась и степень участия народа в общественно-политических делах по сути была нулевой.

Октябрьская революция 1917 года кардинально изменила теорию государственности, запустив процессы консолидации принципов народного представительства. Коммунистические идеи взломали религиозно-нравственный доминант менталитета таджикского народа, заложив в общественное сознание концепцию народовластия. Динамичное утверждение советской концепции организации власти способствовало новому пониманию идей народного представительства, отличных от западноевропейских аналогов. Несмотря на многовековой опыт формирования и развития системы государственного управления многие аспекты парламентаризма были объявлены буржуазными и реакционными.

Сущность западной модели парламентаризма была подвергнута резкой критике основоположниками социализма и коммунизма К. Марксом и В.И. Лениным. В частности, В.И. Ленин видел выход из парламентаризма «не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении

представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения». Вождь мирового пролетариата рассматривал коммуну не как парламентский институт, а как законодательное и исполняющее законы учреждение <...> «Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов здесь нет. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии, без парламентаризма можем и должны, если критика буржуазного общества для нас – не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьёзное и искреннее стремление, а не «избирательная» фраза для уловления голосов рабочих…» [Ленин 1958-1965: 480].

Коммунистические идеологи признавали буржуазную государственную машину, как и всю дореволюционную систему государственности, эксплуататорской, непригодной и противоречащей интересам пролетариата. В связи с этим никто ни на Западе, ни в России всерьез не воспринимал и тем более не ставил объектом изучения дореволюционные принципы и ценности в области парламентаризма.

Подобные взгляды кардинально отразились на системе представительных органов всех союзных республик, включая и Таджикистан. Государственный аппарат, в основу которого были заложена теория марксизма-ленинизма, прямо противопоставлялся парламентаризму. Конституцией СССР и Основными законами всех советских республик Советы народных депутатов признавались полноценными институтами народовластия, что давало им право принимать решения по вопросам

государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, формировать подотчетные им исполнительно-распорядительные и контрольные органы.

В частности, в соответствии со статьей 2 Конституции Таджикской ССР «вся власть в Таджикской ССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу Таджикской ССР» [Конституция 1987], что делало Совет народных депутатов «полновластным» государственным органом со всей широтой полномочий.

Следует отметить, что волеизъявление народа как высшая идея власти формировало советское восприятие демократии: «Советы образовывали разветвленную систему представительных органов, которые функционировали и в центре, и на местах, во всех административно-территориальных единицах и на всех уровнях государственной организации» [Иналкаева 2013: 225].

В ходе сравнительного анализа С. Кара-Мурза приходит к выводу о возникновении в Союзе нового, несхожего с западным, типа демократии: «Советы с самого начала несли в себе идеал прямой, а не представительной демократии» [Кара-Мурза 2004: 419]. «Советы были порождены политической культурой народов России и выражали эту культуру. Судить их принципы, процедуры и ритуалы по меркам западного парламента – значит, впадать в примитивный евроцентризм. В практике Советы выработали системы приемов, которые в конкретных условиях советского общества были устойчивой и эффективной формой государственности» [Кара-Мурза 2004: 420].

Во всех союзных республиках, в том числе и в Республике Таджикистан, Верховный Совет являлся высшим органом государственной власти. В круг его полномочий входило избрание Совета министров и Президиума Верховного Совета, рассмотрение вопросов по всем сферам деятельности

страны. Депутаты непременно состояли в Коммунистической партии Таджикистана, избирались на прямых выборах сроком на пять лет.

Однако де-факто народное представительство в лице Советов народных депутатов, равно как и его деятельность, не отвечало нормам и принципам реального народовластия, в силу чего могло считаться формально закрепленной фикцией. Согласно конституционной норме КПСС и ее органы на местах осуществляли полновесный контроль над всеми сферами жизнедеятельности граждан: «КПСС является руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» [Хабриева 2003: 119].

Кризис 70-80-х гг. XX века, который носил в известной степени латентный характер, стал предтечей демократических преобразований. Единовластие Коммунистической Партии не оправдало возложенную на нее миссию и репутацию, и скорректировать сложившуюся ситуацию должны были, по мнению З. Ализода, «Постановление ЦК КПСС ‘О дальнейшем совершенствовании партийного руководства Советами народных депутатов’ (от 25 июля 1986 года) и Совместное Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР ‘О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС’» [Ализода 2014].

Этот пакет документов утверждал необходимость внесения поправок в Конституцию в целях избавления от «мелочной опеки» [Черненко 1984: 144], расширял ответственность и полномочия Советов, увеличивал количество субъектов, обладающих правом выдвижения народных депутатов. Однако данный перечень мер не смог справиться с нарастающими общественно-политическим кризисом, поскольку не был рассчитан на системные преобразования.

Между тем важно обратить внимание на то, что статья 2 первой главы Конституции Таджикской ССР 1978 года утверждала принадлежность власти

народу: «Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу Таджикской ССР. Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов» [Мамадазимов 1996: 13].

Верховному Совету отводилась отдельная глава, обозначавшая его характеристики и компетенции, регламент сессий и актов; допустимое количество депутатов; принципы формирования и полномочия Президиума и постоянных комиссий; право законодательной инициативы.

Право Верховного Совета Таджикской ССР решать вопросы по ведению Таджикской ССР утверждалось Конституцией СССР и Основным законом Таджикской ССР. К данному блоку вопросов относились две большие группы проблем:

- политические – принятие законов и образование органов, подотчетных Верховному Совету;
- экономико-социальные – разработка и исполнение государственных планов по экономическому и социальному развитию, предоставление отчетов об их выполнении.

Как видим, практически вся деятельность Верховного Совета республики регламентировалась Конституцией, а отдельный ряд вопросов регулировался Законами «О Совете Министров Таджикской ССР», «О статусе народных депутатов», «О выборах народных депутатов Таджикской ССР».

В условиях коренной перестройки отношений между союзными республиками, взявшими курс на суверенизацию, возникла необходимость пересмотра основ государственной организации и внесения новых поправок в Конституцию. Так, 24 августа 1990 года на второй сессии Верховного Совета Таджикской ССР двенадцатого созыва была принята Декларация о суверенитете Таджикской ССР, которая предопределила идею создания представительного органа, соответствующего нормам и принципам парламентаризма. В частности, пункт 2 Декларации гласил: «Народ является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти.

Народ осуществляет государственную власть как непосредственно, так и через представительные органы» [Декларация 1990].

Данная Декларация способствовала повышению ответственности Совета народных депутатов, Президиума и постоянных комиссий за темпы социально-экономического развития страны и демократизации общества. Однако усиление их полномочий заметно ослабило роль и функции партийных органов. Такой дисбаланс обусловил необходимость новой редакции соответствующих глав Конституции.

З. Ализода отмечает, что «основу этих изменений составляло укрепление полномочий Верховного Совета как высшего органа государственной власти, реализующего в своей деятельности законодательные, распорядительные и контрольные функции, его Президиума и постоянных комиссий (комитетов) Верховного Совета республики» [Ализода 2014: 53].

Особый, привилегированный, статус Верховного Совета сделал партийное руководство «главой» органов государственной власти: К. Махкамов, занимавший пост первого секретаря ЦК КП Таджикистана, сначале возглавил Верховный Совет республики, а затем стал Президентом страны.

Важно отметить, что фундаментальную основу парламентаризма заложил Пункт 3 Декларации, институционально разделив власть в Таджикской ССР на законодательную, исполнительную и судебную, закрепив за парламентом статус представительного органа и таким образом систематизировав его отношения с другими властными институтами.

Анализируя историческое значение Декларации, Ф. Ализода выделяет фундаментальное государственно-политическое значение принципа разделения властей, поскольку без этого «невозможно говорить вообще о правовом государстве и парламентаризме» [Ализода 2014: 58].

Принцип разделения властей является, на наш взгляд, рациональным механизмом, обеспечивающим оптимальный баланс властных полномочий между различными государственными органами, отсекая любую (менее, более

или полную) концентрацию полномочий у одного должностного лица или органа государственной власти. Такой подход направлен на предотвращение произвола во властных структурах, поскольку последние, в силу своего статуса самостоятельности, будут выполнять сдерживающую, балансирующую и контролирующую функции по отношению к друг другу, реализуя «систему сдержек и противовесов».

Примечательно, что в государствах с тоталитарным и авторитарным режимом, как правило, принцип разделения властей не признаётся.

Теория разделения властей разрабатывалась на протяжении длительного периода развития политико-правовой мысли. Изначально эта идея принадлежала Аристотелю, ее теоретическим обоснованием занимался Дж. Локк (1632-1704 гг.), классической интерпретацией – Шарль Луи Монтескье (1689-1755 гг.), современным прочтением – А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Дж. Джеем – авторы «Федералиста» (серии газетных статей, пропагандировавших федеративную основу в период обсуждения американской Конституции 1787 г.).

В.Н. Протасов предлагает ключевые параметры теории разделения властей:

- конституционно-правовое регулирование;
- четкое разграничение полномочий и функций;
- равноправие и независимость;
- неспособность к взаимоустранению;
- сосредоточенность только на своих правах;
- исключение политического влияния судебной власти;
- правовая гарантия длительного пребывания судьи в должности;
- право судебной власти признать закон, противоречащий Конституции, недействительным [Протасов 1999: 365].

Однако коммунистическая доктрина, в основе которой лежала концепция марксизма, отрицала принцип разделения властей. Объединение Советами законодательной и исполнительной властей подразумевало

истинное народовластие. Рассуждения В.И. Ленина сводились к следующему: «Советы сосредоточивают в своих руках не только законодательную власть и контроль за исполнением законов, но и непосредственное осуществление законов через всех членов Советов, в целях постепенного перехода к выполнению функций законодательства и управления государством поголовно всем трудящимся населением» [Ленин 1958-1965: 481].

Сегодня разделение властей – общепризнанный признак правового демократического государства, сама же теория – это результат многовекового опыта государственности, в рамках которого неустанно, с разной степенью интенсивности, осуществлялся поиск механизмов предохранения социума от деспотизма. Таким образом, современный парламент можно назвать действенным институциональным инструментом влияния на любую из ветвей власти. Парламент, аккумулируя интересы общества и становясь ареной для их публичного обсуждения, становится институциональным механизмом для цивилизованного решения всевозможных разногласий между государственными органами и властью. Следовательно, «баланс интересов – главная задача парламента» [Атаманчук 2012: 11].

Благодаря принципу разделения каждая ветвь власти (по Автономову, наделенная определенными властными полномочиями и функциями группа обособленных государственных органов как самостоятельная система в едином государственном механизме [Автономов 2002: 74-75.]) стала носителем особых характеристик.

Более того, эти специфические характеристики позволяют осознать двойственную природу парламента, то есть как а) законодательную базу для формирования и функционирования всех субъектов верховной власти и б) выстраивание на этой же базе отношений с этими субъектами.

В связи с этим уместно привести высказывание Б.Н. Чичерина: «Парламентское правление служит признаком политической зрелости народа» [Чичерин 2008: 77]. Следовательно, парламентаризм можно представить и как

«продукт» конкретной общественной среды, и как закономерный этап в развитии государства, и как индикатор демократии.

Мировая практика показывает взаимосвязь и взаимозависимость этих двух государственно-правовых явлений – разделение властей и парламентаризм. Например, один из показателей их взаимозависимости проявляется в связи характера и степени развития парламентаризма и реализации принципа разделения властей, при чем особую роль здесь играет форма правления государства. Под последней принято понимать особенности организации верховной государственной власти, порядок образования и структуры высших государственных органов, а также характер их отношений друг с другом и населением.

Следующая веха в становлении института парламента в Таджикистане – Конституция 1994 года, законодательно утвердившая доминирующую роль парламента и парламентаризма посредством принципов правового демократического государства:

«1) закрепление в конституционных нормах статуса республики как демократического, правового и светского государства;

2) установление прав и свобод человека наивысшей социальной ценностью, признание народа носителем суверенитета и единственным источником государственной власти, которая осуществляется через институт представительной демократии;

3) разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную;

4) политический и идеологический плюрализм;

5) верховенство Конституции и буквы закона;

6) законность;

7) признание международно-правовых актов частью правовой системы республики и их верховенство в случае противоречия с внутренним законодательством;

8) вступление в силу законов только после их официального опубликования; 9) участие граждан в управлении государством через своих представителей; 10) свободный мандат депутата, то есть свободное выражение воли депутата и его голосование по своему убеждению;

11) демократическое обсуждение и принятие законов;

12) неприкосновенность депутата парламента;

13) признание парламента в качестве высшего представительного и единственного законодательного органа;

14) правовые ограничения на ведение депутатами предпринимательской деятельности и т.п.» [Ализода 2014].

Конституционное закрепление свода этих принципов консолидировало усилия нового правительства страны по развитию системы государственности, основанной на концепции парламентаризма.

Однако отдельные принципы на момент принятия Конституции не могли быть полновесно реализованы, поскольку и само общество, и государственный аппарат находились в состоянии переходного периода – от советской модели правления к демократической. Отмечалось доминирование прежнего образа мышления, методов работы, социально-политических традиций, свойственных советской идеологии, и на преодоление этих старорежимных моделей требовалось значительное время. Помимо этого, обретение государственного суверенитета совпало с началом военно-политического кризиса, который стал реальным барьером в вопросе становления и формирования новой государственности в целом и института парламента в частности. Явная положительная динамика в устранении этих барьеров наметилась уже после подписания в 1997 году Общего соглашения об установления мира и национального согласия в Таджикистане.

Вопрос о создании парламента поднимался в республике еще до начала гражданской войны. В конце 1991 – начале 1992 года столица стала площадкой для полномасштабных митингов политических группировок, в том числе и оппозиционных сил. Именно в это время было озвучено требование

сформировать новый профессиональный парламент и досрочно распустить действующий Верховный Совет.

Глубочайший политический кризис как предтеча гражданской войны вынудили Президента Республики Таджикистан Р. Набиева подписать указ № УП-108 от 12 мая 1992 года, в котором отмечалось: «На переходный период до выборов нового Парламента на многопартийной основе образовать Национальное Собрание (Маджлис) из числа народных депутатов и представителей политических партий и движений на равной Комитетами Верховного Совета Республики Таджикистан» [Ализода 2009: 94].

Верховный Совет действующего созыва занимался вопросами конституционных поправок и бюджетирования; перед новым парламентом стоял другой спектр приоритетных задач.

Важно отметить факт отсутствия какой-либо пометы о профессиональном характере нового парламента в указе о роспуске Верховного Совета и образовании Маджлиси Оли. Структура, полномочия и порядок деятельности Маджлиси Оли определялись специальной рабочей группой (Председатель – Генеральный прокурор республики Н. Хувайдуллоев) по разработке проекта Конституции Таджикистана 1992 года. [Проект 1990: 249].

Конституционная реформа 1994 года была сосредоточена на этом же круге вопросов. Экспертная группа, в которую тогда вошли члены Комиссии по национальному примирению, разработала Концепции предстоящих изменений в Конституцию с акцентом на «парламентскую» повестку: квотирование религиозного представительства; основания и процедура досрочного роспуска и назначения новых/внеочередных выборов; номенклатура должностей в парламенте и местных представительных органах и порядок их замещения; процедура вынесения вотума недоверия (правительству / представителям партийных, региональных фракций / группе депутатов и пр.» [Достиев 2001: 175-176].

Вопросы формирования в республике профессионального, постоянно функционирующего представительного органа и идеи парламентаризма находились в процессе разработки свыше десяти лет. В опубликованном в 1992 году, но не принятом в силу начала гражданского противостояния, проекте Конституции утверждались профессиональный и постоянный характер парламента, четырехлетний мандат и количество народных депутатов (63 места). Двумя годами позже, в 1994 году, Конституция была принята, но учреждение парламента не состоялось в силу военно-политического и экономического кризиса.

Ввиду противоречий между политическими силами, действующими в республике, поправки в Конституции 1994, 1999 и 2003 годов преимущественно затрагивали тематику парламентской системы. Например, в редакции Конституции 1994 года однопалатный представительный орган выполнял ряд функций: устанавливал стратегии и курс внутренней и внешней государственной политики, создавал и упразднял министерства и ведомства; назначал и отзывал глав загранучреждений и представителей в международных организациях; «уже через несколько лет эти права и полномочия, согласно Конституции 1999 и 2003 годов, закреплялись за президентом страны» [Чоршанбезода 2024].

Не менее дискуссионным был вопрос о формировании двухпалатного парламента. Например, 3 апреля 1999 года глава государства отправил председателю КНП письмо, в котором утверждалась историческая обусловленность создания двухпалатного, постоянно действующего народного собрания, однако параллельно отмечалось наличие препятствий и реальных барьеров по реализации этой цели. В послании подчеркивалось, что сравнительный анализ практики постсоветских стран и ряд объективных ресурсных ограничений внутри страны не позволяют создать условия для функционирования парламента. [Достиев 2001: 177-182].

Позиция Президента была принята во внимание и Концепция предстоящих изменений в Конституцию республики была пересмотрена. По

итогам продолжительной полемики члены Комиссии пришли к консенсусу по ряду спорных вопросов касательно профессионального характера Национального парламента. Глава 3 Основного закона была изложена в новой редакции, в соответствии с которой в стране создали двухпалатный парламент, определив, что Маджличи Милли (верхняя палата) – созывной представительный институт, Маджлиси намояндагон (нижняя палата) – постоянно действующий, профессиональный орган. Соответственно, дифференцировался правовой статус парламентариев: в Маджлиси Милли фиксировалась сочетаемость избираемых и назначаемых членов, Маджлиси Намояндагон формировалась исключительно выборным путем. Депутаты выдвигались по мажоритарному и пропорциональному принципам и по альтернативным концепциям – через партийные списки и самовыдвижение (согласно Постановлению КНП от 4.03.1999 года) [Достиев 2001: 184].

Н.И. Заврябян выделяет несколько ключевых задач бикамерального представительного органа:

а) территориальная и этническая инклюзивность;

б) участие широкой общественности;

в) стабилизация социально-политической обстановки;

г) укрепление и повышение статуса институтов демократии [Заврябян 2008: 11]. Исследователь также рассуждает о работе обеих палат в рамках системы «сдержек и противовесов»: Маджлиси Милли будет осуществлять контролирующие и регулирующую функцию по отношению к Маджлиси Намояндагон, а в целом Маджлиси Оли – надзорную относительно судебной и исполнительной власти. Такой механизм взаимодействия «усилит ответственность и подотчетность последних перед народными избранниками» [Заврябян 2008: 11].

А. Мамадазимов, сравнивая структурные и количественные показатели предыдущего и нового парламента в Таджикистане, положительно отзывается о его составе – в новый вошли и избранники народа (одномандатные округа), и представители партий, движений, национальных меньшинств, в то время как

в 1995 году членами парламента были представители четырех партий: Коммунистической, Народной, Политического и Экономического Обновления и Народного Единства, а общее число парламентариев равнялось 181 [Мамадазимов 1996: 40].

Кроме того, необходимо учесть, что бикамерализм является специальной горизонтальной моделью, в рамках которой осуществляется взаимоконтроль и баланс полномочий обеих палат представительного органа [Булакова 2005: 23]. Следовательно, разделение властей – признак и принцип демократической организации парламента, а полнота реализации этого принципа – «непреложный постулат демократии» [Чиркин 1996: 15], критерий демократичности политической системы.

В целях совершенствования Основного закона по инициативе обеих палат в Конституцию 2003 года были внесены изменения уточняющего и редакционного характера, которые установили базовые начала нарламентской деятельности:

1. «Маджлиси Оли – парламент Республики Таджикистан – является высшим представительным и законодательным органом Республики Таджикистан. Маджлиси Оли состоит из двух маджлисов – Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон. Срок полномочий Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон 5 лет. Полномочия Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон прекращаются в день начала деятельности Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон нового созыва» (в редакции Закона РТ от 22.06.2003 г.);

2. «Организация и деятельность Маджлиси Оли определяется конституционным законом» (Конституция РТ в редакции, принятой на референдуме 26 сентября 1999 г.);

3. «Маджлиси намояндагон избирается на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Маджлиси намояндагон действует на постоянной и профессиональной основе. Каждый гражданин Республики Таджикистан не моложе 25 и имеющий высшее

образование может быть избран депутатом Маджлиси намояндагон» (в редакции Закона РТ от 22.06.2003 г.);

4. «Три четвертых части членов Маджлиси милли избирается косвенным путем, то есть тайным голосованием на совместных собраниях народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области и ее городов и районов, областей и их городов и районов, города Душанбе и его районов, городов и районов республиканского подчинения (совместно). В Маджлиси милли Горно-Бадахшанская автономная область, области, город Душанбе, города и районы республиканского подчинения имеют равное количество представителей» (Конституция РТ в редакции от 22.06.2003 г.);

5.«Одну четвертую часть членов Маджлиси милли назначает Президент Республики Таджикистан. Маджлиси милли действует на созывной основе. Каждый гражданин Республики Таджикистан не моложе 35 лет и имеющий высшее образование может быть избран или назначен членом Маджлиси милли» (Конституция РТ от 22.06.2003 г.);

6. «Каждый бывший Президент Республики Таджикистан является членом Маджлиси милли пожизненно, если он не откажется от использования этого права. Число членов Маджлиси милли и депутатов Маджлиси намояндагон, порядок их избрания, порядок неизбираемости и несовместимости с мандатом членов Маджлиси Оли определяется конституционным законом» (Конституция РТ в редакции, принятой на референдуме 26 сентября 1999 г.).

Анализ конституционно закрепленных полномочий верхней и нижней палат позволяет утверждать, что за основу распределения прав и компетенций принимались особенности функционирования каждого структурного подразделения представительного органа. Полномочия Маджлиси милли (верхняя палата) включали:

«1. Образование, упразднение и изменение административно-территориальных единиц;

2. Избрание и отзыв председателя, заместителей и судей Конституционного, Верховного и Высшего экономического судов по представлению Президента;

3. Лишение неприкосновенности председателя, заместителей и судей Конституционного , Верховного и Высшего экономического судов;

4. Согласие на назначение и освобождение Генерального прокурора и его заместителей;

5. Осуществление других полномочий, определяемых Конституцией и законами. Маджлиси милли по указанным вопросам в пределах своих полномочий принимает постановления. Постановления Маджлиси милли принимаются большинством голосов от общего числа членов, если Конституцией не установлен иной порядок принятия постановлений» (Конституция РТ в редакции, принятой на референдуме 26 сентября 1999 г.).

Основными полномочиями Маджлиси намояндагон (нижней палаты) являются:

1. «Образование Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Республики Таджикистан, избрание и отзыв председателя, заместителей и членов комиссии по представлению Президента;

2. Вынесение на всенародное обсуждение проектов законов и других важных государственных и общественных вопросов;

3. Утверждение социально-экономических программ;

4. Разрешение на выдачу и получение государственного кредита;

5. Ратификация и денонсация международных договоров;

6. Назначение референдума;

7. Образование судов;

8. Утверждение государственных символов;

9. Утверждение государственных наград;

10. Утверждение указов Президента о назначении и освобождении Председателя Национального банка и его заместителей;

11. Установление воинских званий, дипломатических рангов и иных специальных рангов и званий;

12. Установление заработной платы Президента» (Конституция РТ в редакции от 22.06.2003 г.)

13. Осуществление других полномочий, определяемых Конституцией и законами. «Маджлиси намояндагон по рассматриваемым вопросам в пределах своих полномочий принимает постановления. Постановления Маджлиси намояндагон принимаются большинством голосов от общего числа депутатов, если Конституцией не установлен иной порядок принятия постановлений» (Конституция РТ в редакции, принятой на референдуме 26.09.1999 г.). «На заседании Маджлиси намояндагон могут выступать руководители зарубежных стран» (Конституция РТ от 22.06.2003 г.).

З. Ализода полагает что в условиях Таджикистана, где институт парламента все еще продолжает свое становление и формирование, важно было:

а) определить объем парламентских полномочий с учетом следования одноименной доктрине,

б) отразить собственно природу парламентаризма,

в) идентифицировать его роль в жизни современного социума [Ализода 2014: 29].

Исследователь подчеркивает, что конституционное право парламентариев выступить с законодательной инициативой, рассмотреть законопроект и вынести по нему решение создает организационно-правовую платформу для легитимного «оформления интересов общества и реализации его фундаментальной миссии – нормотворчества / законотворчества» [Ализода 2014: 31].

В свое время Ж.Ж. Руссо отмечал, что «законодательная власть принадлежит только народу и может принадлежать только ему» [Руссо 1998: 245]. В этой связи весь перечень компетенций парламента можно считать своеобразным дополнением к его законодательной функции, поскольку именно законотворчество «дает ему возможность выражать и реализовывать интересы народа» [Ализода 2014: 33].

Анализ поправок, внесенных в Конституцию в 1999 и 2003 годах позволяет констатировать факт закрепления нескольких основополагающих принципов парламентаризма в условиях Республики Таджикистан:

1) признание Маджлиси Оли в качестве парламента Республики Таджикистан;

2) введение смешанной – мажоритарной и пропорциональной – системы выборов;

3) различие концепции формирования палат: Маджлиси Намояндагон – общегосударственный выборной принцип, Маджлиси Милли – смешанный принцип: часть – президентские назначения, часть – по региональному представительству;

4) функциональное разделение компетенций между палатами – исключительные (для каждой) и совместные полномочия;

5) организационные полномочия президента – открытие первых заседаний Маджлиси Намояндагон и Маджлиси Милли;

6) институт парламентских каникул – работа на территориальных округах как форма коммуникации с избирателями.

Принятие конституционного закона «О выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан» запустило в республике качественно новые политические процессы. Закон о создании двухпалатного парламента, с инициативой о создании которого выступила КНП, доказал свою высокую эффективность. Верхняя – Маджлиси Милли (работающая не постоянно, созываемая) и нижняя – Маджлиси Намояндагон (профессиональная и постоянно действующая, избираемая) палаты создали цивилизационную основу для открытой, здоровой конкуренции между политическими субъектами.

Таким образом, созданная конституционная платформа парламентаризма в Республике Таджикистан и ее троекратная коррекция на порядок приблизили ее к общепризнанным мировым стандартам. Несмотря на новизну некоторых норм и принципов для политической жизни республики

все они постепенно интегрировались в политические условия и культуру страны.

Анализ общественно-политических условий околопереходного и переходного этапов позволяет допустить мысль о невозможности создания парламента Таджикистана, действующего на профессиональной основе, за короткий срок, предположим, сразу же после Указа Президента Р. Набиева № УП-108 от 12 мая 1992 года. Причиной тому стало бы не только вооруженное противостояние, кризис легитимности, экономический и социальный упадок, хотя данные факторы являлись существенным препятствием становления парламентаризма в стране. Важно учесть, что эволюция института парламентаризма сформировала нынешний образ и сущность представительного органа, основанного на истинных принципах народовластия – народ является сувереном и главным субъектом власти.

На эволюционный характер становления парламента указывают и ряд ученных, в частности О.Н. Булаков, Ю.Ю. Бойко, Е.В. Коврякова: «Он (парламент. – С.О.) формируется в системе социально-политических процессов, он «адаптивен, последователен и национально специфичен» [Булакова 2005:14].

Процессы демократизации в государствах СНГ показали необходимость четкого законодательного и государственного регулирования, планомерного воспитания политической и правовой культуры населения и бесспорного наличия фундаментальных конституционных основ деятельности национальных парламентов.

Несмотря на практическую реализацию многих отмеченных выше факторов становление государственного механизма в отдельных странах Содружества еще далеко от завершения. Главным образом это выражается в несовершенстве правовой основы формирования и успешного функционирования национальных парламентов и органов местного самоуправления. Правовая основа должна быть представлена

конституционными положениями о разделении властей – базисным принципом становления парламентской деятельности.

Мировой опыт развития парламентаризма показывает, что данная доктрина носит перманентный характер, предпринимаются меры по совершенствованию теоретико-практических принципов системы представительства народа в виде избираемого собрания, то есть парламента. Не будет преувеличением назвать его неотъемлемым атрибутом жизнеспособности государства, именно поэтому, как отмечалось выше, властные структуры должны своевременно адаптироваться к реалиям и актуальным тенденциям, что является ключевым фактором «устойчивого развития государственно-правовых институтов» [Вишняков 1994].

В целом, можно заключить, что институт парламента для Республики Таджикистан стал относительно новым институциональным образованием ввиду отсутствия в стране необходимой политико-правовой платформы. Его становление происходило в сложных условиях околопереходного и переходного периодов с неразвитыми политико-юридическими практиками и традициями парламентаризма Все эти факторы замедлили реализацию институциональных принципов парламента и парламентаризма в республике, хотя на сегодняшний день деятельность этого представительного органа в основном отвечает хрестоматийным нормам и мировым тенденциям.

Выводы к первой главе

Резюмируя основные положения первой главы, считаем целесообразным представить ряд заключительных выводов:

1. Становление и развитие парламента как общенационального института олицетворяет эволюционный характер представительной демократии институтов представительной демократии, и эта историческая преемственность наделяет народ статусом суверена и правом формировать органы власти. Парламентская форма представительного правления складывалась по мере роста народонаселения и усложнения социальной

структуры, когда прямая и плебисцитарная демократия стали неэффективными.

2. Современный парламент – это комплексный механизм, сочетающий в себе множество элементов, позволяющих ему выстраивать легитимные связи с другими институциональными образованиями в рамках государственного управления. Представительная природа парламента проявляется в законотворчестве, определении основных направлений внутренней и внешней политики страны, а также контроле за реализацией исполнительной властью законов, в том числе в контексте международных отношений.

3. Парламент является центральным элементом парламентаризма – многоплановой, политической категории со сложной внутренней структурой. Широкий дефиниционный ряд понятия «парламентаризм» свидетельствует о многогранности этого политико-правового явления, а повышенный к нему интерес обусловлен масштабными событиями, происходившими в мире на стыке тысячелетий (XX–XXI вв.) и доказавшими важность конструктивного диалога между органами государственной власти.

4. Парламентаризм как система организации политической власти обладает рядом характерных особенностей:

- влияние на важные политические решения посредством парламентского большинства;
- способность к управлению в условиях многопартийности;
- осуществление сдерживающей, балансирующей и контролирующей функций при реализации принципа разделения властей;
- кратное сокращение угрозы военного переворота;
- поддержка со стороны политического сообщества при применении рациональных подходов к формированию администрации (в условиях устойчивого партийного большинства).

5. Становление парламентаризма и законодательной власти в Республике Таджикистан включало несколько этапов, в рамках которых происходил переход от советского мышления и политической культуры к

новым институциональным образованиям во всем представительском и функциональном многообразии. Историческая уникальность отечественного опыта парламентаризма определяется традициями национальной культуры и менталитета, которые заложили основы модернизации таджикской государственности в соответствии с демократическими принципами. В этом же контексте особую роль сыграли опыт организации народного представительства в советский период, форма политического правления, национально-территориальная модель государства и избирательная система.

6. Политической культуре таджикского народа свойственна коллегиальность – основополагающий признак парламента, отличающий его от остальных органов государственной власти. В этой связи можно вести речь о некоторой идентичности понятий «парламент» и «коллегиальность», поскольку оба подразумевают защиту интересов большинства. Такая позиция способствует созданию условий для реализации популярных политических идей, формирования и/или совершенствования нормативной базы и интенсификации реальных механизмов ограничения и контроля исполнительной власти.

ГЛАВА II. ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ИСТОРИЯ, ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ТИПОЛОГИЯ, ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

2.1. Механизмы взаимодействия СМИ и представительной власти: историко-теоретический аспект

За последние три десятилетия все социально-политические институты страны прошли путь кардинальных демократических преобразований. Однако переход Республики Таджикистан к построению правового государства, содействие идеям политического плюрализма и активное развитие парламентаризма способствовали росту информационной потребности и выдвинули новые задачи перед обществом и государственными структурами.

В этом ключе одним из важных направлений в деятельности государственных органов является взаимодействие со средствами массовой информации, от оптимизации механизма которого напрямую зависит степень эффективности государственного управления. Такая взаимообусловленность продиктована прежде всего тем, что среди многих характеристик современного общества существенную значимость приобретают те, которые основаны на удовлетворении информационного спроса и своевременном предоставлении качественного информационного продукта.

Е.Н. Родина и Н.М. Сюсина убеждены, что сегодняшний информационный социум – это очевидное следствие эволюции, и существование в данных цивилизационных рамках становится возможным только в случае непрерывного обмена информацией и знаниями [Родина 2013: 65]. При этом сама информация, ее потребление и тиражирование становятся неотъемлемыми компонентами культуры современного общества.

А.П. Новопашин отмечает константно возрастающую роль информационной сферы, определяя ее как «совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор,

формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений» [Новопашин 2004: 11].

Дж.М. Садуллаев говорит о способности СМИ существенно влиять на массовое сознание, что особенно явно проявляется именно сейчас – в условиях постоянного совершенствования технических возможностей и развитием информационной сферы. При этом ученый отмечает, что ограниченная способность большинства граждан к абстрактному, аналитическому мышлению становится почвой для манипулирования сознанием масс через распространение стереотипных поведенческих паттернов. Приходится признать, что СМИ не справляются со своими просветительскими функциями в части расширения кругозора аудитории и критической оценки происходящего [Садуллаев 2012]. В этой связи крайне важным представляется государственное регулирование этой области.

Концепция государственной информационной политики Республики Таджикистан (Указ Президента Республики Таджикистан № 451 от 30 апреля 2008 года) утверждает, что «количество, качество и доступность информационных ресурсов во многом определяют уровень развития страны, ее статус в мировом сообществе и бесспорно станут решающим показателем этого статуса в первые десятилетия XXI века» [Указ 2008].

В этой связи принципиальную важность приобретают вопросы, связанные с созданием необходимых систем накопления и распространения информации. Работа с информацией должна быть не разовым мероприятием или акцией, а логично выстроенной системой с четкой структурной организацией, которая станет условием успешной жизнедеятельности любого государственного или общественного субъекта. В свою очередь, априорное стремление социума удовлетворить информационный спрос наделяет СМИ особым статусом и ролью. Сегодня медиа – это не только канал информирования общества о деятельности власти, но и важный ресурс реализации информационной политики, проводимой государственными

структурами в интересах общества. СМИ выполняют роль медиатора в диалоге власти и общества, формируют общественное мнение, способствуя или консолидации социума в каком-либо вопросе, или протестным настроениям по какому-либо общественно-политическому поводу. Эти особенности делают массмедиа важнейшим социальным институтом и системообразующим компонентом информационного пространства Республики Таджикистан.

В современных реалиях за СМИ твердо закрепилось определение «четвертая власть». Полагаем, специфика постиндустриального информационного общества тяготеет к замене понятия «четвертая власть» на новое – «информационная власть» как наиболее соответствующее диапазону тех функций, которые выполняют современные массмедиа. В этой связи вполне правомерным представляется тезис «где есть информация – там осуществляется управление», который кратно утверждает огромнейший манипулятивный потенциал массмедиа с его неограниченными возможностями, за что Ю. Хабермас назвал журналистику «коммуникативной властью» [Хабермас 1995: 65], а Е.П. Прохоров – «властью влияния» [Прохоров 2004: 28]. Политическую же власть олицетворяют Президент, Национальный парламент, судебные органы, чья деятельность направлена законотворчество, выработку политических и экономических норм и моделей развития, регулирование отношений со всеми субъектами гражданского общества и государства.

Важно понимать, что любая форма власти предполагает наличие влиятельностных характеристик, которые в реальности объективируются в контексте законодательных инициатив, волеизъявления, авторитарности, правоприменительных практик, насильственных действий и др. В условиях информационного общества политическая и информационная власти органически переплетаются, причем зависимость системы массмедиа от политического режима есть одна из сторон объективности и закономерности данного процесса.

Здесь речь идет о синергии информации и политики, в результате которой формируется особый пласт отношений, определяющих институциональные практики власти и массовое политическое сознание [Новопашин 2004]. Здесь же следует признать, что оппозиционность по отношению к власти может и должна присутствовать как фактор самостоятельности и независимости СМИ. Однако с позиции конструктивного рационализма правомерным и обоснованным представляется установление диалога массмедиа с властью и власти с массмедиа в контексте социального партнерства в интересах общества и развитие диалоговых информационных технологий взамен тоталитарных и манипуляционных.

Этого же мнения придерживается современный российский исследователь П.И. Акаемов. Переход от авторитарности к конституционной демократии требует легитимации государственных институтов и консенсуса с гражданским обществом, достижимых с помощью активного посредничества с медиа. Такой публичный диалог – «мерило политической культуры и политической зрелости общества» [Акаемов 2009: 17].

Суть взаимодействия власти и СМИ можно рассмотреть в контексте теории Ю. Хабермаса о коммуникативной природе социальных отношений, а также концепции Н. Лумана о коммуникативной природе власти, согласно которым социальная роль медиа заключается в обеспечении прозрачности деятельности властей через информирование масс о декларируемых «целях, инициативах и практике» [Луман 2001: 45]. Практическая реализация данной функции – формирование общественного мнения.

Мы разделяем мнение А.В. Манойло, указывающего на объективную закономерность или объективную функцию массмедиа, которая заключается в равной поддержке «государственных интересов и прав личности и гражданина» [Манойло 2003: 145].

Вполне обоснованным представляется тезис о том, что информационно-политическое взаимодействие СМИ и власти базируется не столько на «давлении» на власть, сколько на диалоге с властью, на развитии

цивилизованных отношений с ней. В информационном обществе в иерархии приоритетов находится коммуникативная сущность власти, что делает информацию и коммуникацию средствами осуществления власти, а «власть – средством коммуникации» (по Н. Луману).

Сегодня мы повсеместно наблюдаем феномен «власти информации» (по Ж.Л. Сервану-Штрейберу), который трансформировался в новый вид политики – информационный. Информационная политика или политика информации направлена на «абилитацию» политической информации (цели, задачи, содержание, меры реализации реформ, законов, правительственных решений и пр.) для среднестатистических граждан страны. СМИ, выполняя этот социально-политический заказ, плотно взаимодействуют с властными структурами, чтобы, во-первых, удовлетворить информационные потребности гражданина, социальной группы и общества в целом; во-вторых, расширить трансляцию общественных интересов; в-третьих, получить коммерческую выгоду от своей деятельности. Для государства информационная политика – это действенный инструмент реализации властных полномочий.

Такая постановка, с одной стороны, свидетельствует об органичном тандеме власти и массмедиа, а с другой – может стать площадкой противоречий между этими двумя институциональными образованиями в силу их специфических деятельностных характеристик, функциональных особенностей и спектра интересов.

Более точно по этому поводу высказывается В.Д. Попов, отмечая факт противоречивости коммуникации в треугольнике «власть – гражданское общество– СМИ», что логично требует разработки теоретико-практической концепции нового вида политического диалога. При этом ключевое значение приобретает синтез социальной информациологии, политики и журналистики не только в плоскости медийной практики, но и политического анализа [Попов 2003: 28].

Краеугольным камнем взаимодействия СМИ и власти, безусловно, является информация, свобода информации – основной атрибут

демократического общества. Отсутствие доступа широкой общественности к достоверной информации о социально значимых и политических событиях лишает гражданское общество возможности внести вклад в реализацию национальных стратегий. Общеизвестным фактом является то, что информационная закрытость органов государственной власти – это первостепенный признак коррумпированного правительства. В этой связи от обеспечения доступа к источникам официальной информации зависит успешное выполнение ряда важных функций, среди которых борьба с коррупцией занимает одно из первостепенных позиций.

Специфика диалога власти и СМИ проявляется в «закономерном стремлении обоих институтов к главенствующей роли в новой демократической структуре общества, при этом особую значимость приобретает контекст взаимоотношений печатной прессы и представительной власти. Идея о том, что в демократическом обществе столпами народовластия являются массмедиа и институт парламента – это исторически обоснованная и успешно апробированная политологами и исследователями журналистики научно-теоретическая концепция. Доступ широкой общественности/гражданского общества и их участие в госуправлении становится возможным благодаря медиа и парламенту; первые осуществляет контроль вторых через представителей гражданского общества, входящих в состав представительного органа.

Медиа как институциональное образование напрямую коррелирует с бинарным понятием «информационный контроль» в широком и узком его прочтении. В универсальной трактовке – это освещение деятельности всех социальных институтов; в специальной – это дискуссии о социально значимых проблемах как инструмент влияния на процесс принятия парламентом решений с целью обеспечения учета интересов общества.

Между тем концептуальная идентичность СМИ и парламента – быть выразителями интересов народа – не освобождает механизм их

взаимодействия от проблемных зон, основными из которых являются противоречия и конфронтация.

Практика сотрудничества представительных органов и медиа имеет давнюю историю. Аналог представительной власти (Римский Сенат) и прообраз периодической печати появились еще в Древнем Риме. Убедительным примером тому может послужить «*acta senatus*» – протоколы заседаний Сената, публикация которых началась по приказу Юлия Цезаря. Этот исторический факт стал прототипом политических новостей. Однако односторонний характер их содержания (только о государственном управлении) явился поводом для создания второй ведомости «Acta diurna publica, populi Romani» («Ежедневная ведомость»), предназначавшейся для публичной трансляции обсужденных военно-политических вопросов, научных, культурных и событийных новостей. Издание можно считать подобием правительственного печатного органа.

Издание «Acta senatus» было прекращено в период правления императора Тиберия, поскольку информация, компрометирующая главу государства и членов его семьи, неоднократно обсуждалась на заседаниях Сената и, соответственно, выходила в тираж.

В Великобритании, где институт представительной власти сформировался еще в средние века, также наблюдались противоречия во взаимоотношениях прессы и парламента. Так, первая английская газета «The Certain of this Present Week» вышла в свет в 1622 г., но сложности последних лет правления Иакова I стали причиной закрытия издания. Более успешной оказалась судьба еженедельника «The Weekly Courant», он вышел в печать позже и выпускался без перерывов. Помимо «газет-гегемонов», появилась так называемая мелкая пресса с необычными, несколько даже поэтичными названиями, но скудными по содержанию: «Таинственный филин», «Дракон парламента», «Человек с луны», «Еженедельный изобретатель». Однако цензирование материалов было достаточно строгим – под запретом была критика политических вопросов и деятельности парламента.

Руководитель Английской революции (1653-1660), Лорд-протектор Оливер был более лоялен к журналистике, о чем свидетельствует его знаменитое выражение «Мое правительство было бы недостойно существовать, если б оно не было в силах устоять под бумажной картечью». Карл II (годы жизни 1630-1685) возобновил жесткую цензуру на политическое слово, сделав его исключительно своей компетенцией. Под запретом оказались все издания, кроме «Intelligencer», которое позже превратилось в двухстраничную «Лондонскую газету» с довольно ограниченным контентом, выходившую два раза в неделю. Читателям сообщалось о нескольких кадровых назначениях, криминальных новостях, анонсировалась дата петушиных боев, а в рубрике «Разное» размещались объявления о потере домашних питомцев, поиске прислуги и прочие мелочи, при этом полностью блокировались актуальная информация – парламентские дебаты и государственное управление. [Саламон 1909: 76].

Несколько отличная тенденция взаимодействия власти и прессы наблюдается в России. Открывает эту страницу в российской истории Петр Первый. Первая русская газета «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти» начала издаваться именно в период его царствования. Однако несмотря на явное превалирование в газете армейского дискурса, что кратно сужало ее профиль, с помощью именно этого первого российского печатного издания «правительство впервые публично обратилось к российскому общественному мнению, стремясь получить его поддержку» [Западова 1963: 16]. В 1714 году газета стала выпускаться уже не в Москве, а в Санкт-Петербурге под названием «Санкт-петербургские ведомости» как печатный орган Императорской Академии Наук и функционирует до сих пор.

Как видим, становление института журналистики в России началось за два столетия до становления института парламентаризма (Государственная Дума, 1906 год), и, естественно, приобретенный опыт способствовал развитию института представительной власти в России и российской парламентской журналистики.

Значение прессы в становлении парламентаризма было высоко оценено Б.И. Есиным и Т.С. Родионовой. Ученые утверждают, что 1905-1906 годы отмечены небывалым общественно-политическим подъемом, в основе которого стояли медиа и которые показали свою мощь в вопросе формирования и развития политической самоидентификации различных социальных слоев. Все политические акторы – Дума, партии, правительство – осваивали новые навыки и умения общения с прессой. Пресса же, в свою очередь, выполняла весьма многогранную роль; она была и участником, и комментатором, и режиссером / организатором / сценаристом конфликта первым российским парламентом (Государственной Думой) и монархической властью [Есин 2006: 560].

Если рассматривать вопрос о взаимодействии СМИ и представительной власти в широком историческом и геополитическом формате, то приходится признать, что в Республике Таджикистан сложилась своя традиция информационно-политической коммуникации прессы и парламента, которая несмотря на ряд сложностей в целом соответствует хрестоматийным рамкам. Однако ученые отмечают, что тенденции в этом направлении зависят от целого комплекса общественно-политических факторов, характерных для каждого конкретного государства, в частности от уровня информационной открытости институтов власти, их готовности к реальному диалогу с коллегами из других ведомств и широкой общественностью, уровня правовой грамотности и политической культуры граждан.

П.И. Акаемов, рассуждая о связи медиа и власти, указывает на важность информационного сопровождения деятельности властных структур, уточняя, что подлинная эффективность представительного органа достигается через позитивное его восприятие со стороны общества и качества информационного продукта, посвященного работе народного собрания [Акаемов 2009: 5].

Показательным примером в этом отношении является описанный нами выше опыт Соединенного Королевства. С момента становления журналистики в стране диалог в формате «парламент – пресса» отличался

противоречивостью и нестабильностью, но к концу XVIII века цензурные рамки стали менее жесткими, поскольку власть признала возрастающую общественно-политическую роль журналистики.

Таким образом, нынешняя западная модель отношений СМИ и парламента как продукт длительной эволюции представляет собой высокоразвитую публичную сферу как медиатора (по Ю. Хабермасу) между общественностью и правительством, создающего платформы для «артикулируя и реализации общественных интересов» [Хабермас 1995: 5].

Модель современного таджикского парламентаризма может быть улучшена за счет перенятия опыта стран с развитой демократией, однако выбор инструментов по укреплению и поступательному развитию диалога представительной власти и СМИ должен осуществляться с учетом локального компонента. Так, невнимание к национально-историческим условиям становления институтов журналистики и парламента не позволит сформировать так называемую «публичную сферу», которая призвана стать трамплином к конструктивному взаимодействию представительного органа и СМИ, а механическое заимствование успешного опыта других стран в этом случае не приведет к желаемым результатам. Важно отметить, что процесс демократизации всех социально-политических институтов в Республике Таджикистан в совокупности с трансформацией общественных отношений в настоящий момент находятся на стадии своего поступательного развития. Перед республикой стоит сложнейшая задача: в кратчайшие сроки достичь показателей, на реализацию которых у стран с развитой демократией ушли столетия. В этой связи СМИ Таджикистана, перед парламентской системой и институтом гражданского общества, сформировавшимся и существовавшим в эпоху всеобъемлещей цензуры, стоит задача в сжатые в историческом плане сроки освоить культуру быть не просто свободными с формальной точки зрения, а научится культуре ответственного самоуправления, то есть быть «ответственно свободными».

Объективная оценка уровня демократизации в стране демонстрирует относительную недостаточность глубоких демократических традиций как во властных структурах, так и в социальных. Уровень депривации начал спадать в 20-х гг. XX века с введением концепции народовластия; далее последовали беспрецедентные социальные трансформации, которые в отличие от западных реформ, носили характер революции, а не эволюции. Совокупность этих факторов, естественно, накладывает отпечаток на специфику информационно-политической составляющей диалога массмедиа и Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Хотя здесь же отметим, что за последние 30 лет наблюдается явная интенсификация взаимодействия массмедиа и представительной власти и закладываются традиции этих отношений, которые, как ожидается, запустят качественно новые, более эффективные грани диалога СМИ и Парламента Таджикистана.

Современная государственная власть в лице Парламента Таджикистана отчетливо понимает необходимость расширения сотрудничества с медиа как конституционно закрепленным общественно-политическим институтом. Эта системообразующая роль СМИ закреплена в Конституции: «Каждому гарантируются свобода слова, печати, право на пользование средствами информации» (ст. 30). Однако даже конституционное закрепление не отменяет явно субъективной природы этого права. Конституционная доктрина дифференцирует вертикальные и горизонтальные (условная номинация) права. Вертикальными можно назвать права-требования к государству – право на доступ к информации. К горизонтальным относят свободу мысли, слова и печати, конструктивный диалог государства и гражданина как субъекта информации и объекта, пользующегося своими правами с области информации.

Вышеуказанные конституционные нормы раскрывают возможность ознакомления лица, во-первых, с документами и материалами любых органов государственной власти и местного самоуправления; во-вторых, с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права.

Такая очевидная взаимозаинтересованность и обоюдная выгода от сотрудничества предопределила специфику отношений государственной власти и СМИ в республике и стала главным поводом этого диалога. Объясняется это актуальное взаимодействие вполне логично: а) крайней заинтересованность властей в оперативном освещении своей деятельности через основные инфоканалы; б) стремлением СМИ к безбарьерному получению политически и общественно значимой информации.

Определенный законодательством порядок взаимодействия с представителями прессы прописывает обязанность чиновников предоставлять журналистам информацию о функционировании государственного органа, включая последние данные о его деятельности. Представители СМИ могут, при наличии документа об аккредитации, присутствовать практически на всех официальных мероприятиях государственного органа (кроме закрытых заседаний, о чем заранее официально сообщается) и использовать аудио- и визуальные средства фиксации происходящего.

А.Р. Ратинов и В.К. Ефремов уверены, что институт аккредитации устанавливает правовые рамки взаимодействия СМИ с государственными органами как информационным ресурсом, способствуя оптимальных условий профессиональной журналисткой деятельности. Принятые нормы определяют процедурные рамки аккредитации журналистов, формы сотрудничества с аккредитованными медиапредставителями и объем предоставляемой аккредитующей организацией информации [Ефремов 1997: 7].

Отечественная модель отношений института парламента и медиа сформировала особый ландшафт, отличающийся от западного аналога, но идентичный российскому. Эта схожесть объясняется тем, что в обеих странах институт журналистики начал формироваться задолго до принятия общепризнанных моделей парламентаризма. В государствах западной Европы и Соединенных Штатах опыт взаимодействия прессы и представительной власти складывался на протяжении длительного периода времени, что

позволило преодолеть весь спектр противоречий и найти конструктивные взаимовыгодные формы не просто взаимоотношений, а тесного сотрудничества. Таджикистан же находится на начальном этапе построения диалога между прессой и парламентом, однако даже за короткий срок, с момента принятия государственного суверенитета (1991г.), смог достичь значительных результатов, которые сегодня служат платформой для поступательного развития этой области.

Вполне закономерно возникает вопрос об уникальности таджикской практики взаимоотношений массмедиа и представительной власти и параллелях с опытом России в данной вопросе.

Выше было отмечено, что в Таджикистане первая газета появилась намного раньше, чем сформировался институт парламента. «Бухорои шариф» («Священная Бухара») – первое печатное издание на таджикском (фарси) языке в Центральноазиатском регионе – вышло 11.03.1912 года в городе Бухаре. Принято считать, что таджикская периодическая печать начинает свою историю именно с этого издания. Почти четыре месяца с момента выхода (до 14 июля 1912г.) выпуск был ежедневным, а после – четыре раза в неделю. Появление этого издания было обусловлено необходимостью ознакомления населения страны с культурной жизнью Российской Империи и было тесно связано с движением джадидов [Усмонов 1997: 34].

Первые попытки революционного переворота на территории Бухарского Эмирата были ознаменованы деятельностью первой национальной партии джадидов или «младобухарцев». События 1920 году, связанные с приходом советских войск в Бухару, позволило младобухарцам сформировать первое правительственное учреждение в Бухарской народной республики [Каримова 2010: 45]. Джадидидское движение – это первое политическое течение, которое перевело принципы свободы слова и печати в плоскость не теоретических рассуждений, а практических действий и отразило эту концепцию в своей Программе 1917 года. Программные документы предусматривали создание двух надзорных органов; первый должен был

контролировать работу министров [Каримова 2010: 49], второй – народ и печать. Эта двухуровневая система контроля гарантировала свободу печати, возможность критиковать власть и публично обсуждать факты злоупотребления чиновниками своим положением. [Панфилов 2003: 9].

Примечательно, что положения Программы джадидов о роли и месте прессы в условиях народовластия созвучны тезисам В.И. Ленина, нормативным актам, включая решения партийных съездов и первые декреты о печати. Принятая в 1918 году на VII съезде РКП (б) Резолюция «О партийной и советской печати» предопределяла триединую задачу – пропаганда, агитация и организация, что формирует просветительский потенциал СМИ [Герценовские 1999: 39].

В своих работах «Как организовать соревнование?», «О характере наших газет», «Проект резолюции о свободной печати», «Очередные задачи Советской власти» и других публикациях В.И. Ленин разработал теорию идеологической пропаганды и выделил ее ключевые акценты, на которые впоследствии опиралась советская пресса, формируя содержание и характер медиа-продукции. Уже тогда СМИ была отведена роль практически главного проводника административно-командной системы, не допускавшей инакомыслия и развития национально-культурной идентичности народов, населявших Союз.

Аналогичный аргумент приводит П.И. Акаемов, подчеркивая, что при авторитарном режиме происходит органическое совмещение медиа и власти, что формирует единый идеологически фронт. Такая расстановка сил формирует биполярную коммуникационную среду, где один полюс составляют медиа и правительство, а второй – общество [Акаемов 2009: 6].

Размышляя о процессе интеграции прессы в структуру власти и воспринимая этот процесс как одно из проявлений генезиса журналистики, авторы «Четырех теории прессы» (1956 г.) фундаментально постулирует, что содержание материалов СМИ отражает особенности политического устройства общества и политического мышления масс. СМИ выступают как

зеркало «системы контроля индивидуумов и государственных институтов» [Сиберт 1998: 16].

Здесь же важно обратить внимание на уникальный характер Программы джадидов, который проявляется в противоречии популярным современным суждениям о том, что свобода слова и демократия несвойственны традициям Таджикистана. Программа наглядно продемонстрировала, что понятия либерализма в сознании народа прошли долгий путь формирования, преодолевая жесткие религиозно-нравственные установки, которыми манипулировали восточные монархи на протяжении столетий.

Однако административно-командная система коммунистического режима, сменившая монархический строй и, казалось бы, освободившая народы Центральной Азии от векового гнета прежней власти, в действительности не стали той средой, в которой свобода слова и демократия могли получить возможность дальнейшего развития. Свидетельством тому стал расстрел и репрессии 1937-1938 годов, которые коснулись многих вступивших в Коммунистическую партию джадидов.

Сравнительный анализ сегодняшних реалий и условий становления института журналистики в Таджикистане в самом начале XX века показывает множество точек пересечения; к основным следует отнести эффективность печатного слова и его главенствующую роль в пропаганде и агитации, которые четко осознавались и партийной элитой советского времени, и игроками современных общественно-политических арен. Разница видится лишь в возможности наших современников освещать деятельность правительства, высказывать о ней критические суждения, информировать о прецедентах злоупотребления должностными обязанностями – все это стало постулатом отечественной журналистики.

Суверенитет и новая модель государственного строительства заложили основу современной модели парламентаризма, отвечающего требованиям демократии; фундаментальный оплот получила и отечественная журналистика, которая, преодолев военно-политический кризис 90-х,

трансформировалась «из инструмента влияния государства и партии в самостоятельный общественный институт» [Султонов 2005: 55].

Данный исторический период неоднократно становился объектом научного осмысления, в том числе и рамках междисциплинарного подхода. Контент-анализ научных и научно-популярных изданий, а также материалов СМИ Таджикистана за последние десятиетия дает полную картину того, как на фоне сложного политического процесса в Республике Таджикистан формировался базис новых информационных и политических взаимоотношений СМИ и власти.

Опуская подробности тех тенденций, которые получили развитие как в сфере СМИ, так и в общественно-политической жизни, заострим внимание на моментах, имеющих непосредственное отношение к нашему исследованию.

В первую очередь, следует отметить, что становление института представительной власти вначале 90-х гг. обусловило необходимость создания печатного органа, специализирующегося на освещении деятельности Маджлиси Оли. Этим печатным органом стала газета Верховного Совета республики «Садои мардум» («Голос народа»), которая ознаменовала появление нового направления в отечественной журналистике – парламентской журналистики.

Первый номер «Садои мардум» вышел 1 января 1991 года. Главным редактором газеты был назначен народный депутат Верховного Совета республики и авторитетный журналист Муродулло Шерализода, благодаря усилиям которого издание за короткое время приобрело широкую популярность среди населения страны и стала самым влиятельным государственным источником информации. В передовой статье Муродулло Шерализода определил редакционную политику газеты: «Садои мардум» – трибуна народа и для народа. На ее страницах не будет места для колебания между левыми и правыми, для провокаций и клеветы, для мстительности, для искажения истины» [Шерализода 1991].

Высокую репутационную оценку газете дает исследователь истории таджикской журналистики, профессор И. Усмонов, указывая, что «Садои мардум» – единственный печатный орган, комплексно освещавший ситуацию в стране в 1991-1992 гг. и гарантирующий своевременную и достоверную информацию [Усмонов 1997: 151].

О «Садои мардум» пишет и А.А. Афсахзод. Анализируя медиаповедение отечественных СМИ в условиях кризиса и объявления газетами своей независимости от учредителей и законной власти, исследователь утверждает, что в отличие от других изданий «Садои мардум» сохранила институционную лояльность конституционной власти, профессиональную ответственность и этику, приверженность принципам объективности. Историческая перспектива подтвердила, что «Садои мардум» продолжает защищать конституционный строй, оставаться верной идеям национального единства, сохранения политической стабильности и мира [Афсахзод 2024: 36, 37].

«Садои мардум» была одним из немногих печатных изданий, на тот момент составлявших «семью» государственных СМИ. Помимо нее в эту категорию вошли новые версии ряда бывших партийных и общереспубликанских газет. Так, крупные газеты «Коммунист Таджикистана» и «Тоҷикистони Шурави» («Советский Таджикистан») были переименованы в «Народную газету» и «Ҷумхурият» («Республика»). Наряду с другими партийными газетами («Паёми Душанбе» («Душанбинские новости»), «Комсомоли Тоҷикистон» («Комсомолец Таджикистана») и пр.)), они перестали зависеть от прежних учредителей. Однако содержание бывших партийных газет, по сравнению с появившейся анфиладой новых периодических изданий, претерпело незначительные изменения, и их влияние на общество было невелико [Султонов 2005: 58].

Период, когда был взят курс на суверенизацию страны и стали закладываться основы демократического общества, принято считать «золотым годом» в истории таджикской периодической печати. Оснований для подобных убеждений достаточно, если учесть количественную динамику

независимых и частных СМИ и резкое повышение роли прессы в общественно-политической жизни республики. Государственный суверенитет позволил Таджикистану занять одну из лидирующих позиций среди республик бывшего СССР в рейтинге свободы слова и числу независимых СМИ. К середине 1992 г. в стране насчитывалось более тридцати независимых и оппозиционных изданий – беспрецедентный показатель среди постсоветских республик центральноазиатского региона. Несмотря на бюрократизм и критическое отношение многих чиновников министерство юстиции практически ежемесячно выдавало новые свидетельства о регистрации независимых газет, которые совсем скоро стали обыденным явлением не только в столичном регионе, и во всех областных центрах и ряде районов республиканского подчинения.

Для сравнения отметим, что в соседнем Узбекистане и Туркменистане независимая пресса просуществовала лишь несколько месяцев; несмотря на то, что президент Кыргызстана А. Акаев объявил свою страну «островком демократии в Центральной Азии», места на медиарынке независимые СМИ все-таки не получили.

Однако демократизация СМИ и отказ от командно-административной системы вовсе не означал принятие гибких конструктивных форм сотрудничества прессы и государственной власти. Скорее наоборот – было положено начало периоду недопонимания, которое во многом выражалось в информационно-политическом противостоянии между двумя имманентными опорами народовластия в зарождавшемся демократическом обществе Таджикистана – институтом парламента и обновленными СМИ. Приведем несколько примеров, подтверждающих данный тезис. Так, после публикации в «Народной газете» статьи И.М. Бобомуродова «Таджикский уран для исламской бомбы?» [Народная газета. – 1991. – №8. 27 февраля) о возможном интересе к таджикскому урану арабских и других мусульманских стран, правительство республики опровергло эти утверждения. Одновременно Верховный Совет Таджикистана поручил прокурору республики провести

расследование по факту публикации статьи, выявить источники информации и доложить о результатах расследования парламенту на ближайшей сессии. Однако расследование не было завершено, а на сессии Верховного Совета 14 января, многие депутаты выступили за отставку редактора «Народной газеты» Николая Кузьмина и требовали закрыть издание.

На состоявшемся 25 марта 1991 года заседании президиума Верховного Совета его председатель, Сафарали Кенджаев, выступил с резкой критикой в адрес одного из журналистов, определив его профессиональную деятельность, как «недостойное поведение, выражающееся в разжигании страстей, тенденциозном освещении событий в республике» [стенограмма]

Аналогичное заявлении со стороны парламента также прозвучало 15 декабря того же года, когда новый Председатель Верховного Совета Таджикистана Эмомали Рахмонов предъявил серьезные претензии к некоторым средствам массовой информации, не всегда объективно и зачастую однобоко трактующим и без того сложную общественно-политическую ситуацию в республике. Глава государства дал понять, что новое руководство не допустит разжигания со стороны газет и телевидения межнациональной и межэтнической розни, подстрекательств к вооруженной конфронтации, и призвал журналистский корпус к объективному освещению происходящих в Таджикистане процессов [стенограмма].

В определенной степени «оздоровить» болевые точки смогли поправки в Закон «О печати и других средствах массовой информации», инициированные депутатами Парламента. Поправки ужесточали ответственность СМИ за недостоверность публикуемых ими материалов. Законом категорически запрещалось использовать СМИ в целях нарушения неприкосновенности личной жизни гражданин, публикование заведомо ложной информации и провокаций и пр.

Своевременность принятия поправок в «Закон о печати» очевидна, поскольку анализ материалов, опубликованных после исторической XVI Сессии Верховного Совета в таких изданиях, как «Начот», «Адолат», «Чароги

руз», «Минбари ислом», «Растохез», «Сухан», убедительно свидетельствует, что авторы статей целенаправленно разжигали национальную и религиозную рознь, местничество, пропагандировали насилие, осознано призывали к насильственному свержению и изменению государственного и общественного строя, провоцировали экстремизм. Кроме этого, руководители ряда политических сил, используя СМИ в качестве инструмента пропаганды и агитации, высказывали оскорбительные, порочащие человеческое достоинство, клеветнические мнения в адрес государственных деятелей и депутатов Верховного Совета Республики Таджикистан.

Рассуждая о политическом кризисе начала 1992 года, А.А. Муродов отмечает факт «перехода» военно-политического противостояния в медиаплоскость. Фактически СМИ превратились в арену политической борьбы, ожесточенных политических дискуссий и личных конфронтаций, что в значительной степени способствовало эскалации конфликта. Поляризация медиа (одни поддерживали старую номенклатуру, другие – оппозицию) способствовала переходу из фазы политического конфликта в фазу «открытых вооруженных столкновений в практически по всей территории республики» [Муродов 2004: 19].

Сложившаяся ситуация критически снижала кредит доверия государственной власти и общества к отечественным СМИ, которые в ряде случаев вместо призывов к единению нации, поисков конструктивных форм взаимодействия с правительством способствовали дестабилизации общественно-политической обстановки. В этой связи вполне обоснованным выглядит Обращение к народу республики, прозвучавшее 1 мая 1992 года, в котором отмечалось: «Положение сегодня таково, что одно необдуманное слово, один неподобающий поступок и одна незначительная интрига могут стать причиной печальных событий и национальной трагедии» [Садои мардум 1992].

Таким образом, в период гражданского противостояния перед государственной властью была поставлена задача по поиску путей

урегулирования военно-политического противостояния и направления амбиций политических лидеров в русло консолидации и поиска компромиссов. А СМИ должны были соблюдать принцип объективности и следовать национальным интересам при освещении военно-политического кризиса в республике.

Переговоры между законным правительством и оппозиционными силами, начавшиеся в апреле 1994 года и закончившиеся 27 июня 1997 года подписанием Общего соглашения об установления мира и национального согласия в Таджикистане, ознаменовали период постепенного установления сотрудничества и доверия между СМИ и властью. Журналистское сообщество, в большинстве своем осознавая важность происходящих процессов, оказывало повсеместную информационную поддержку на всех этапах межтаджикских переговоров, объективно освещало важнейшие общественно-политические и культурные события, в частности выборы Президента Республики Таджикистан и нового Парламента Таджикистана, 1100-летие Государства Саманидов, проведение Форума таджиков мира и др.

После подписания Соглашения возобновили работу ряд запрещенных изданий, началось активное становление института негосударственных электронных СМИ, укрепили свои позиции государственные медиа и частные печатные издания – все это способствовало формированию информационного рынка, где свою особую нишу заняли современные коммуникационные технологии.

К началу 2000-х годов генезис отечественных СМИ в целом свидетельствовал о продолжении демократических преобразований в данной сфере, хотя сохранялись некоторые проблемные аспекты, в частности, недостаток газет и журналов общественно-политической направленности, издаваемых негосударственными редакциями. Неправительственные структуры, частные лица и независимые общественные организации выпускали в основном продукцию культурно-просветительского и развлекательного толка. Такая принципиальная отстраненность от

политической риторики объяснялась коммерческим интересом владельцев изданий, жесткой цезурой на печатное слово и полной криминализацией инакомыслия.

На основании анализа и обобщения известных фактов, относящихся к периоду 1990-х – началу 2000-х годов, можно констатировать, что в указанный исторический отрезок одним из основных элементов трансформации общественно-политических отношений и процесса преобразования республики в правовое, демократическое государство явилось утверждение двух главных опор народовластия – института парламентаризма и средств массовой информации.

Хронологическое совпадение ключевых институциональных реформ – реформа СМИ и учреждение Маджлиси Оли – видится в том, что сущность парламентаризма раскрывается в условиях открытости представительного органа, прозрачности его деятельности и подотчетности широкой общественности, а ответственность за реализацию этих положений возлагается на парламентскую журналистику как основной инструмент достижения национальных целей.

Тема парламентской журналистики логично обращает нас к одному из главных ее выразителей – газете «Садои мардум» – печатный орган Маджлиси Оли Республики Таджикистан, о роли которой в освещении событий 90-х прошлого века мы говорили выше. Сегодня издание продолжает освещать повседневную деятельность Маджлиси Оли – от обсуждения и принятия законов до инициатив, указов, распоряжений, рабочих визитов и поездок. Рубрикация материалов в «Садои мардум» проводится в рамках трех основных разделов «’Президент’, ‘Ҳукумат / Правительство’, ‘Парлумон / Парламент’, ‘Ҳуҷҷатҳо / Документы’; в последний входят разделы ‘Қонунҳои Ҷумхурии Тоҷикистон / Законы Республики Таджикистан’, ‘Фармонҳои Президент / Указы Президента’, ‘Қарорҳои Ҳукумат / Постановления правительства’, ‘Амрҳои Президент / Постановления Президента’. Газета

таким образом отражает работу парламентариев и подчеркивает свою принадлежность» [Афсахзод 2024: 38].

Обратим внимание на то, что в ходе настоящего исследования был проведен ряд неформальных встреч с представителями Маджлиси Оли Республики Таджикистан и практикующими журналистами, в том числе аккредитованными при этом представительном собрании и имеющими опыт редакционного руководства. Одним из таких собеседников стал главный редактор «Садои мардум» (2019 год) Самариддин Асозода. Ниже приведем выдержку из личной беседы автора диссертации с С. Асозода. В частности, отвечая на вопрос о диапазоне высокопрофессионального восприятия понятия «парламентская журналистика», собеседник раскрыл много содержательных и функциональных нюансов: *«Указанное Вами явление, на мой взгляд, – это политически и социально значимая профессиональная специализация журналиста. Только объективная, высокопрофессиональная журналистика способна обеспечить реальную открытость деятельности парламентариев. Такие СМИ могут предложить аудитории полную картину парламентской деятельности, начиная с появления информационного повода, скажем, связанного со встречей с коллегами-парламентариями из других стран, и заканчивая аналитическими материалами, в которых могут быть представлены различные экспертные мнения и прогнозы. Разумеется, с такими СМИ парламентарии будут больше сотрудничать, поскольку журналисты в серьезных публикациях будут адекватно и объективно доносить слова и аргументы до аудитории, предоставлять достоверные факты из компетентных источников, не искажая информацию и не фильтруя ее через призму субъективности*.

СМИ такой группы способны организовывать действенные модели взаимодействия парламентариев с избирателями и сообществом, потому что, с одной стороны, они обладают способностью объединять содержание информационного потока, выделяя в своих публикациях наиболее важные и актуальные моменты. С другой – способны воспринимать требования

аудитории и превращать их в информацию, имеющую отношение к текущей и будущей деятельности парламента. Большинство наших сотрудников позиционируют себя в качестве инициаторов общественного диалога. Считается, что через создание, говоря рыночным языком, «потребительского спроса» на публикации о парламентской деятельности, удастся усилить влияние журналистики на развитие парламентаризма. Конечно, парламентская журналистика в нашей стране нуждается в научном осмыслении и пока трудно говорить о масштабах развития этого направления, но все же наше издание может дать хотя бы приблизительное представление о специфике парламентской журналистики»[1].

Исходя из смысловых акцентов представленного выше интервью, персонального опыта и отечественной журналистской практики, отметим, что в Республике Таджикистан успех идей парламентаризма во многом определяется работой журналистов, освещающих деятельность Маджлиси Оли. Парламентская журналистика формально не является частью профессиональной деятельности Национального парламента, но при этом представляет собой комплексный, аналитический инструмент ведения конструктивного диалога власти и общества. Эталонным примером тому является контент газеты «Садои мардум», которая, на наш взгляд, по праву считается признанным источником качественной информации о политических процессах в стране и одним из успешных политико-ориентированных продуктов отечественной журналистики, который имеет ярко выраженный социальный характер.

Таким образом, парламентская журналистика как политически и социально значимая профессиональная специализация не просто входит в число приоритетов редакций многих отечественных изданий, радио- и телеканалов, но и является одним из стержневых элементов всего блока политического изданий, одним из его «маркеров», оказывающим влияние на

[1] Из личной беседы автора диссертации с главным редактором газеты «Садои мардум» Самариддином Асозода (2019 год)

политическое сознание аудитории. Однако корректность этого сознания может быть достигнута лишь при условии получения качественного информационного продукта, что, в свою очередь, зависит от политической культуры и компетентности парламентского журналиста, а именно, как считает Е.П. Соколова, способности глубокого системного анализа общественно-политических контекстов, чьи интересы представляет медиаспециалист, при этом «строго следуя профессиональным и этическим стандартам и нормам» [Соколова 2005: 9].

Следовательно, нельзя не признать существенной роли отечественных СМИ в укреплении связи между депутатами и электоратом, что кратно утверждает статус СМИ как четвертой власти. Не менее важным фактором в работе парламентариев считается коммуникация с медиа-субъектами, что определяется представительной функцией парламента. При этом на оба лагеря – представительный орган и журналистов – возлагается ответственность за успешную реализацию стратегий национального развития в целом и совершенствование политико-правовой и информационной культуры населения в частности.

2.2. Парламентская журналистика через призму коммуникативной природы власти

Мощнейшие информационные потоки, наблюдаемые нами сегодня, способны изменить социально-экономическую, политическую и культурную сферы не только конкретного государства или региона, но и современный миропорядок. Бесспорно, в этих условиях журналистика каждой страны должна адаптироваться к новым реалиям, при этом выступать защитником идеологических национальных приоритетов и быть проводником их в массы. В этой связи один из важнейших вопросов касается механизмов взаимодействия журналистов с различными органами власти, поскольку

именно этот информационный продукт формирует общественное и политико-гражданское сознание.

В обозначенном контексте правомерно заявлять о необходимости содержательного изменения концепции СМИ. Сегодня ученые говорят о расширении медиа-контента за счет включения в смысловое поле «журналистика» новых понятий. Е.Л. Вартанова признает факт такой интеграции и отмечает, что семантическая неопределенность, размытость термина «журналистика» стирает принципиальные различия между различными контентами. В этой связи следует вести речь о понимании журналистики как системы профессиональных практик по производству аналитических и новостных, а не развлекательных и рекламных материалов. Важно также четко дифференцировать специфику новостей и аналитики, то есть их гносеологические, социальные и этические характеристики [Вартанова 2012: 11].

Переводя фокус в политическую проекцию, следует отметить, что, например, парламентский журналист должен обладать комплексом навыков и умений, в частности акцентировать общественно-политические вопросы, следовать авторской (своей) целеустановке, сознательно и осознанно применять ораторские тактики и приемы, охватывающие когнитивное, конативное и аффективное аспекты влияния на реципиента. При этом парламентский журналист должен понимать свою фактическую неспособность решить политическую проблему (что, собственно, и отличает его от политика), но осознавать и адекватно оценивать степень влияния журналистского слова на представительные органы и общественное мнение. Симбиоз этих двух смыслов проявляется в возможности достигнуть желаемого результата.

В современном Таджикистане журналистика является не только субъектом, но в определенных случаях и объектом политического процесса. СМИ в Таджикистане в разное время становились объектом политического процесса, что доказывает главенствующую позицию прессы, которая на

протяжении почти столетия служила рупором власти. Однако, как показывает опыт, даже в жестких условиях моноидеологической системы таджикская журналистика представляла собой силу, способную генерировать демократические идеи и стать эффективным механизмом трансформации политической и общественной жизни.

Исторические предпосылки развития журналистики позволяют принять за аксиому посредническую роль массмедиа между властью и обществом, которая заключается в содействии рациональному диалогу. Донося до аудитории мнения политических оппонентов, общественников и государственников о событиях, происходящих в стране, журналист, по сути, реализует парламентский контент, успешность которого зависит от множества факторов, в частности постановки конкретных задач перед сотрудником СМИ.

Налаживая диалог между властью и рядовыми гражданами, журналист также выступает в качестве специалиста, способного объективно оценить и проанализировать конкретную проблему. Современный журналист может быть представлен в парламентской журналистике в двух ипостасях: как представитель общественности и как частное лицо с авторским идиостилем. В первом случае он выступает в качестве ретранслятора политико-идеологических смыслов, в другом – транслирует персональное и/или групповое отношение к этим идеям.

В этом контексте правомерно разграничить журналистику от публицистики в силу разницы в их сущностных характеристиках, которые Т.Г. Хасанова определяет следующим образом: «Журналистика – это new (news) – новый, новость(и), а суть публицистики – это view (views) – взгляд, мнение» [Хасанова 2022: 54].

О сущностных характеристиках журналистики и публицистики говорит и М.А. Абдуллаев, который видит в них инструмент формирования и развития политического и национального самосознания. Исследователь убежден, что «в публицистике находит отражение национально-историческая память народа» [Абдуллаев 2014: 4].

Однако в обеих ситуациях реализуется основная функциональная особенность СМИ – воздействие на общественное мнение посредством фактов, «отличающихся значимостью и актуальностью в различных аспектах политической или экономической жизни страны на современном этапе ее существования» [Ворошилов 2010: 243]. Рассматривая эти факторы с методологической точки зрения, теоретики склонны определять журналистику как «институт демократии и трибуну внепарламентского участия граждан в управлении общественными делами, соответственно, парламентская журналистика выступает в качестве силы эффективного воздействия на массы» [Ворошилов 2010: 243].

Априорное назначение любого журналистского произведения есть воздействие на целевые установки массового сознания , в том числе при помощи «манипулятивных технологий» [Гавриленко 2001: 3], что обеспечивает непрерывное взаимодействие всех элементов политической системы и регулярную коммуникацию власти и общества.

Л. Шлосберг справедливо ведет речь о «формальной дифференциации парламентской журналистики от деятельности представительных органов», однако здесь же ученый уточняет, что эти рамки не являются барьером для углубленной интеграции парламентской журналистики в многогранную парламентскую риторику, а, скорее, наоборот, делает этот вид медиа институциональным механизмом «коллективного нормотворчества по результата публичной дискуссии» [Шлосберг 2007] с ее сущностными, функциональными, коммуникативными и нормативными принципами. Как следствие, ученый говорит о парламентской журналистике как о автономном политико-социальном институте, обладающим таким же уровнем влияния, что и парламент, а в отдельных, кризисных, условиях парламентская журналистика превосходит потенциал представительного органа» [Шлосберг 2008: *2*].

И.Н. Тхагушев выделяет четыре проекции парламентской журналистики: «1) печать, радио, телевидение, информационные агентства,

Интернет, освещающие деятельность представительной (независимо от уровня) системы власти; 2) все материалы СМИ, относящиеся к теме «представительная власть»; 3) особая специализация (программы, рубрики; штатные работники редакций; система аккредитации; творческие и профессиональные объединения; семинары и спецкурсы в учебных заведениях и т.д.); 4) журналистика самого парламента, то есть СМИ, учредителем которых является Парламент» [Тхагушев 2005].

Для Л.Н. Тимофеевой парламентская журналистика системно составляет единую институциональную анфиладу с политическими, партийными, оппозиционными медиа, однако при этом парламентская журналистика – составляет «специализированный сегмент политической журналистики» [Тимофеева 2006: 570] со специфическим предметом освещения. А с учетом концепции П.И. Акаемова о предметном поле политической журналистики, парламентская экстраполяция распространяется на институциональный уровень политик, субъекты политического процесса, властные отношения, отличительные особенности и системные связи [Акаемов 2009: 17], то есть показывает предмет парламентской журналистики – это парламентские институты, отношения, власть и пр.

Более того, социальная значимость парламентской журналистики обусловила высокую степень ее популярности среди журналистов, стремящихся понять, как функционирует парламент и оценить политический процесс в целом. Это стремление вполне справедливо и оправдано, поскольку при всем многообразии определений важно отметить, что парламентская журналистика постсоветского периода – это практически новый институт не имеющий фундаментальной теоретико-прикладной основы, так как советские СМИ освещали деятельность Верховного Совета лишь формально, ограничиваясь дежурным официозом. В этой связи вполне логичным представляется определение О.С. Лещинской: «Парламентская журналистика – теория без практики» [Лещинская]. Буквально за десять лет до этого определения, вначале 2000-х, И.Н. Тхагушев уже указывал на очевидный

разрыв между теорией и практикой парламентской журналистики – «если практика сделала рывок, по крайней мере, количественный, то теория в лучшем случае выходит на старт» [Тхагушев 2002: 56]. Перед учеными стоит непростая задача: при значительном практической прогрессе парламентской журналистики, ее теоретический сегмент только начинает формироваться, только приближаясь к стадии концептуализации.

Логично, что С.А. Лисовский делит парламентскую журналистику на два типа: пассивную и активную [Лисовский 2006: 563]. Первый модус предполагает – хроникальное фиксирование / регистрацию событий, второй – участие / трансформацию / оценку / интерпретацию.

Рассмотрим некоторые функции парламентской журналистики как институционального органа публичной передачи общественно-политической информации:

1) Информационная, основополагающая, функция направлена на формирование политической картины мира каждого отдельного гражданина и создает цельную картину политической жизни у граждан страны.

2) Аналитическая – выявляет причинно-следственные связи политических процессов, предлагает альтернативы и прогнозирует события/результаты/последствия/тенденции.

3) Инновационная функция предполагает вовлечение экспертов (парламентариев), обладающих навыками участия в свободных дискуссиях, рассчитанных в том числе и на широкую аудиторию.

4) Критический анализ и контроль как одни из главных условий существования СМИ как «четвертой власти» способствуют конструктивному взаимодействию политической и социальной систем, информационной открытости политического процесса для широкой общественности.

5) Общественную функцию, реализующую взаимно обратную связь между гражданами и народными избранниками, следует считать системообразующим фактором в деятельности парламентской журналистики.

Осуществление этих функций в совокупности или грамотное их сочетание подразумевает качественное системное развитие парламентской журналистики [Реснянская 2001: 5].

П.И. Акаемов выделяет семь функциональных особенностей парламентской журналистики: информационная, представительская, корпоративная, пропагандистская, правовая, рекламная, конструирование образа [Акаемов 2009: 364].

Каждый параметр отличается особым набором характеристик и функций:

1) информационная функция – освещение законодательных инициатив, аналитический комментарий, интерпретация содержания законов / законопроектов, трансляция мнений депутатов и пр.;
2) представительская функция – выявление потенциального конфликта интересов, дискриминационных положениях законопроектов, инициирование общественной дискуссии по поводу конфликтогенных инициатив;
3) корпоративная – согласованное семиотическое оформление материалов, использование коннотативных элементов, согласованная интерпретация, формирование единого смыслового поля;
4) пропагандистская – смысловое окрашивание принятых законов, избирательное освещение, наделение законов дополнительными смыслами, эффекты фрейминга, семантическое оформление законов;
5) правовая – квазисудебная функция при противоречиях буквы закона и нуждах граждан, выявление противоречий в законах, использование методов фактчекинга;
6) рекламная – многомерная презентация личности, события, явления, стратегическое включение личностных деталей, персонализация политики, регулярный мониторинг деятельности парламента;

7) Конструирование образа – последовательная подача информации, частота упоминаний, постепенное наращивание символического капитала.

Реальная информационная открытость деятельности парламента для гражданского общества может быть обеспечена посредством объективного освещения со стороны СМИ и готовности парламентариев к конструктивной коммуникации с журналистами. Практика показывает взаимообусловленность этих двух аспектов. Так, народные избранники проявляют готовность к общению с теми журналистами, которые детально прорабатывают каждый компонент конечного информационного продукта – от инфоповода и общего уровня специализации журналиста до аналитики, при чем последняя должна состоять из несколько субъективных позиций, которые в совокупности «сделают» материал объективным. Не менее принципиальное значение имеет степень авторитетности издания, которое этот журналист представляет, и репутационные характеристики самого журналиста.

СМИ, которые удовлетворяют этим требованиям, способны создать адекватные, эффективные каналы коммуникации между парламентариями, обществом и экспертными группами. Ценностными факторами этого взаимодействия станут контент-дифференциация информационного потока, выделение национально-ориентированных концептов, совершенствование когнитивно-деятельностного подхода к решению насущных парламентских вопросов.

Концепция полноценного взаимодействия СМИ и представительного собрания объективируется через конструктивный диалог, а не прямое/опосредованное противостояние и взаимную глорификацию. Эффективизации диалога будут способствовать партнерские отношения, публикация материалов, прошедших весь перечень соответствующих процедур, высокие имиджевые характеристики редакционной коллегии, всемерное содействие своевременной публикации материалов, «установление

личных доверительных отношений, основанных на честности и взаимоуважении» [Музыкант 2002: 273].

Таким образом, создание условий для оперативного и объективного информирования широкой общественности о деятельности властных структур и категорический отказ от «подмены такой цивилизованной системы взаимоотношений попытками одностороннего манипулятивного воздействия на СМИ, по мнению Ю.Е. Бурова, не будет препятствовать поступательному развитию страны» [Буров 2013:139].

Такой подход также консолидирует статус СМИ как «четвертой власти», а суд, парламент и президентская власть дополняют группу составных активных компонентов диады «СМИ – парламент», обеспечивая равновесие мнений в общем стремлении к общественно-политической стабильности и социальной справедливости.

Ряд исследователей акцентируют внимание на властных полномочиях журналистики. В частности, Л.Г. Свитич считает, что основная сфера государственной власти – «регулирование политических, экономических и социальных процессов в обществе. И в этом она близка к журналистике, ибо во многом ее функцией является информационное управление и регулирование…» [Свитич 2000: 17].

Полагаем, «регулирующая роль» и «журналистика» это не идентичные по смыслу понятия, не идентичные в классическом смысле. Регуляция как функция больше тяготеет к общественному мнению, сформировавшемуся благодаря массмедиа. Сегодня присутствие журналистики в политическом процессе уверенно и полномасштабно, а манера и содержание диалога СМИ с властью – это системоутверждающий инструмент формирования не просто общественного мнения, а сознания масс. Однако осознанное вовлечение граждан в общественную жизнь, их политические убеждения зависят от достоверности, оперативности и качества информационного продукта.

Качество информационного продукта определяется диалоговой моделью, используемой СМИ в целях получения от субъекта

(представительный орган) общественно и политически значимой информации и предоставление ее объекту (гражданское общество). Следовательно, СМИ как медиатор общения в формате «общество и власть» должны выстраивать эту коммуникацию с учетом таких факторов, как объективность, уважение, высокая культура, профессионализм, компетентность, что позволит представить аудитории качественный информационный продукт. Поэтому от усилий отечественных медиа зависит успех государственных преобразований.

В этой связи мы поддерживаем позицию А.М. Воробьева, правомерно рассматривающего свободную прессу как системообразующий элемент гражданского общества, которая не просто информирует, а формирует осознанное гражданское общество, где диалог между властью и общество вполне реален, где «отказываются от пропаганды и цензуры в пользу открытости» [Воробьев 1998: 36]. Следовательно, СМИ, выполняют дуальную функцию: 1) первичный институт социализации политико-правовых ценностей и 2) канал трансляции демократических ценностей.

Тезис Е.П. Соколовой о природе медиа-демократии предполагает информационное обеспечение и сопровождение демократических процессов, то есть при условии создания комплексной системы гарантий свободы слова, при чем не при формальном провозглашении этого принципа, а его действенном и действительном институциональном воплощении [Соколова 2005: 7].

Здесь же приходится констатировать, что общественное мнение, равно как и социальный заказ общества, формируются в соответствии с государственными интересами, главными ретрансляторами которых выступают СМИ, а «основным содержательным компонентом последних, по мнению Ю. Вдовина, становятся так называемые «политтехнологии», по существу зомбирующие необходимый для легитимизации произвола власти электорат» [Вдовин 2004: 15].

Безусловно, проблема выбора диалоговой модели взаимодействия СМИ и власти – априорный вопрос функционирования политической

журналистики, «обостряющийся, согласно Е.П. Соколовой, в периоды кардинальной трансформации политической и общественной жизни» [Соколова 2005: 19]. При этом вполне естественна двухсторонняя модель поведения, которая проявляется в создании льготных условия для лояльных изданий, формировании повестки, благоприятной для реформ и но не замене диалога монологом [Ковалева 2000: 19].

Следует признать, что последнее десятилетие стало для таджикистанцев рекордным по трем основным критериям: 1) повсеместная и активная информатизация, 2) беспрецедентное развитие средств массовой коммуникации, 3) высокая степень демократизации общества.

Эти изменения затрагивают формат диалога между властью и гражданами, а также власти и СМИ. В ответ на эти вызовы система госуправления вынуждена адаптироваться или создавать свои методы сбора и обработки информации, чтобы оперативно оценивать настроения в обществе и находить баланс интересов всех этнических групп.

В настоящее время Маджлиси Оли использует современные формы и инструменты коммуникации, интегрируя СМИ в процесс госуправления за счет их способности обеспечивать их обратную связь с обществом. Отметим, что в принятии управленческих решений информация является главным ресурсом как для СМИ, так и для представительного органа, поскольку обеспечивает и научно-обоснованное регулирующего общественные отношения.

С опорой на этот тезис Л.И. Мухамедова видит в «беспрерывной циркуляции информации между управляющей и управляемой подсистемами (субъектом и объектом), между отдельными их компонентами необходимый атрибут всего процесса управления, всех его функций» [Мухамедова 2009: 3]. Представительный орган как один из важнейших уровней организации публичной власти «обеспечивает устойчивость и демократический характер всей системы властных институтов» [Селиванова 2008: 98]. Парламентская журналистика не просто информирует, а создает основу для участия граждан

в демократическом процессе, выступая медиатором между представительным органом и обществом. Более того, функционал парламентской журналистики предполагает прогнозирование последствий принимаемых решений, обеспечивая прозрачность политического процесса и создать эффективный контроль над общественным мнением.

Примечательно, что статусная многогранность массмедиа влияет на их ролевые установки. Так, общественно-политический статус СМИ, очевидным выразителем которого является парламентская журналистика, и предопределенная «включенность» СМИ в политическую систему закономерно стали поводом для распространения информации о деятельности друг друга. Как институт гражданского общества средства массовой информации призваны осуществлять социальный контроль над властью, а как институт, легитимирующий государственную политику, – апеллировать к общественному мнению, создавая позитивный имидж органов государственной власти.

Но во всех трех статусных категориях СМИ транслируют интересы и идеи различных социальных групп, представителями которых являются депутаты Маджлиси Оли. Учитывая коммуникативную природу власти, а также сферу и сущность представительских функций СМИ в государственных структурах и гражданском обществе, теоретически можно констатировать политическое служение СМИ как государственной, так и общественной власти.

Между тем в принятых государственных концепциях, регламентирующих информационную политику и деятельность органов власти, постулат об информационной открытости институтов власти и социальном характере партнерства СМИ с госорганами хоть и присутствует, но не обозначает четких граней и границ этого взаимодействия. Эта недосказанность, «недоопределенность», «недоидентификация» несколько размывает факт реального участия населения страны в принятии управленческих решений, но рельефно показывает значимую долю

моноцентрического сотрудничества власти и общества. Хотя информационная политика ориентирована на совершенствование вертикальных связей через предоставление населению полной, своевременной и объективной информации и доступа широких масс к современному и качественному телекоммуникационному сервису.

В контексте коммуникативной природы власти считаем целесообразным представить мнения некоторых журналистов относительно Указа Президента Республики Таджикистан «О реагировании должностных лиц на критические и аналитические материалы средств массовой информации» (Указ № 622 от 7.02.2009 г.). Изначально отметим, что одновременно прямым и опосредованным поводом для издания Указа стал факт публикации в 2008 году 140 критических статей о работе органов государственной власти, на которые не последовало реакции со стороны руководства критикуемых ведомств и не были приняты соответствующие меры по устранению проблем.

Журналистское сообщество страны в целом положительно отреагировало на этот Указ. Профессор И.К. Усмонов, например, проблему расхождения мнений власти и журналистов видит в отсутствии в стране ежедневной прессы (Фараж. № 6 от 12.02.09 г.).

Известный таджикский журналист К. Шарифзода (в 2009 г. председатель общественной организации «Журналист») назвал Указ «своевременным шагом» [Таджикистан 2009].

Полагаем, что информационная деятельность органов власти, и прежде всего Маджлиси Оли, должна быть направлена на активное участие институтов гражданского общества в государственном управлении. Хотя таджикские СМИ, как правило, своевременно и относительно подробно представляют новости, озвучивают проблемы и реже способы их решения, в целом удовлетворяя информационную потребность населения, однако далеко не всегда их деятельность является результатом продуктивного взаимодействия с властью. Это подтверждает необходимость развития универсальных «каналов обратной связи» между а) властью и СМИ, б)

широкой общественностью и властями посредством СМИ, что облегчит доступ граждан к социально-значимой информации и будет способствовать полновесной реализации государственных инициатив.

Результатом взаимодействия триады «гражданское общество – власть – СМИ» могут стать «информационно-коммуникативные отношения, наполненные идеологией содержания и оформленные механикой субординации» [Киричек 2007: 13].

Л.С. Леонтьева делает акцент на коммуникативной природе власти, которая, по мнению исследователя, «формируется в процессе конструктивного диалога, подтверждающего уверенность населения в силе и справедливости властных институтов, <...> признания населением социально-политического порядка и добровольного согласия граждан следовать установленным правилам в повседневных практиках. Тогда как власть, не укрепляющая единство в многообразии, информационную устойчивость системы в плюрализме информационных потоков, декларирующая, но не охраняющая конституционное право граждан на информацию, теряет общественную поддержку, что негативно отражается на ее коммуникативной природе» [Леонтьева 2009: 143].

Эволюция и трансформация информационного пространства ставит перед гражданскими структурами, представительной властью и СМИ новые задачи. В нынешних реалиях можно говорить о своевременном и эффективном информировании как о многоаспектной деятельности, осуществление которой невозможно без признания и адаптации к таким тенденциям, как увеличение числа каналов распространения информации, стремительное развитие социальных медиа, конвергенция информационных потоков, повышение уровня информированности аудитории и т.д. Все это отражается на функциональных особенностях субъектов информационных отношений, к которым относятся такие важные катализаторы создания информации, как власть, потребители информации (аудитория) и трансляторы информации (СМИ).

Структурные трансформации информационного пространства способствуют выработке новых форм диалога власти и СМИ. Структурным подразделением, регулирующим противоречия между масс-медиа и парламентариями, является Центр Информационной службы Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, возглавляемый М.И. Султоновым (2020 год).

Отметим, что пресс-служба Национального парламента предпринимает системные меры по развитию гражданских отношений. В частности, созданные организационные и инновационно-технологические условия позволяют «оперативно узнавать о новеллах в системе законодательства различных стран мира, обобщать их и доводить до сведения руководства и депутатов Парламента» [Султонов].

Однако, по нашему убеждению, Центр Информационной службы Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан должен стремиться к всемерной реализации своего потенциала и расширять спектр использования организационных ресурсов для разработки новых, отвечающих новым реалиям, диалоговых моделей. Обозначенный ракурс в контексте коммуникативной природы власти требует учета деятельности пресс-службы как канала, «позволяющего субъекту информирования осуществлять взаимодействие с внешним миром, и функциональных особенностей этой структуры с точки зрения профессиональной и общественной значимости» [Бурова 2012: 234].

Здесь же приходится признать факт недостаточной теоретической идентификации деятельностной парадигмы пресс-службы. Определения, которые приводят ученые, отличаются узостью трактовки, в силу чего не могут отразить всей полноты ценностной составляющей парламентской пресс-службы. Так, А. Кочетков и А. Тарасов дефинируют этот субъект как «совокупность взаимозависимых элементов, образующих единое целое, выполняющее анализ информационных потребностей и коммуникационных

сетей, отбор необходимой и приоритетной информации, а также коммуникационных каналов ее распространения» [Кочетков 2009: 23].

Не вносит достаточной ясности и определение, данное А. Гнетневым и М. Филь: «Пресс-служба – это институт, оказывающий услуги по информационному освещению» [Гнетнев 2010: 9].

Приближенной к коммуникативной природе представительной власти представляется дефиниция В.Д. Попова, который, опять-таки не полностью раскрывает потенциал этого структурного подразделения: «Пресс-служба – это структура, осуществляющая организацию и реализацию взаимодействия государственных органов со средствами массовой коммуникации и с институтами гражданского общества и имеющая задачу осуществлять долговременное и конструктивное взаимодействие со СМИ и журналистами» [Попов 2003: 260].

Позицию В.Д. Попова мы разделяем частично. Полностью поддерживаем ученого в его понимании роли пресс-службы, но предлагаем прояснить концепцию, расширив дефиницию за счет следующей вставки: «Пресс-служба современного парламента – это субъект коммуникационной и социальной деятельности, функции которого сводятся к конструированию рациональных диалоговых моделей для эффективизации и интенсификации взаимодействия парламентариев и гражданских структур при непосредственном участии масс-медиа».

Однако данное определение носит сугубо теоретический характер и несколько противоречит современной специфике взаимодействия представительной власти и СМИ в условиях Таджикистана. Оценивая ситуацию в разрезе республики И.М. Джамолов утверждает, что «структуры связей с общественностью, в частности пресс-служба, которые особо отмечены в Концепции государственной информационной политики, развиваются сами по себе, но их разделение на подструктуры до конца не сформировано» [Джамолов 2014: 278].

Практика также показывает, что информация от пресс-службы, как правило, не рассматривается СМИ как первоисточник информации. Парламентский журналист, например, видит в пресс-службе посредника и некий «информационный фильтр», что может быть объяснено в том числе стремлением пресс-службы сохранить положительный имидж ведомства. Такая позиция – повод для поиска «первого лица», способного предоставить материал, что называется, «без купюр». Однако, вопреки расхожему мнению, подобная тактика повышает риск получения искаженной информации, так как каждое условно «первое лицо» «может подвергнуть сообщение тем или иным трансформациям» [Моль 2005: 175].

Как видим, ситуация может быть достаточно противоречивой, что, в принципе, недопустимо в контексте работы парламентского журналиста, материалы которого тиражируются на многомиллионную аудиторию.

Другой негативный повод отказа журналистов от сотрудничества с пресс-службой заключается в том, что информация от вторичного источника «может выступать в роли той самой исходной информации, на основании которой формируются представления парламентских корреспондентов о важности или второстепенности тех или иных парламентских событий» [Колодиев 2014: 96].

Эта практика также не однозначна. Личный опыт работы в Маджлиси Намояндагон показывает, что многие парламентские журналисты пытаются установить личные знакомства с депутатами, которые впоследствии, как предполагается, станут первоисточником информации. В этом случае парламентарии, оставшиеся вне поля интересов журналиста, не считают нужным озвучить свое видение обсуждаемой политической повестки. В результате публикуемые материалы отличаются необъективностью и содержательной линейностью.

Экстраполируя представленные выше мнения и позиции на Центр Информационной службы Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, подчеркнем, что данное структурное подразделение

парламента продолжает оставаться основополагающим инструментом в коммуникационном механизме, обеспечивающим оптимальные формы и форматы диалога между властью и медиа, властью и обществом, хотя наблюдаются некоторые сдерживающие факторы, которые не позволяют полностью раскрыть потенциал этого подразделения и увеличить степень самостоятельности и активности гражданского общества в вопросе полноправного партнерства с массмедиа и парламентом.

Факт несамостоятельности гражданского общества подтверждает и Т.Г. Хасанова: «Гражданское общество в Республике Таджикистан еще недостаточно активно, чтобы выражать аргументированное мнение по всем проблемам гражданского строительства» [Хасанова 2022: 233].

В этом ключе Дж. Юсупов советует не игнорировать особенности формирования гражданского общества в республике, ведь «Таджикистан традиционно относится к тем странам, которые больше ориентированы на государство, чем на общество, что характерно почти для всех восточных народов» [Юсупов 2019]

Мы полагаем, что болевые точки в диалоге СМИ и власти могут также быть связаны с нежеланием/неготовностью обеих сторон выстраивать равноправные отношения. Еще одной причиной является отношение властей к средствам массовой информации как к инструменту связи с общественностью и имплицитное или эксплицитное объявление борьбы «за определение приоритетов в общественной повестке дня» [Четвертков 2010: 72].

Основу взаимодействия со СМИ Г.Л. Тульчинский видит в доверии к источнику информации, которое определяется причастностью последнего (телерадиоканала или издания) к области освещаемых вопросов. Другим принципиальным условием эффективности диалога является специализация журналиста. Следовательно, некорректный выбор медиа-канала или журналиста может привести к нежелательным формам и смыслам [Тульчинский 2000: 174].

Тема используемых в парламентской журналистике источников информации достаточно актуальна, однако работы в данном направлении преимущество сосредоточены на депутатах и парламентских документах, что, естественно, сужает ракурс научного поиска. Эту недоработанность отмечают И.Н. Федоров [Федоров 2006: 3], Л.И. Московкин и Н.В. Вакурова.

Данный вопрос непременно нуждается в рассмотрении, поскольку такое сжатие информационно-ресурсного пакета ведет к снижению научно-практической рефлексии на предмет реальных проблем парламентской журналистики, в частности вторичность источников информации, в роли которых выступают сотрудники пресс-службы.

Другую, можно сказать «зеркальную» сложность представляет необоснованное ограничение используемых в парламентской журналистике источников информации. Безусловно, возражений против выбора парламентария в качестве источника информации не может и не должно быть, но понимание принципов ведения внешней и внутренней политики, мотивов и условий принятия отдельных законопроектов, причины исполнения/неисполнения предвыборных обещаний требуют общения с внепарламентским корпусом, который, будучи достаточно широк, включает экспертов разных областей знания – политологов, экономистов, криминологов, социологов и представителей гражданского общества.

Личные наблюдения также позволяют констатировать факт априорного неприятия СМИ некоторыми парламентариями, которое, как нам кажется, связано с неверным восприятием роли и значения массмедиа. Например, критические публикации трактуются не в конструктивном ключе, а как попытка скомпрометировать власть в глазах общественности. Отсюда – нежелание депутатов и лидеров отдельных фракций общаться с журналистами.

Признавая деликатность данного вопроса, экс-глава Коммунистической партии Таджикистана Шодди Шабдолов в личной беседе с автором настоящей диссертации выразил глубокую убежденность в необходимости теснейшего

сотрудничества СМИ и Парламента страны, поскольку от этого диалога будут зависеть репутационные оценки не только самого представительного собрания, но и всей политической элиты страны: «Народ почти ничего не знает о нашей деятельности. Почему мы должны находиться под стрелами критики? Депутатам надо дать время на радио и телевидении, чтобы они могли выступать и разъяснять свои позиции по целому ряду актуальных тем»[2].

Аналогичной позиции придерживается депутат Джабор Ахмедов: «СМИ Таджикистана неоднократно писали о том, что широкие круги общественности не имеют представления о деятельности палаты, население не осведомлено о том, какие законы разрабатываются и принимаются депутатами парламента»[3].

Третий актуальный вопрос заключается игнорировании парламентариями и парламентскими журналистами «системно-синерго-деятельностной» [Гомеров 2007: 7] природы парламента. Действия и решения Национального парламента как части политической системы и органа представительной и законодательной власти в той или иной степени отражаются на жизнедеятельности всех социальных групп, тем самым формируя общественное мнение о парламенте в целом и об отдельных парламентариях в частности. Вполне естественно, что парламентарии как народные избранники заинтересованы в поддержке электората, но далеко не все они рассматривают журналистов как инструмент достижения личных карьерных притязаний; подавляющее большинство в своей работе руководствуется высокими государственными мотивами, одинаково тяжело воспринимают штатные неудачи и несовершенства самой системы, но не склонны обсуждать эти сложности с журналистами.

Проблема же видится в том, что обе категории парламентских информантов не до конца раскрывают реальные мотивы и целевые установки принятия законопроектов, закрытыми от пытливого журналистского взора

[2] Из личной беседы автора диссертации с депутатом Шодди Шабдоловым.
[3] Из личной беседы автора диссертации с депутатом Джабором Ахмедовым

остаются тексты будущих нормативно-правовых актов, что, безусловно, влияет на степень объективности и полноту конечного информационного продукта.

С другой стороны, не многие парламентские журналисты готовы к тесному взаимодействию с депутатским корпусом и воспринимают свою работу формально, довольствуясь интервью с парламентариями во время коротких перерывов между заседаниями, общими отписками, обобщенными выдержками из выступлений депутатов. В результате аудитория получает пространные (по большей части положительные, по меньшей – нейтральные, но не критичные) заметки о работе представительного органа в интерпретации респондента, а не аналитические, проблемные статьи с подробным анализом происходящего.

Четвертым проблемным фактором является недостаточная профессиональная компетенция парламентских журналистов и несоблюдение ими этических норм, что выражается в неспособности объективно оценить факт, событие, явление и часто не аргументировано принять чужую позицию.

Вопрос продолжает оставаться актуальным уже не одно десятилетие, несмотря на попытки представителей медиа-организаций и органов государственной власти изменить ситуацию. Например, международная медиа-организация «Институт по освещению войны и мира» (IWPR) по инициативе Абахана Султонназарова – регионального директора IWPR по Центральной Азии организовала в Душанбе специальный семинар (28.06.2010 г.), посвященный данному блоку проблем. Активный участник встречи – бывший председатель правления Совета по СМИ И.К. Усмонов – причину отсутствия взаимопонимания медиа и власти в лице пресс-служб представительных органов объясняет неразработанностью механизма их взаимодействия, что приводит к стремлению как самих СМИ, так и органов власти, партий и отдельных лиц «использовать журналистику как оружие, и в таком случае утверждать, что СМИ – четвертая власть очень рано» [Усмонов 2021].

И.К. Усмонов видит проблему в «недоидентификации» обязанностей пресс-служб, что делает «пресс-секретарей своеобразной преградой для журналистов в доступе к информации» [Усмонов 2021].

В ходе семинара была затронута проблема отсутствия узкопрофильных специализированных корреспондентов по отдельным областям СМИ с отсылкой на вузовское образование; был поднят вопрос об аккредитации группы журналистов из отдельных изданий в определенных министерствах и ведомствах, включая Парламент Таджикистана.

Несмотря на то, что с момента этого семинара прошло почти 15 лет вопрос о парламентских журналистах остается таким же актуальным, поскольку парламентская специализация требует особых качеств.

Например, А.В. Тыркова-Вильямс еще в 1952 году описала идеального парламентского корреспондента: «...Цепко следит за чужой мыслью, отчетливо ее схватывает, запоминает, быстро передает главное, не увлекаясь завитушками и отсебятиной, которая так легко разгорается в воображении талантливого писателя» [Тыркова-Вильямс 1952].

Заметим, что этот набор атрибутов сегодня также востребован и может быть дополнен способностью парламентского журналиста использовать современные средства связи, знать специфику и регламент работы представительного собрания, руководителей, наиболее известных депутатов, чтобы максимально полно раскрыть механизм законотворчества и сделать этот процесс открытым для гражданского общества.

Между тем последние две проблемы не столь однозначны, поскольку посредством СМИ власть может получить открытый доступ к действующим моделям гражданского общества, каждая из которых потенциально может стать если не неотъемлемой, то достаточно значимой силой и оказывать влияние на политический ландшафт страны.

Здесь важно понимать и всю широту понятия «гражданское общество»; только в работе «Гражданское общество как понятие» представлены пятьдесят

его дефиниций [Резник 2002], что уже доказывает многопараметральный характер гражданского общества как институционального образования.

Цельное же восприятие гражданского общества следует свести к «совокупности разнообразных независимых общественных организаций, защищающих интересы каждого гражданина с его частной жизнью» [Бакунина 2008: 35], и идентифицировать его как центральный ресурс развития государства в демократической и светской канве.

Применение методов манипуляции в отношении СМИ или любое другое воздействие несовместимо с существованием гражданского общества как такового. Если учесть, что синонимом термина «парламентарий» является понятие «народный избранник», то отношения представительной власти с избирателями должны непременно выстраиваться на принципах партнерства, взаимоуважения и доверия. Для этого между парламентариями и обществом необходимо наличие постоянно функционирующего канала обратной связи, где СМИ будут каналом коммуникации.

Не случайно ведущие политологи настаивают на том, чтобы перед современными СМИ была поставлена задача по «формированию гражданской позиции каждого человека» [Бакунина 2008: 35]. Эта деятельность журналистики будет направлена на социализацию общества, то есть «усвоение каждым индивидом системы знаний, норм, ценностей и, в связи с этим, определения своего места в системе общественных отношений, своих жизненных целей и способов их достижения» [Засурский 2004: 11].

В условиях демократии социализация общества предполагает консенсус действий двух центров – органов государственной власти и гражданского общества – по введению конституционно-правовых принципов, несиловому урегулированию конфликтов. При этом СМИ не только служат трибуной политической дискуссии, но и сами принимают активное участие в общественном обсуждении, комментируя позиции отдельных политических фигур.

Парламентско-демократическое сообщество ориентировано на публичную презентацию политических целей и требований. Основными инструментами в этом смысле продолжают оставаться интервью, заявления, пресс-релизы и прочие. Они обеспечивают открытость информации и выступают медиаторами в коммуникации власти с обществом. Открытость и свобода медиа – первостепенны, поскольку ограничения в дальнейшем привед к эрозии доверия не только в СМИ, но и к органам государственной власти, что создаст большой, а тем и опасный разрыв между социумом и правящими институтами [Федоров 2009: 5].

Здесь за парламентской журналистикой сохраняется статус эффективнейшего инструмента реализации диалоговой модели в режиме «власть – гражданское общество» и укрепления информационно-коммуникативных связей. Эту точку зрения высказывает Л. Шлосберг: «Парламентская журналистика, кроме непосредственно профессиональной, неизбежно осуществляет важнейшую общественную функцию взаимной обратной связи между гражданами и избранными ими представителями» [Шлосбер 2007].

Считаем, что парламентскую журналистику отличает уникальный и универсальный функционал, который объединяет пресс-центр парламента, входящие в структуры политических партий департаменты информации, парламентариев как одного из источников информации, но при этом ни один из перечисленных субъектов не может реализовать этот функционал, хотя каждый призван создать мощную информационно-содержательную амплитуду воздействия на аудиторию.

Убеждены в утопичности идеи Л. Шлосберга о том, что независимость СМИ от органов государственной власти и политических партий позволит прессе «вести парламентскую журналистскую деятельность, адекватную потребностям и задачам общества» [Шлосбер 2007]. Уверены, что во всех современных государствах, в том числе в Таджикистане, эффективность

парламентской журналистики зависит от конструктивной кооперации всех ее субъектов, независимо от форм собственности.

Однако печатные и электронные издания последних хотя и являются, в целом, качественными источниками информации о политическом процессе с участием отечественных парламентариев, не соотносимы с парламентской журналистикой в самом узком, прямом значении этого понятия. Между тем следует признать, что негосударственные СМИ являются в определенной степени гарантом нормальной работы парламента, поскольку, согласно И.Н. Федорову, «нелицеприятная критика деятельности депутатов стимулирует и заставляет их заниматься саморазвитием и повышает общую дисциплину парламентариев [Федоров 2009: 23].

Аналитические статьи о законотворчестве, в которых оценивается фактическое исполнение отдельных законов, дают мощный стимул для совершенствования законодательства и других аспектов парламентской деятельности. Кроме того, СМИ этой группы наиболее активно способствуют созданию не только информационного, но и публичного пространства, т.е. сферы межличностных коммуникаций, в которой создаются и транслируются общественно значимые высказывания, так как «вряд ли кого-то можно назвать политиком, если его деятельность не представлена в публичном пространстве» [Бакунина 2008: 7].

Этот тезис подтверждается опытом работы с масс-медиа, технологическими и инструментальными различиями между властью, управлением и публичными действиями, глубиной различий, мировоззрений и ценностей. Особенно явно становятся видны эти различия в условиях взаимодействия политиков, администраторов и сотрудников массмедиа в рамках какого-либо официального мероприятия. В публичном пространстве такие ситуации обнаруживают критические расхождения в идейных позициях, что влияет на поведенческие паттерны участников встречи. Однако публичность политического процесса апеллирует не просто к учету мнения

различных социальных групп и обозначению приоритетных направлений развития, а к интеграции этих групп для реализации стратегических задач.

Соответственно, образ власти представляет собой результат социальной коммуникации субъектов публичного пространства, среди которых негосударственные СМИ являются неотъемлемым элементом парламентской журналистики и процесса коммуникации между представительной властью и гражданским обществом. По мнению старшего советника Президента Республики Таджикистан Мансура Сайфиддинова (2015 год), «правительство видит в независимых СМИ здоровую оппозицию, ее критика позволяет выявить и устранить целый ряд проблем». Но несмотря на достаточно активное развитие независимой прессы в республике и динамику в диалоге между властью и журналистами определенные сложности все-таки сохраняются.

К актуальным вопросам в этом векторе следует отнести широту доступа к информации и в принципе его наличие как основополагающее «право свободной прессы, без которой народ не имеет голоса, не может участвовать в демократическом процессе» [Якубов 2014: 16]. Причем данная проблема в равной степени затрагивает журналистов и государственных, и независимых СМИ, в результате чего информация о законодательных новеллах, в том числе напрямую касающихся жизнедеятельности граждан страны, остается закрытой или недостаточной, что является нарушением одного из конституционных прав человека, которые также прописаны в международных документах.

Однако данное право не получило своего законного признания в республике, в отличие, например, от Основного закона России. При этом «факт отсутствия самостоятельной нормы не означает, что данное право не имеет конституционного закрепления в Таджикистане», – считает З.Н. Махмудов [Махмудов 2019: 29]. Согласимся с мнением исследователя, поскольку в смысловом плане статьи 30 и 31 Конституции Республики

Таджикистан утверждают свободу слова и выражения мнения граждан и их право обращаться в органы государственной власти.

З.Б. Имомова придерживается аналогичной точки зрения; исследователь подчеркивает системообразующую сущность Конституции, где право граждан на информацию объективируется в специальных положениях, в соответствии с которыми общественные объединения, органы государственной власти, партии и должностные лица составляют конгломерат по обеспечению возможности ознакомления с документами, касающимися его прав и интересов, кроме случаев, предусмотренных законом» [Имомова 2015: 55].

Это право предусмотрено Законом Республики Таджикистан «Об информации» (от 10.05.2002 г.), где

- «информация обозначена как «сведения о лицах, предметах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» [Закон 2002];
- «принципы информационных отношений: законность получения, использования, распространения и хранения информации» (статья 4 Закона);
- «объектом информационных отношений является оглашаемая информация о лицах, событиях и явлениях в области политики, экономики, культуры, науки и техники, социальной, экологической, международной и иных сферах» (статья 6 Закона];
- субъекты информационных отношений имеют право получать, использовать, распространять информацию в целях реализации своих законных интересов» (статья 8 Закона) [Закон 2002].

А.Г. Быкова, рассуждая об объектах информационных отношений, указывает на их социальную реальность и функциональный потенциал. Лица, вещи, факты, проишествия способны выступать как предметоами изучения, так и источником расширения данных. Исследование объективной реальности позволит получить новый комплекс знаний, обогатить картину мира и решить конкретные задачи [Быкова 1013: 5].

В своде законов страны особое место занимает Закон «О праве на доступ к информации» (от 18.06.2008 г.), который наделяет каждого гражданина правом «свободного поиска информации и получение ее от государственных и иных органов и организаций, а также их должностных лиц (при наличии этой информации на законных основаниях)» [Закон 2008].

З.Б. Имомова, развивая эту норму, предлагает обозначить доступ к информации как комплекс правовых возможностей по запросу сведений для «выполнения определенной задачи со стороны органов местного самоуправления или органов государственной власти» [Имомова 2015: 57].

В целом, можно отметить, что отдельные противоречия и неполнота реализации взаимоотношений государственной власти и СМИ в Республике Таджикистан главным образом обусловлены несовершенством законодательной базы, регламентирующей деятельность СМИ, а также некоторыми разночтениями с международными нормами.

2.3. Специфика конструирования медиаобраза Парламента Таджикистана

В массовом повседневном сознании образ власти отличается дуальностью, которая, с одной стороны, обусловлена спецификой политической системы (в нашем случае – Республики Таджикистан); с другой – обновленными функциями и структурой журналистики. В совокупности эти два показателя не только формируют образ власти, но и в некоторой степени определяют их институциональные параметры. В условиях трансформации политической системы возрастает риск нарушения выработанных механизмов взаимодействия власти и гражданского общества. В силу этих нарушений требования общества к СМИ могут идти вразрез с сущностными характеристиками медиа и привести к преобладанию резко негативных оценок их деятельности. Позитивный образ власти в общественном сознании будет

способствовать смягчению противоречий между взглядом населения на государственный аппарат и его реальным состоянием.

В этой связи весьма актуальными представляются вопросы Г.Н. Селезнева, председателя Государственной Думы (1995-1999гг.), о том, каким предстает в публикациях образ парламента, насколько он соответствует действительности и насколько создаваемый образ отвечает интересам общества в целом [Тхагушев 2000: 4]. Этот тематический блок призван раскрыть сложный и многогранный по своей природе вид журналистики (парламентской журналистики) и ее естественные связи с одним из самых политизированных органов страны – Парламентом.

Н.А. Романович дефинирует образ власти как комплекс мнений широкой общественности о видовых, структурных и функциональных характеристиках властей, «выступающих в качестве социальных экспектаций, адресованных власти, которая выстраивает свою политику в соответствии с общественным запросом» [Романович 2010: 36].

Конструирование образа власти без учета потребностей, оценок и мнений общества ведет к разночтениям между реальным и желаемым образом идеального института власти. Эти противоречия во многом связаны с несогласованностью имиджевых параметров института с потребностями гражданских структур, что обусловливает негативное восприятие образа, транслируемого институтом власти.

Основу анализа любого рода политических процессов, в частности специфики формирования репутационных оценок властных институтов, составляют общие категории и подходы. Например, в политологии власть определяют как социальное явление, проявляющееся в возможности и праве одного индивидуума или группы принимать решения, приобретающие обязательный характер для другого индивидуума или группы [Пушкарева 1995: 85]. Политическая власть основана на политическом неравенстве, базисом которого является неравенство политических статусов. Нахождение

на верхних позициях этой иерархии дает право принимать ответственные политические решения.

О способности власти не только принимать, но и навязывать решения говорит Т. Парсонс. Ученый отмечает обязательность исполнения этих решений теми, чьи «статусы подпадают под обстоятельства, предполагаемые такими решениями» [Парсонс 1984: 31].

Вышеперечисленные тезисы дают основание рассматривать взаимодействие власти и общества через призму ярко выраженной социальной обусловленности, при которой управление направлено на подчинение общественных интересов целям правящих структур.

Формула образа власти представляет собой квинтэссенцию и синергию знаний, зрелости, социально-политических опыта и рефлексии. Почти идентичная формула определяет природу понятия «информационное общество», синтезируя результат социальных информации и знаний. Такая прагматичность и парадигматичность ставит во главу угла понятия «образ власти» интеллектуальный фактор, который априори препятствует «искажению социально-политической реальности и манипуляции человеческим сознанием и поведением» [Зуева 2013: 15].

В общественном сознании происходит коннотативная (положительная / нейтральная / негативная) персонификация образа власти, которая ассоциируется, по мнению В.И. Кибальника, «с конкретными парламентариями или лицами, чьи имена широко представлены в сообщениях СМИ» [Кибальник 1999: 4].

Согласимся с мнением Т.М. Зуевой, полагающей, что «образ власти в общественном сознании выступает продуктом социально-политического конструирования, детерминированного особенностями политической культуры общества» [Зуева 2013: 15]. Ученый полагает, что конституация образа власти происходит в рамках пяти аспектов под воздействием:

а) «методов идеологической пропаганды;

б) социально-политических реалий;

в) политических технологий (реклама, пиар, манипуляции и пр.);

г) средств массовой коммуникации;

д) научных исследований, направленных на ‘обоснование тех или иных идеологических, политических, государственных или национальных идей и ценностей’» [Зуева 2013: 16].

Такие причинно-следственные штрихи и грани образа власти выводят на передний план общественно-политические устои, специфику менталитета и традиций, социальных практик и пр. Следовательно, образ власти – это одновременно и конструкт, и отражение, и порождение политической культуры социума во всем многообразии или однообразии поведенческих паттернов, общепринятых правил и шкалы оценок.

Специфика конструирования образа власти пересекаются и перекликаются с его полифункциональным содержанием и неизменно циркулирующими в нем социальным, политическим, психологическим, ментальным аспектами. Не менее значимым является амбивалентность образа власти, которая заключается в спонтанности и целенаправленности, то есть в национальном архетипе власти, который констуируется через социальную культуру и практику, основу которой составляют специфические маркетинговые, политические, ипсихологические, коммуникативные, информационные, электоральные технологии.

Учитывая этот фактор двойственной природы образа власти Д.М. Дурдин, отказывается воспринимать образ как нечто рациональное, для него образ – нечто нелогичное (а порой – алогичное), агломерация «представлений, оценок, ассоциаций, ощущений, которые обволакивают (словно пеленой или аурой) все предметы сознания через отпечаток субъективизма в восприятии действительности» [Дурдин 2000: 145].

Образ власти может получить дуальное формирование:

– непосредственное – за счет наблюдаемых и регистрируемых в сознании результатов деятельности государственного / общественного деятеля и представляемого им органа власти;

– опосредованно – за счет политической рекламы, СМИ, пиар- и интернет-технологий.

Подчеркнем, что второй способ – опосредованный – более актуален ввиду широты и одновременности охвата. Ведь массмедиа тиражируют событийную политическую реальность в контексте отдельных (экономических, социальных, просветительских и др.) шкал, интерпретируют и «смыслооформяют» факты, дают возможность активной части населения, не выказывающей политической индифферентности или достигшей политической зрелости, не просто высказать, но и аргументировать и растиражировать свои позиции, мнения, взгляды.

Здесь же важно заметить, что функциональная роль СМИ в этом процессе не однородна, причем не только ввиду формата – печать, радио, телевидение со своими сущностными характеристиками, хотя следует признать, что картина мира печатных СМИ более гармонична. Радио, ТВ и печать кардинально отличаются своей тематической нагрузкой.

Этого мнения придерживаются ряд авторитетных исследователей и теоретиков современной журналистики, такие как Т.Ю. Давыдова, И.М. Дзялошинский, В.Д. Попов и другие, которые выделяют высокий уровень эмоциональной и поведенческой проекции аудиовизуальных СМИ и глубокую когнитивную составляющую печатных изданий. Такая разница определяет специфику трансляции и целевую аудиторию телевидения и печатной прессы, прессы общего содержания и информационно-аналитических изданий.

Л.А. Андреева, Э. Гидденс отмечают, что воздействие телевидение проявляется через эмоции, снижает способность к критическому анализу, за счет «доступа» к подсознанию телеканалы формируют образы, что делает телевидение главным источником политического контента [Зуева 2013: 16].

Это дает основание предположить, что аудиовизуальные СМИ способны создавать клишированные образы на основе стереотипов – мощнейшего средства воздействия на массовое сознание. Соответственно, стереотипизация образа власти находится в компетенции масс-медиа.

Стереотипизации как уникальному феномену в формировании образа власти посвящены работы, выполненные в междисциплинарном срезе и объединившие в себе теоретико-прикладные аспекты психологии и социологии СМИ, связей с общественностью и рекламы. Особое место заняли разработки по вопросам процессов восприятия информации и социально-психологических стереотипов под авторством К.С. Гаджиева, П.Н. Шихирева, В.С. Агеева, Г.М. Кондратенко, И.С. Кона, А.А. Бодалева, Ю.Л. Шерковина, В.А. Ядова, К.А. Зака, И.Л. Викентьева, Т. Шибутани, Г. Оллпорта, Г. Тэджфела, У. Квастгофа, У. Липпмана, Р. О'Хара.

Важно понимать, что любой механизм воздействия на аудиторию в контексте продвижения имиджа власти основан на политических коммуникативных технологиях, которые, в свою очередь, как отмечает О.А. Бударина, базируются на «прямой и обратной связи между властью и обществом. Именно эта связь подразумевает взаимное влияние, постоянный диалог и сотрудничество» [Бударина 2002: 2].

Нельзя не отметить очевидную семантическую разницу между терминами «образ власти» и «имидж власти», хотя в отдельных контекстах их можно и следует рассматривать в синонимичном единстве. В рамках настоящего исследования имидж выступает связующим звеном между субъектом власти и гражданами, отражая, совмещая и соблюдая интересы обеих сторон. А образ власти связан с ожиданиями аудитории и продвижением этого самого имиджа, возможно, в откорректированной форме.

Беспрецедентное развитие информационной среды положительно сказалось на потенциале медиаресурсов власти в плане его активного наращивания. Виртуализация политической реальности и ее трансформация в символический образ-конструкт увеличила степень медиатизированности политики. Виртуальная картина политической реальности есть политическая медиа-реальность, которая своим символическим полем влияет на политическое сознание граждан. Аудиторию гораздо сильнее привлекает медийная картинка политики, чем реальные институты власти и практическая

деятельность политиков, их конкретные действия – погружение в медиа-реальность гораздо предпочтительней.

Медиатизацию политики Л.Л. Реснянская воспринимает, как стирание границ между политической сферой и медиапространством приводит к миграции политических смыслов и символов из реальности в «виртуально-медийный» контекст. [Реснянская 2001: 91].

Будучи основным источником информации о политике, масс-медиа посредством интерпретаций, комментариев и аналитики формируют образ событийной структуры политической реальности. Медийный дискурс, по мнению О.Ф. Русаковой, выполняет шесть идеологических операций:

- «оценочную фильтрацию фактов политической жизни в соответствии с моделью информационно-политических предпочтений;
- иерархическое структурирование отобранной информации по шкалам актуальности, социальной значимости и психологического эффекта;
- создание убедительной виртуальной картинки посредством дизайнирования политической медиа-реальности: смысловые акценты, визуальные и звуковые эффекты и пр.;
- медийное культивирование политических мифов;
- аналитическое комментирование и организация общественного обсуждения политических событий в информационном пространстве;
- продвижение созданного медиапродукта среди других идеологических дискурсов» [Русакова 2006: 33].

К группе медийных конструктов, создающих виртуальную политическую реальность и формирующих образ власти, относятся события, новости и имиджи политических субъектов и институтов. В политические коммуникации активно внедряются символические фигуры и мифологические образы, созданные кинематографом, телевидением, рекламой, Интернетом. Благодаря паралингвистическим средствам виртуальные образы, сконструированные СМИ, могут быть восприняты в качестве объективной действительности. Такой тип сознания как разновидность синкретического

взгляда на мир не позволяет дифференцировать виртуальный образ от реального.

Для понимания механизма данного процесса необходимо раскрыть понятие «медиаобраз». Изучению образов власти, а также взаимодействию государственных органов власти со средствами массовой информации посвящены работы Е.Б. Шестопал, Г.В. Пушкаревой, Н.А. Денисовой, М.А. Романовой, С.И. Окс, О.Ф. Русаковой, Е.Н. Богдан, А.Н. Всеволодовой, А.Г. Турантаевой, А.И. Егоровой и др.

Т.В. Коноплева воспринимает медийный образ власти как «отражение реальных характеристик объекта восприятия и проекцию ожиданий субъекта восприятия (граждан)». [Коноплева 2014: 154].

С.И. Окс выделяет структурные элементы образа государственного органа власти:

- «образ руководителя ведомства;
- образ служащих;
- социальный образа ведомства (представления различных социальных групп о политической, экономической, социальной и культурной роли ведомства);
- имидж государственных услуг, предоставляемых гражданам;
- внешняя атрибутика (символика, знаки отличия);
- история ведомства» [Окс 2011: 49].

Медийный образ может рактоваться бинарно:

1) «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, с опорой на информацию, полученную по теле-, радио каналам, из печатной прессы и Интернета» [Богдан 2007: 124];

2) «особый образ реальности, созданный медиаиндустрией и ею же предъявляемый массовой аудитории» [Галинская 2013].

О.Ф. Русакова трактует медиаобраз более емко, уточняя два базовых структурных элемента – «а) фрагменты реальности, б) авторское сознание как

отражение объективной и субъективной действительности» [Русакова 2010: 278].

Отдельным пунктом исследователь выделяет две его характеристики:

– «медийная модель объективного бытия, запечатленная в информационных носителях и общественном сознании;

– структурный визуально-эмоциональный компонент виртуальной реальности» [Русакова 2010: 278].

В узком значении «медиаобраз» представляет собой фрагменты реальности, описанные в текстах только профессиональных журналистов, отражающих их мировоззрение, ценностные ориентации, политические приоритеты, а также психологические качества. В широком смысле «медиаобраз» – это образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиапространстве (профессиональными журналистами, блоггерами, интернет-пользователями и т.д.). Причем если в узком значении медиаобраз формируется в процессе направленного конструирования фрагментов эмпирической реальности в символический образ-конструкт, то в широком – медиаобраз, по мнению Т.Н. Галинской, «предполагает спонтанное и хаотичное созидание реальности в рамках двустороннего процесса интернет-общения между продуцентом медиатекста и его реципиентами» [Галинская 2010: 91].

Особый интерес представляет медийный образ власти в интерпретации Г.В. Пушкаревой: «Восприятие политических событий требует определенных когнитивных усилий, благодаря которым человек может делить информационный поток на синтагмы, распознавая и интерпретируя ‘те самые’ сообщения» [Пушкарева 2004: 95].

Логично, что СМИ играют важную роль «в формировании информационного поля, из которого черпается информация как лицами, принимающими политические решения, так и рядовыми гражданами, вырабатывающими на основе этой информации свое отношение к проводимому политическому курсу» [Пушкарева 2009: 128]. При этом образ

действительности, «будучи каждодневно обновляемым, благодаря массмедиа становится фиксируемым, «запечатленным образом», упорядоченным в информационных картинах дня, недели, месяца, года, десятилетия» [Соколова 2012: 155].

А.Л. Коданина и О.Н. Савинова изучали медийный образ органов власти и пытались определить реальную долю участия СМИ в этом процессе. Так, А.Л. Коданина ставит во главе угла взаимодействие пресс-служб и отделов по связям с общественностью с региональными СМИ [Коданина 2010: 258], а О.Н. Савинова указывает на виртуализацию окружающего мира и наличие определенного «отпечатка» СМИ на образе действительности при формировании последними «информационной повестки» [Савинова 2007: 26].

Принято считать, что медийный образ является результатом познавательной деятельности журналистов, воплощающим ментальную переработку информации о социальной действительности и её презентацию в журналистских текстах. На созданный журналистом медиаобраз влияет политическая культура и убеждения самого журналиста. Познание и описание социума осуществляется не только рационально-понятийными средствами, но и через создание ментальных проекций действительности. В этой связи вполне очевидной представляется разница между медийными и художественным образами, так как в инструментарии журналистики преобладает опора на факты при изложении результатов познания социальной действительности. Соответственно, уникальная способность СМИ синхронно охватывать массово рассредоточенную аудиторию и одновременно на нее воздействовать определяет механизмы конструирования и распространения медиаобразов в общественном сознании [Шевцов 2011: 17].

А.Г. Турантаева и А.И. Егорова выделяют факторы создания медийного образа власти в гражданском обществе: «а) объектные компоненты, характеризующие саму власть, б) коммуникативные, основанные на смысловых, оценочных интерпретациях объекта восприятия, в) ситуативные, г) субъективные компоненты» [Турантаева 2007: 45].

В ходе конструирования образа, как правило, используется главный коммуникационный ресурс власти – технологии информационного манипулирования, к которым О.Ф. Русакова относит шесть приемов информационного и символического давления:

«1) массированное тиражирование одной и той же версии события;

2) прием «спирали молчания»;

3) блокирование нежелательной информации и оценочных суждений, не соответствующих заданному образу,

4) прием неадекватной визуализации события (на текст накладывается «картинка», взятая из иной событийной области);

5) включение в интерпретационное поле текущего события неадекватных аналогий из прошлого;

6) эксплуатация стереотипов негативного восприятия мишени информационной атаки» [Русакова 2010: 35].

Эффект подлинной реальности, достигаемый посредством визуальной эмоциональности, наделяет медиаобразы потенциалом управлять общественным сознанием, которому свойственно скептичное восприятие письменной и устной речи. В отличие от литературных текстов или аналитических материалов, медиаобразы не требуют глубоких интеллектуальных, критических размышлений, что на порядок облегчает процесс ментального поглощения медиаобразов, координирует видение политических реалий и обратной коммуникации в ходе их трансляции. Центральным каналом создания медиаобразов являются государственные СМИ и медиасубъекты, которые функционируют в рамках концепций информационной политики страны.

Удачно сконструированные медиаобразы власти, трансформируясь в стереотипы, способны самостоятельно функционировать в обществе уже без журналистского вмешательства и оказывать манипуляционное воздействие на аудиторию на сознательном и подсознательном уровне. В результате медиаобраз, из символического образа-конструкта постепенно превращаясь в

производительную силу, обнаруживает мощное влияние на политические, экономические, социокультурные процессы в стране.

Под манипуляцией мы вслед за В.М. Масловой понимаем процесс навязывания взглядов, мнений, способов действий, которые адресант может считать заведомо ложными, но выгодными для себя [Маслова 2008: 45.].

С.Г. Кара-Мурза характеризует манипуляцию как системное воздействие на на массовое сознание через программирование эмоциональных состояний, мнений, настроений, ценностных ориентиров для обеспечение предсказуемого группового поведения [Кара-Мурза 2000: 16].

Для Е.Л. Доценко манипуляция – это «искусное применение скрытых механизмов влияния для создания ложных поведенческих императивов, не совпадающих с его актуально существующими желаниями, но с сохранением видимости автономии сознания [Доценко 2000: 59].

В обозначенном векторе традиционные для эмпирической плоскости природные, исторические, социально значимые символы как основополагающие для человеческого/гражданского сознания начинают размываться и/или стираться, что в конечном счете приводит к потере устоявшихся ориентиров. Именно в этот промежуток фрустрации новые символы, интегрируясь и синтезируясь, заполняют образовавшиеся лакуны, а бесконечное множество полученных вариаций этих символов создает впечатление нерегистрируемости и ненаблюдаемости, то есть виртуальности, хотя это впечатление иллюзорно, и все символы уже сложились в образ, пусть хаотичный, нечеткий, обтекаемый, неконкретный, но образ. Такая нерегистрируемая символика и создаваемые ею невнятные образы сформировали «хаотическое состояние души и потерянность ума» [Лиотар 1998: 11] – то самое состояние, которым характеризуется последняя четверть XX столетия.

Конструирование медиаобраза представительной власти в условиях Таджикистана зависит от многих субъективных и объективных факторов. С одной стороны, Маджлиси Оли – это одна из форм массового сознания,

сформированная посредством технологий информационного манипулирования. Здесь медиаобраз Парламента Таджикистана перекликается с общественным мнением, которое Е.Н. Богдан определяет как «своеобразный способ существования и проявления массового сознания, отражающего духовное или духовно-практическое отношение народного большинства к актуальным для него фактам, событиям, явлениям и процессам действительности» [Богдан 2007: 124-125].

Следовательно, медийный образ Маджлиси Оли – один из магистральных компонентов образа государства, созданный отечественными информационными акторами и отражающий особенности политической жизни страны в медиапространстве республики.

Традиционно СМИ объективирует продукты духовной и практической деятельности и выступает главным звеном в процессе создания медиаобразов самой республики и ее представительной власти. Однако в настоящее время, когда в информационном пространстве страны стираются социальные, временные и пространственные границы, препятствующие развитию коммуникации во внешней действительности, в конструировании медийного образа отчетливо усматривается пул средств его целенаправленного создания. К этой группе можно отнести:

- информационную политику;
- манипуляцию общественным сознанием;
- политические пропаганду, маркетинг и пиар;
- политические и избирательные коммуникативные технологии и т.п.

При этом социальные традиционные структуры теряют четкость контуров, растворяются в цифровой среде, уступают место новой когнитивной реальности, формируя медиатизированную матрицу коллективного сознания, или концептуальную вселенную медиареальности [Белоусов 2011: 109].

Медиаобраз Парламента Таджикистана следует обозначить как создаваемое СМИ суммарное представление о представительной власти. Это

представление выступает в качестве этапа формирования в общественном сознании целостного образа Маджлиси Оли, который создается усилиями разных субъектов духовного творчества. Вместе с тем медиаобраз является частью целостного образа, документированного в виде текстовых или аудиовизуальных сообщений СМИ, а потому обладающего автономностью и поддающегося исследованию.

Остановимся подробнее на том, как конструируется медиаобраз Национального парламента, если брать за основу определение Е.Б. Шестопала. «Политический образ имеет дуалистическую природу – объективно-информационный и субъективно-проекционный; первый отражает реальные качества политика, второй – выражает запросы избирателей [Шестопал 2008: 231]. Априорным лейтмотивом медиаобраза остаются личностное (индивидуальное) восприятие, а также идеи и ожидания аудитории. Нельзя не учесть и мнение О.В. Корженевой, которая придает опорное значение тому, что «медиаобразы возникают, когда политическая коммуникация опосредована СМИ» [Корженева 2013: 220].

По справедливому замечанию М.А. Дубовера, современные медиа трансформируют механизмы мышления таким образом, что люди в индивидуальных размышлениях и коллективных дискурсах используют когнитивные схемы и информационные паттерны, заимствованные из медиа-пространства [Дубовер 2014: 26].

Реверсное влияние проявляется в специфике канала, по которому информация об органе власти и оценке его деятельности поступает к аудитории. Каналы трансляции медиаобразов представительной власти условно можно разделить на три типа: а) визуальные, б) слуховые и в) смешанные.

К визуальным средствам создания образов и стереотипов относятся, в первую очередь, печатные СМИ, при чем как государственные, так и частные, которые выпускают в многомиллионные тиражи нарративы парламентариев – ситуативно-обусловленные высказывания различной протяженности (от

восклицания до развернутого информативного), стенограммы пресс-конференций, заседаний, научные и публицистические статьи теоретиков, аналитиков и политологов для обоснования деятельности парламента в общем и отдельных решений в частности.

Для манипуляции политическим сознанием масс печать при создании образов представительной власти пользуется особым инструментарием, который постоянно «возвращает» к себе аудиторию. Парадоксально, но этот возврат всегда сознателен – аудитория намеренно обращается к конкретному изданию, чтобы восстановить/освежить в памяти то, что однажды было прочитано/увидено, – так медиаобраз закрепляется и тиражируется.

Прием перемежения текста, нацеленного на создание образа, рекламой и разного рода иллюстрациями «отводит» читателя или не позволяет допустить мысль о навязчивом характере предоставляемой информации. Своя миссия по созданию образов и у заголовков. Латентным статусом лозунгов обладает практически каждый заголовок, который иногда даже может идти вразрез с содержанием самого материала. Однако, «будучи яркими и лаконичными, они (заголовки) хорошо запоминаются и надолго удерживаются в сознании» [Егорова-Гантман 2002: 188].

Слуховые средства. Аудиосредства создания образов представлены прежде всего радиовещанием. Уникальность этого канала связи заключается в относительной легкости и быстроте доведения необходимой информации до аудитории. В сравнении с печатным изданием, которое должно быть издано и разослано, или телепрограммой, которая должна быть снята, смонтирована и показана, радио имеет массу преимуществ, в частности в вопросе создания образов, хотя присутствует один существенный недостаток.

Населению не свойственно слушать радио с какой-то определенной целью, традиционно оно выступает звуковым фоном при выполнении повседневных, рутинных задач. Как следствие, внедряемые образы не попадают в зону повышенного внимания и не запоминаются в целевой проекции. Хотя, если провести бытовую аналогию, то сознание можно

сравнить с чайным ситечком: большие чаинки застревают в нем; так и с радиовещанием – наиболее яркие акценты сознание все-таки удерживает, и постепенно образ закрепляется. Это подтверждают и психологические исследования: «Даже при самом невнимательном прослушивании определенная часть информации запоминается и удерживается в сознании» [Егорова-Гантман 2002:190].

Смешанные средства создания образов и стереотипов отличает параллельная «атака» слуховой и зрительной систем восприятия. Телевидение, бесспорно, составляет основу манипулятивного арсенала и имеет ряд преимущественных характеристик перед прессой и радио.

Надо отметить, что на сегодняшний день разговор о создании парламентского телевидения в республике находится в зачаточном состоянии, главным образом по причинам, которые озвучивает И.В. Богач:

1. «законодательное обоснование (законность, характер и объем вещания, права и обязанности производящего центра, уместность телевещательных заседаний и пр.);
2. распространение (разработка механизма предоставления готового продукта вещания, права и обязанности распространителя передач и др.);
3. финансирование (собственные производственные возможности представительного органа или средства государственного бюджета);
4. собственно производство (редакционная политика и контроль, технические вопросы и др.);
5. содержание и контроль готового продукта (цензура, редактирование, подготовка материала к эфиру) [Богач 2000;52-53].

Важно отметить, что в перспективе данный вопрос может выведен в актуальную повестку, поскольку парламентское телевидение может стать действенным инструментом повышения имиджевых оценок деятельности представительного органа со стороны широкой общественности.

Возвращаясь к нынешнему состоянию телевидения в контексте реализации парламентского дискурса, следует отметить, что современной телепередаче свойственно подавать событие в несколько искаженном, утрированном виде, так как камера концентрируется на самых ярких и важных деталях. Е.В. Егорова-Гантман утверждает, что телепрограммы обладают большими влиятельностными характеристиками, поскольку «они они искусно комбинируют аудиовизуальные средства выразительности для создания заранее спроектированных образов, которые проходят согласование с текущей политической линией вещателя и отвечают интересам владельца медиаресурса. Телерепортажи с места событий, имеющие целью создание определенных образов, всегда соответствуют главной политической стратегии телеканала, его владельцев и зрителей в данный исторический период» [Егорова-Гантман 2002].

Публикации с упоминанием парламента страны и его представителей, инициированы как самими СМИ, так и Центром Информационной службы Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Пресс-служба как посредника в диалоге между парламентом и СМИ стремится к конструированию позитивного образа представительной власти. Это стремление унифицирует информационные стратегии по сохранению и продвижению положительного политического имиджа власти и ее репутационных оценок. Эти тактики предполагают широкое освещение работы Маджлиси Оли по многим направлениям и аспектам деятельности партийных фракций, в частности по совершенствованию законодательной базы, решению социально-бытовых вопросов. Примером могут служить следующие материалы, опубликованные в «Азии-плюс»*: «Сенаторы Таджикистана сегодня рассмотрят около 50 законов» (3.03.2016); «Шукурджон Зухуров отбыл в Рашт с разъяснениями» (19.02.2016); «Верхняя палата утвердит новые названия таджикских районов и городов» (15.02.2016); «Таджикские депутаты проведут встречи со своими избирателями по поправкам в Конституцию» (15.02.2016); «Обнародован*

текст поправок в Конституцию Таджикистана» (11.02.2016); «Парламент Таджикистана ратифицирует шесть соглашений по проекту CASA-1000» (25.12.2015); «Верхняя палата дала «добро» на выход военнослужащих на пенсию после 25 лет службы»; «Парламент Таджикистана рассмотрит вопрос об учреждении поста Омбудсмена по правам ребенка» (16.12.2015); «Шабдолов: Власти должны также контролировать финансирование правящей НДПТ» (15.06.2015).

Благодаря такой информационной политике в массовом сознании граждан страны развивается этатизм – идеология, абсолютизирующая роль государства в обществе и предполагающая широкое и активное государственное вмешательство в экономическую и социальную жизнь общества, которая в определенной степени влияет на процесс формирования позитивного образа представительной власти в стране.

Контент-анализ текстов отечественных СМИ показал, что практически всем источникам информации, действующим на современном медийном рынке Таджикистана, свойственна манипулятивная стратегия воздействия на общественное сознание, основанная на широком использовании приемов и средств, позволяющих, выражаясь словами Н.Н. Трефиловой, «переключать внимание аудитории с события на код (язык), вследствие чего происходит искажение информационного фокуса, реальное событие становится поводом для его описания» [Трефилова 2004: 19].

В число наиболее распространенных приемов воздействия на общественное сознание входит тиражирование исключительно положительного информационного контента, при котором позитивные оценочные реплики ведущих таджикских изданий и телеканалов в адрес Маджлиси Оли способствуют усилению вертикали власти. В этой связи уместно привести высказывание Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона, озвученное им на встрече с журналистами 10 марта 2012 года: «…читая государственные СМИ, приходишь к выводу, что у нас в Таджикистане вообще не существует проблем» [О роли: 2012].

Подобные факторы оказывают положительное влияние на медийный образ представительной власти, но не способствуют повышению уровня политической культуры населения, как должно быть.

В тоже время низкая эффективность механизма взаимодействия, которой характеризуется существующая диалоговая модель между представительной властью и СМИ, не позволяет медиаобразу парламента из символического образа-конструкта перерасти в производительную силу, способную оказать мощное влияние на политические, экономические, социокультурные процессы в стране. Более того, средства массовой информации способствуют виртуализации политической картины, не просто формируя позитивный образ, но и подпитывая уже существующие в общественном сознании стереотипы.

Ценностная идентификация информации происходит в момент, когда информация активирует в сознании реципиента систему укорененных представлений, вызывая либо стабилизацию, либо трансформацию через созвучие с глубинными пластами или социальными архетипами общественного сознания [Зубанова 2008: 9].

Примечательно, что стереотипы, созданные в результате «достоверного и оперативного информирования», являются своего рода «строительным материалом» для конструирования и последующей культивации медийных образов. Например, медиаобраза Маджлиси Оли в массовом сознании таджикистанцев составляют нейтрально-оценочные архетипы «представительная власть», «верхняя/нижняя палата», «законодательный орган», «депутат». Эта нейтральная на первый взгляд лексика «наполняется» новым содержанием и преобразуется в медийный стереотип, тиражируясь на многомиллионную аудиторию.

Как правило под стереотипами (от греческих слов *stereos* – твердый и *typos* – отпечаток) обычно понимается «упрощенное представление о мире, явлениях действительности, общественных проблемах» [Лозовский 2004: 78]. Современная пресса, с одной стороны, создает стереотипы в общественном

мнении и массовом сознании, с другой – «сами журналисты пользуются стереотипами в отборе и интерпретации событий для представления в СМИ» [Ажгихина 2000: 265].

Медийный стереотип – это «схематичное, усредненное, привычное, стабильное представление о социально-политических процессах / событиях, идеях, людях, доминирующее в медиатекстах, рассчитанное на массовую аудиторию» [Федоров 2006: 25]. Стереотипное восприятие Парламента Таджикистана формирует вполне стройный, четкий, понятный медийный образ: «сосредоточенные на разработке и принятии постановлений и законодательных актов парламентарии» и «регулярные избирательные кампании».

Надо сказать, что информационное обеспечение выборов является самой политизированной и экспрессивной составляющей избирательного процесса и входит в число важнейших составляющих парламентской журналистики.

Максимально полная, объективная, достоверная и своевременная информация по этому поводу является непременным условием реализации гражданами Республики Таджикистан своих избирательных прав и имеет важное значение для формирования у населения определенных электоральных приоритетов, на которых основывается их осознанный выбор.

Вместе с тем достаточно проявляется и другой элемент медийного образа Маджлиси Оли – парламентская дипломатия. Конституция Республики Таджикистан закрепила за Президентом страны деятельность по реализации «основных направлений внешней политики и представление Таджикистана на мировой арене. Глава государства регулирует дипломатические каналы связи, <...> принимает все внешнеполитические решения» [Саидзода 2012: 107].

Понятие «парламентская дипломатия» в лексиконе таджикских государственных служащих относительно недавно начало приобретать контуры инструментария внешнеполитической деятельности, последние годы стали периодом зрелости, активности и повышением компетенции Парламента Таджикистана в международной деятельности, проводимой по

принципу «открытых дверей»: многостороннему, реалистическому, сбалансированному и практическому подходу, отвечающему национальным интересам.

Парламентская дипломатия Таджикистана находится на пути к институциональной самостоятельности. Больше она представляет альтернативу «классической» дипломатии МИДа, при этом неоспорим факт ее активного деятельностного участия в вопросах успешной интеграции страны в мировое политическое пространство, реализации международно-правовых и политических обязательств государства в контексте межгосударственного взаимодействия.

«Межпарламентские связи, по С. Токпакбаеву, – это закономерное следствие мирового развития; парламентарии – авторы универсальных положений международного права в вопросах выражения воли государства» [Токпакбаев 2013].

А.Е. Кутейников утверждает значимость и заметность роли парламентов в «образовании международных межправительственных организаций» [Кутейников 2009: 125]. Действительно, сегодня парламент обладает огромным и по большей части действенным инструментарием ведения международной политики. Система парламентского мониторинга, межпарламентские конференции, двусторонние и многосторонние межпарламентские связи и участие в других интеграционных объединениях позволяют существенно расширить этот инструментарий.

Парламентская дипломатия как одна из основ внешней политики Таджикистана – это институциональный «продукт» парламентаризма и государственного суверенитета.

Анализ публикаций (в том числе и их заголовков) отечественных СМИ позволил распределить их на 10 тематических блоков, так или иначе связанных с медиаобразом отечественных парламентариев:

1. законотворческая деятельность Маджлиси Оли («*Қонун «Дар бораи уҳдадории ҳарбӣ ва хизмати ҳарбӣ» қабул гардид*» (*Принят закон «О военных*

обязательствах и военной службе») (Садои Мардум. №9 (4271) 23.01.2021), «*Парламент одобрил договор о создании пяти школ с русским языком обучения в Таджикистане*» (Avesta.Tj 15.01.2020), «*На заседании Совета Маджлиси намояндагон обсужден проект Закона «О системе предупреждения и предотвращения правонарушений несовершеннолетних*» (09.12.2019 НИАТ «Ховар»), «*В Совете Маджлиси намояндагон состоялось обсуждение проекта Закона «О государственной защите и поддержке предпринимательства*» (02.12.2019 НИАТ «Ховар»), «*Депутаты Маджлиси намояндагон обсудили проект Закона «О выращивании саженцев*» (11.11.2019 НИАТ «Ховар») и т.п.);

2. общественная деятельность представителей Маджлиси Оли («*Парламентская делегация Таджикистана посетила культурные и исторические места Самарканда*» (09.10.2019 НИАТ «Ховар»), «*Чаро пардохти ғайринақдӣ бояд рушд ёбад?*» («*Почему необходимо развивать безналичные платежи?*») (07.05.2021 АМИТ «Ховар»), «*Вохӯрӣ бо интихобкунандагон*» («*Встреча с избирателями*») (Садои Мардум. №6 (4268). 16.01.2021), «*Мулоқоти вакилони Маҷлиси намояндагон бо интихобкунандагон оғоз гардид*» («*Встреча депутатов Маджлиси намояндагон с избирателями началась*») (Садои Мардум. №34 (4296) 16.03.2021), «*Таҷлили рӯзи модар дар Маҷлиси Олӣ*» («*Празднование Дня матери в Маджлиси Оли*») (Садои мардум. №30-31 (4292-4293) 06.03.2021) и т.п.);

3. освещение сессий Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан («*Дар Шӯрои Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон*» («*В Совете Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан*») (17.05.2017. https://majmilli.tj/дар-шӯрои-маҷлиси-миллии-маҷлиси-олии), «*19 марта состоится двадцать вторая сессия Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан пятого созыва*» (16.03.2020 НИАТ «Ховар»), «*Девятое совместное заседание Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан пятого*

созыва начало свою работу в Душанбе» (26.12.2019 НИАТ «Ховар»), «*Двадцать первая сессия Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан пятого созыва состоится в Душанбе*» и т.п.);

4. выборы депутатов Маджлиси Оли («*Интихобот. аз принсипи ҷомеаи демократӣ то ифодаи иродаи халқ*» («*Выборы. от принципа демократического общества до выражения воли народа*») (Джумхурият. № 42. 26.02.2020), «*Раъйе, ки оянда месозад. дар шаҳри Турсунзода ба интихобот омодаанд*» («*Голос, который строит будущее. в городе Турсунзаде готовы к выборам*») (Джумхурият. № 36. 18.02.2020), «*Председатель города Душанбе Рустами Эмомали избран членом Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан*» (27.03.2020 НИАТ «Ховар»), «*В Бохтаре избрали 5 членов Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан*», «*ТАСС: Правящая партия Таджикистана победила на парламентских выборах*» (03.03.2020 НИАТ «Ховар»), «*Миссия наблюдателей от ШОС признала прошедшие в Таджикистане выборы прозрачными, достоверными и демократичными*» (02.03.2020 НИАТ «Ховар») и т.п.);

5. официальные визиты представителей государственных и общественных органов стран дальнего и ближнего зарубежья, в ходе которых проводились встречи с отечественными парламентариями («*Мулоқоти Маҳмадалӣ Ватанзода бо Христофорос Политис*» («*Встреча Махмадали Ватанзода с Кристофоросом Политисом*») (Садои мардум. №60 (4322) 4.05.2021.), «*Мулоқоти Маҳмадтоир Зокирзода бо Муҳаммад Зоҳир Ағбар*», («*Встреча Махмадтыра Зокирзода с Мухаммедом Зохиром Агбаром*») (Садои мардум. №53 (4315) 22.04.2021), «*Шукурджон Зухуров принял делегацию Европарламента»* (Азия-Плюс 5.11.2015*), «Шукурджон Зухуров принял исполнительного директора АФПНР*» (22.01.2013) (источник: https://toptj.com/news/2013/1/22/shukurdzhon_zukhurov_prinyal_glavu_AKDN_v_rt_po_sluchayu_zaversheniya_ego_missii) , «*Посол Китая посетил парламент Таджикистана*» (28.01.2016) (источник:

https://toptj.com/News/2016/01/28/posol-kitaya-v-tadzhikistane-posetil-tadzhikskiy-parlament) и т.п.);

6. официальные визиты отечественных парламентариев в страны дальнего и ближнего зарубежья, встречи с представителями государственных и общественных органов этих стран («*Ҳамкорӣ бо дафтари САҲА тақвият меёбад*» («*Укрепление сотрудничества с Бюро ОБСЕ*») (Садои мадум. №36-37 (4298-4299) 20.03.2021), «*Таджикские депутаты будут наблюдать за выборами президента Беларуси и парламента Кыргызстана*» (Азия-Плюс. 30.09.2015), «*Шукурджон Зухуров сегодня отбывает в Нью-Йорк*» (Азия-Плюс. 28.08.2015), «*Спикер парламента Казахстана принял парламентариев Таджикистана*» (Азия-Плюс. 27.04.2015), «*Вице-спикер парламента Таджикистана отбыл в Ереван на форум по геноциду*» (Азия-Плюс. 21.04. 2015), «*Депутаты парламента Таджикистана примут участие в работе стамбульской конференции ОИС*» (Азия-Плюс. 19.01.2015), «*Женщины-парламентарии Таджикистана отбыли в Алматы*» (Азия-Плюс. 13.11. 2014) и т.п.);

7. сотрудничество в рамках Межпарламентских Ассамблей («*Делегация парламента Таджикистана примет участие в работе очередной сессии ПА ОБСЕ в Хельсинки*» (Азия-Плюс. 2.07.2015), «*Убайдуллоев призвал европарламентариев изучить состояние демократизации таджикского общества*» (Азия-Плюс. 9.06.2015), «*Таджикская делегация примет участие в мероприятиях МПА СНГ в Санкт-Петербурге*» (Азия-Плюс. 15.04.2015) и т.п.);

8. разработка и принятие совместно с представителями Маджлиси Оли других стран различных законопроектов и международных правовых актов, а также обсуждение перспектив сотрудничества парламентов («*Зухуров и Нарышкин обсудили перспективы сотрудничества парламентов Таджикистана и России*» (Азия-Плюс. 6.10.2015), «*Спикер парламента Таджикистана попросил премьера Кыргызстана увеличить квоту для таджикских кыргызов*» (Азия-Плюс. 9.06.2015), «*В парламенте*

Таджикистана создана группа дружбы и сотрудничества с Великобританией» (Азия-Плюс. 23.10. 2015), «*Таджикский депутат примет участие в подготовке комментария к модельному Налоговому кодексу СНГ*» (Азия-Плюс. 27.11.2014), «*Верхние палаты парламентов Таджикистана и России подписали соглашение о сотрудничестве*» (Азия-Плюс. 21.10.2014));

9. мнения и заявления представителей парламента Таджикистана относительно внутри- и внешнеполитического развития Таджикистана («*Ба масъалаҳои экологӣ бетафовут будан нашояд*» («*Не стоит быть равнодушным к экологическим вопросам*») (Садои мардум. №35 (4297) 18.03.2021), «*Насли худогоҳу созанда тарбия кардан рисолати асосии занон бояд бошад*» («*Воспитание самосознательного и конструктивного поколения должно быть основной миссией женщин*») (Садои марлум. №30-31 (4292-4293) 06.03.2021), «*Ҳадаф ҷалби эҷодкорон ба масоили экологӣ аст*» («*Цель состоит в том, чтобы привлечь креативщиков к экологическим вопросам*») (Садои мардум. №21 (4283) 16.02.2021), «*М. Убайдуллоев: Народ Таджикистана осуждает политику санкций против России*» (Азия-Плюс. 24.10.2014), «*Шабдолов: Народ Греции совершил подвиг, сказав «нет» «еврохищникам*» (Азия-Плюс. 6.07.2015,), «*Шабдолов: Количество наблюдателей показывает возрастающий интерес различных политических сил к РТ*» (Азия-Плюс. 09.02.2015), «*С. Шарипов: Россия пугает и обещает, у Китая другая политика…*» (Азия-Плюс. 18.09.2014) и т.п.);

10. другие новости («*Таджикский депутат награжден российским орденом «Золотая звезда*» (Азия-Плюс. 19.01.2016), «*Шукурджон Зухуров оставил памятный знак под «Деревом мира» в Нью-Йорке*» (Азия-Плюс. 3.09.2015), «*Сенаторы Таджикистана награждены медалями МПА СНГ*» (Азия-Плюс. 29.11.2014), «*Махмадсаид Убайдуллов награжден Почетной грамотой распускаемого ЕврАзЭС*» (Avesta.Tj. 28.11.2014) и т.п.).

Контент-анализ (что можно наблюдать даже по выше представленным заголовкам) материалов отечественных СМИ о деятельности парламентариев показал практическое отсутствие аналитической обработки сведений,

публикации преимущественно носят информационный характер. Приведем в пример несколько публикаций (в сокращенном виде) из представленных тематических групп:

(Тематическая группа 1. Законотворческая деятельность)

«Avesta.Tj | 15.01.2020 | *Председатель Маджлиси намояндагон (нижняя палата парламента) Таджикистана Шукурджон Зухуров* ***выразил свою обеспокоенность по вопросу*** *обеспечения кадрами пяти будущих общеобразовательных учреждений с русским языком обучения.* ***Нижняя палата парламента страны ратифицировала сегодня Соглашение*** *между правительствами Таджикистана и Российской Федерации о <...>.* ***По словам спикера,*** *<...> По этому проекту в столице хоть как-то можно обеспечить школу учителям со знанием русского языка, а в других регионах это уже проблематично», —* ***отметил Зухуров. В свою очередь первый заместитель министра образования и науки РТ Рахматулло Мирбобоев отметил,*** *что* ***Минобразования работает над этим вопросом****. В частности, <...>* ***Соглашение было подписано*** *в апреле прошлого года в Москве».* Источник: https://avesta.tj/2020/01/15/parlament-ratifitsiroval-tadzhiksko-rossijskoe-soglashenie-o-stroitelstve-pyati-shkol-v-tadzhikistane/

Avesta.tj. - Все права защищены.

(Тематическая группа 5. Официальные визиты)

«TopTJ.com ***Посол Китая в Таджикистане посетил таджикский парламент***

Спикер нижней палаты парламента Таджикистана ***Шукурджон Зухуров сегодня, 28 января, принял Чрезвычайного и Полномочного посла*** *Китая в Таджикистане Юе Биня.* ***Как сообщил «АП» пресс-секретар****ь Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Таджикистана Мухаммадато Султонов,* ***в ходе встречи стороны обратили особое внимание на вопросы*** *наращивания парламентских связей двух государств.* ***Стороны были едины в том,*** *что лидерами Китая и Таджикистана налажено <...>.* ***На встрече стороны высказались о ходе*** *выполнения ранее подписанных между двумя*

*государствами соглашений <...>. **Посол Китая передал своему собеседнику добрые пожелания** <...>» (источник: https://toptj.com/News/2016/01/28/posol-kitaya-v-tadzhikistane-posetil-tadzhikskiy-parlament)*

(Тематическая группа 10. Другие новости)

«В мире - 28 ноября «TJinform.com». *Вчера в Санкт-Петербурге **прошло заседание Бюро** Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества, в котором **принял участие председатель верхней палаты парламента** Таджикистана Махмадсаид Убайдуллоев. **Об этом сообщила пресс-служба** Маджлиси милли Маджлиси Оли Таджикистана. **Следует отметить, что прошедшее заседание стало последним** за 14 лет <...>. Спикер верхней палаты парламента Таджикистана Махмадсаид Убайдуллоев был ее председателем с 2007 по 2009 годы, и **был награжден почетной грамотой** за <...>. **Выступая на заседании Бюро** МПА ЕврАзЭС, глава верхней палаты парламента Таджикистана поблагодарил парламентариев стран-членов сообщества <...>. Махмадсаид Убайдуллоев также **принял участие в работе** заседания Парламентской ассамблеи <...>* (источник: *https://tjinform.com/ru/news/20141128/11695.html)*».

Выделенные фрагменты текстов из сплошной выборки материалов показывают, что сама концепция и стиль изложения материала предполагает протокольную констатацию фактов и полное отсутствие аналитического обзора содержания. В определенной степени это можно считать достаточным для создания медиаобраза, однако полноценная презентация все-таки тяготеет к критическому осмыслению новости со стороны парламентского журналиста перед ее публикацией.

Конструирование медиаобразов в СМИ проявляется в типичной риторике. Применяются шаблонные характеристики и заголовки, например: «*Депутаты парламента Таджикистана примут участие в работе МПА СНГ*» или «*Шукурджон Зухуров принял делегацию Европарламента*».

Публичные выступления многих представителей депутатского корпуса направлены на создание позитивного образа отечественного парламента на

международной арене. Такой вывод следует из того, что такие характеристики дискурса, как стереотипность и типичность, связаны с тем, что основу этого дискурса составляют вопросы международной и экономической политики, право- и законотворчества и интеграционной динамики.

Контент-анализ отечественного медиадискурса показал явное преобладание материалов, нацеленных на привлечение политкультурной аудитории, готовой к критической оценке национально-ориентированных стратегий и внешней политики государства. Однако создатели медиадискурса не исключает и тех, кого отличает «пассивное политическое поведение, ориентация на господствующие ценности при слабом их осмыслении» [Реснянская 2003: 5]. При этом в обоих случаях за основу берется факт интенсификации внешнеполитического спектра деятельности Маджлиси Оли.

Говоря о содержании нарративов данной категории, важно указать факт дублирования в них информации, что, в целом, считается нормой для такого рода рубрик, но проблемным аспектом следует считать отсутствие аналитических обзоров и комментариев, которые бы разъясняли суть происходящих событий, где активно представлены отечественные парламентарии.

Невнимание к критической интерпретации деятельности Маджлиси Оли делает образ парламента несколько размытым, нечетким, хотя законотворческая и общественная деятельность Высшего собрания отличается достаточной степенью эффективности и интенсивности, что тяготеет в активному анализу и презентации.

Обозначенный спектр проблем может быть устранен в достаточно короткие сроки при условии, если парламентские журналисты примут во внимание факт кратного сокращения политического «безразличия» гражданского общества, обусловленного «а) вступлением в активную фазу молодого постсоветского поколения; б) творчеством журналистов, почувствовавших вкус политической публицистики; в) развитием

гражданской журналистики со свойственными ей принципами структурной и лексической организации текста» [Хасанова 2022: 342].

Выводы ко второй главе

Резюмируя основные положения второй главы, в которой изучались исторические, правовые, типологически основы парламентской журналистики, приходим к следующим выводам:

1. В заявленных хронологических рамках одним из основных элементов трансформации общественно-политических отношений и процесса преобразования республики в правовое, демократическое государство стало утверждение двух главных опор народовластия – института парламентаризма и современных средств массовой информации.

2. Отношения Маджлиси Оли и СМИ в периоды гражданского противостояния и миростроительства развивались в системе различных координат. Если для представительной власти вначале 90-х гг. в условиях размежевания и раскола нации было характерно стремление к достижению общественно-политической стабильности, то средства массовой информации демонстрировали многовекторность и разобщенность в выборе политической ориентации.

3. Процесс либерализации прессы, ее трансформация в самостоятельный общественно-политический институт, безусловно, сделали печатные и электронные издания трибунами волеизъявления народа, однако социум был расколот противоречиями религиозно-нравственного, культурного и политического характера, которые находили свое отражение во многих СМИ. Такой наплыв разнородных материалов превратил медийное пространство Таджикистана в обширную арену информационно-политического противостояния. В подобных условиях диалог власти и прессы мог носить лишь форму конфронтации и взаимных упреков. Конструктивное сотрудничество между ними стало возможным только после преодоления

внутринациональных разногласий и создания благоприятного общественного климата.

4. Инновационные информационно-коммуникативные технологии и совершенствование механизмов взаимодействия представительной власти и СМИ создали условия для открытого диалога отечественных парламентариев и журналистов.

5. Парламентская журналистика в Республике Таджикистан – это относительно новое для отечественной журналистики направление с набором функций, методов и требований по созданию медиаобраза представительного органа. Формально отделенная от профессиональной деятельности депутатского корпуса парламентская журналистика является неотъемлемой частью парламентского процесса и связанных с ним организационных отношений.

6. В узком смысле парламентская журналистика – это специализированная структура журналистики, учредителем которой является парламент. В рамках этой структуры в республике функционирует парламентская газета «Садои мардум», хотя в целом отечественная парламентская журналистика представлена анфиладой печатных СМИ, радио, телевидением, информационными агентствами, которые освещают деятельность представительного органа власти.

7. Взаимодействие СМИ и Маджлиси Оли не всегда соответствует статусу партнерских. Механизмы конструктивной реализации этих отношений оказываются под негативным воздействием целого ряда факторов, к которым можно отнести некоторую «разобщенность» внутри «четвертой власти» (несовпадение позиций государственных СМИ и медиа, продвигающих свою целевые установки) и нежеланием/неготовностью парламентариев к активному сотрудничеству со СМИ. В результате парламентские корреспонденты ограничиваются написанием коротких заметок, в основу которых положены авторские интерпретации законов и

законопроектов, а глубокие аналитические статьи остаются вне арсенала отечественных парламентских журналистов.

8. Отечественные СМИ не в полной мере реализуют свой потенциал в вопросе развития образа Маджлиси Оли, в частности в контексте реализации политических, экономических, государственно-правовых и социальных целей. Медийный образ парламента республики транслируется в русле внутригосударственной законотворческой деятельности, что ведет к стереотипному его восприятию, которое в массовом сознании объективируется через понятия «верхняя/нижняя палата», «представительная власть», «законодательный орган» и через призму нейтрально-оценочной презентации политических типажей «депутаты» и «парламентарий».

ГЛАВА III. ЖАНРОВЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СМИ В УСЛОВИЯХ ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ФОРМАТОВ ИНФОРМИРОВАНИЯ И КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (на примере Парламента Таджикистана)

3.1. Структурная прагматика новостного медиаконтента парламентской журналистики

Тексты, ядровым компонентом которых становится новость, продолжают привлекать внимание ученых, занимающихся трансдисциплинарными исследованиями в русле филологических наук. Этот интерес вполне закономерен, поскольку развитие электронных СМИ, поиск новых форм создания и передачи новостей, многопараметральная визуализация информации, свойственная уже не только аудиовизуальным СМИ, но и печатным, – все это оказывает существенное влияние на структуру новостного медиаконтента, который в настоящее время претерпевает изменения, «приспосабливаясь» к условиям новой коммуникативной среды.

В связи актуальной исследовательской задачей выступает системное изучение парламентского медиадискурса через призму структурной организации материалов, типологических характеристик и лингвостилистических особенностей. Сегодня медиа пространство – это активнейшая зона циркуляции информации о парламентской повестке и рельефно демонстрирующая актуальные тенденции официального новостного дискурса.

В пространстве массовых коммуникаций дискурс справедливо причисляется к группе ключевых понятий. В широком смысле дискурс – «это сложное единство действия, языковой формы и значения, попадающее под понятия ‘коммуникативное событие’ или ‘коммуникативный акт’» [Ван Дейк 1989:121].

Исследователь А.В. Олянич выделяет 24 типов дискурса (деловой; религиозный (теологический); юридический (правовой); бытовой альковно-интимный; военный; педагогический; научный; глюттонический, воровской; информационный или массово-информационный; фикциональный (сказочный, фантастический); компьютерный; политический; профессиональный; художественный; дискурс этикета; медицинский; ритуальный; инвективный; юмористический; аргументационный (риторический); презентационный; педагогический; историко-культурный). Понятно, что наибольшую ценность в рамках заявленной темы представляет массово-информационный дискурс, который ввиду «всеохватности и многоуровневости передаваемой информации становится массовым и приобретает свои специфические черты» [Олянич 2004: 70-71].

В.Е. Чернявская указывает на двойственность природы дискурса: «а) конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве; б) совокупность тематически соотнесенных текстов» [Чернявская 2001: 14,16].

Н.Д. Арутюнова видит в дискурсе «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий в когнитивных процессах» [Арутюнова 1990: 136-137].

М. Мухтори считает дискурс «ситуативным, психологическим, политическим, социальным анализом текста» [Мухтори 2021: 207].

Майкл Стаббс, выделяя интерактивность и социальность дискурса, определяет его «как единицу языка, превосходящую по объему предложение» [Stubbs 1983: 1].

Патрик Серио обозначает «дискурс», как «речь, воздействие на адресата, беседу, оспаривание услышанного, социально/идеологически ограниченный тип высказываний» [Серио 1999: 26-27].

Согласно мнению Н.И. Формановской, дискурс – «основная единица общения, ‘упакованный’ в форме текста, подобно тому как высказывание ‘упаковано’ в форму предложения» [Формановская 2002: 44].

Политическая и медийная природа дискурса прослеживается в определении О.Ф. Русаковой, которая воспринимает его как «неотъемлемого агента коммуникации, выступающего носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований» [Русакова 2006: 7].

Приведенные дефиниции дают повод констатировать дискурсивный характер деятельности СМИ, что подтверждается мнением Е.С. Кубряковой и Л.В. Цуриковой: «СМИ – это средства разъяснения и популяризации, передачи особым образом обработанной, препарированной и представленной информации особому – массовому адресату с целью воздействия на него. В этом качестве дискурс СМИ отражает определенные структуры знания и оценок мира, ориентирующих адресата на определенное осмысление действительности и, главное, на последующие действия, поведение» [Кубрякова 2008: 184].

Новостной дискурс в русле нашего исследования имеет особую ценность, и в этом вопросе мы придерживаемся позиции Г.В. Бобровской, которая воспринимает его как «динамическое когнитивно-коммуникативное явление, процесс речевой коммуникации в печатных СМИ; коммуникативное событие, среда, в которой «созревает» и создается газетный текст в условиях массовой коммуникации, способствующей обмену социально значимой актуальной информацией» [Бобровская 2011: 21].

Медиатексты – это дискретная единица новостного дискурса, отвечающая за систематизацию информации, то есть за ее упорядочение и структурацию условиях глобализованного общества. Тексты СМИ в качестве приоритетной целеустановки ориентированы на информирование и воздействие, посредством информационно-интерпретационной стратегии,

основанной на разнице между «текстом» и «дискурсом», где новость – это текстовая реализация дискурса.

Дискурсивные и интертекстуальные научные панорамы конструируются через нелинейное понимание специфики журналистского текста как феномена, открытого не только для общества, культуры, но и других текстов.

Журналистский текст в дискурсивной проекции есть, по Ван Дейку, «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [Ван Дейк 1989: 113]. Для новостного дискурса процесс коммуникации трактуется как «результат интерпретации новостных текстов аудиторией, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации» [Ван Дейк 1989: 123]. Поэтому адекватность восприятия новостей определяется соответствующей стратегией структурной дешифровки как отдельных единиц текста, так и коммуникативного акта.

Медиапроцессы входят в зону пристального научного интереса как таджикских исследователей, так и зарубежных. Такое внимание обусловлено динамизмом преобразований медиасреды и междисциплинарным характером вопросов эволюции института СМИ. В последнее время новостной контент как наиболее мобильная сфера журналистской деятельности привлекает экспертов по теории коммуникации и практике журналистской деятельности, а также философов, лингвистов, социологов и других специалистов, раскрывающих узкопрофильные аспекты новостного дискурса.

Так, филолог Т.С. Дроняева говорит о новости в трансдисциплинарном срезе, причисляя ее к объектам, находящимся на стыке «дискурс-анализа, лингвистики текста и стилистики» [Дроняева 2004: 675]. Такой междисциплинарный характер новости поднимает проблему жанровой системы новостных текстов, что вполне закономерно, поскольку новостное

вещание требует типовой дифференциации содержательных и общеформальных характеристик.

Новостной контент, формирующий информационное пространство, представляет собой важную часть парламентской журналистики. При создании материала в любом жанре и для любого сегмента СМИ журналист, как правило, руководствуется текущим состоянием доступной новостной орбиты.

Сегодня активно дискутируется вопрос научной актуализации инновационных подходов к анализу типологической сущности новостных нарративов. В контексте парламентской журналистики новость воспринимается через когнитивно-дискурсивную призму, основанную на концепции Ван Дейка о пересечении, взаимовлиянии, взаимообусловленности лингвистической специфики нарратива и дискурса. Журналистское произведение представляет собой полотно для многопараметрального теоретического осмысления, дающего возможность выявить эвристический потенциал новостного «пропарламентского» текста.

Традиционно «новость» определяется как совокупность сведений в информационном пространстве, распространяемых через специальные технические устройства. Главнейшим параметром новости является их «первичность» – в представлении и восприятии – из категории «неизвестное» в категорию «известное».

Рассмотрим концепт «новость» в рамках новостного дискурса, объективированного общепринятой и журналистской трактовками концепта. В профессиональной среде новость (как текст) является информационным поводом для написания текста и воспроизводится в ссылке на источник: «*Для проведения первого совместного заседания парламентских групп дружбы и сотрудничества Таджикистана и Узбекистана в ближайшее дни в Душанбе приедет представительная делегация парламента соседнего государства, сообщил «Азия-Плюс» источник в парламенте Таджикистана*» [Юлдашев 2020: №37].

На основе этой дефиниции могут быть выделены разные трактовки концепта:

1) недавно полученное сообщение, известие, некое важное событие, передаваемое коммуникантами друг другу: «*Группа международных наблюдателей от Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ на выборах в Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли 1 марта 2020 года сформирована. В соответствии с распоряжением председателя Совета МПА СНГ Валентины Матвиенко координатором группы назначен заместитель спикера Законодательной палаты Олий Мажлиса Узбекистана Улугбек Иноятов,* ***сообщается на сайте МПА***» [Юлдашев 2020: №8.];

2) продукт журналистского труда, произведение с особой формой подачи: «*Сегодня утром в Нур-Султане началось четвертое совещание спикеров парламентов стран Евразии на тему «Большая Евразия: Диалог. Доверие. Партнерство» с участием делегаций 65 стран и 14 международных организаций. Парламентарии Европы и Азии обсудят пути обеспечения безопасного и стабильного развития Евразийского пространства*» [Надиров 2019: № 38].

Сопоставляя концепты «новость» и «информация», А.А. Негрышев их дифференцирует: «Новость – это всегда информация, но информация – это не всегда новость» [Негрышев 2014: 91], при этом выделяет медиановости в особую «подгруппу информационных жанров – ‘новостные (информационно-новостные) жанры’, к которым относятся информация короткой строкой, информационная заметка, репортаж» [Негрышев 2014: 91].

Для Т.В. Шмелевой новость (информационные жанры) – это один из «самых ‘чистых’ жанров, хотя и он содержит оценки и не лишен интенции воздействия» [Шмелева 2014: 53], а по своим влиятельностным параметрам даже превосходит другие медиажанры. Любое новостное сообщение априори содержит воздействующий компонент, органично интегрированный в его структуру и ставший неотъемлемой функциональной составляющей [Негрышев 2014: 6].

Поддержим Т.В. Шмелеву в том, что «новостные тексты малого объема представляют собой медиаречь ‘в чистом виде’, в наименьшей степени отягощенную субъективными интерпретациями, так как в них отсутствует ярко окрашенные экспрессивные средства речевого воздействия на аудиторию ввиду невозможности полноценно выразить авторскую позицию в мини-формате» [Шмелева 2014: 53].

Рассмотрение новости через призму жанров функционального типа позволяет выделить группу традиционных информационно-новостных жанров. Зарубежная теория журналистики, в отличие от российской и таджикской традиции, выступает за наделение новости статусом автономности. Отметим также, что классификации некоторые российских исследователей разработаны в соответствии с идеей о самостоятельном характере новости.

Для Т.Г. Добросклонской важным представляется функционально-стилистическая сущность языка, основу которой составляет грамотное сочетание жанров в корреляции с целями и задачами сообщения / медиатекста: «новости, информационная аналитика, публицистика, реклама и любые тематические материалы, попадающие под семантику термина *features*» [Добросклонская 2008: 56-59].

Выделение новостей в отдельный жанр способствует реализации целого ряда стратегий в части предмета сообщения (информационно-новостную ценные события), функции (акцент на объективную реальность), метода (краткость, оперативность, минимум справочных вкравплений).

При этом ни функции, ни жанр не исключают, а скорее утверждают присутствие в новостном тексте :

– *точность* – важно различать первичные и вторичные источники, проверять информацию на достоверность и корректность предъявляемых фактов, а также лексико-семантическую точность/недвусмысленность;

- *краткость* – сжатые сроки, отказ от художественной манеры нарратива (отсутствие языковых и речевых «излишеств»), лаконичность и емкость;
- *целостность* – логическая организация текста и акцент на существенные детали;
- о*бъективность* – плюралистическое видении проблемы, многогранная интерпретация, социальная значимость, баланс между национальными, региональными и местными интересами, отсутствие выводов и политических обобщений.

Обратимся непосредственно к типологическим характеристикам новостных текстов парламентской журналистики. Типология текста, его параметральность в когниции нарративов продолжают оставаться лакунами, наличие которых М.А. Кронгауз объясняет двумя факторами: «а) невозможностью установить какое-либо исчисление текстов и б) свойствами собственно текста» [Кронгауз 2005: 223].

По утверждению Н.С. Валгиной, абсолютно любой признак текста – «информационный, коммуникативный, структурно-семиотический» – может лечь в основу типологии [Валгина 2004: 113], однако здесь же нельзя исключить возможную интеграцию, или «состыковку» этих признаков, которая может «легально отправить» один и тот же текст сразу в несколько классификационных сегментов. По коммуникации и характеру отражения действительности Н.С. Валгина указывает только два типа текста – художественные и нехудожественные [Валгина 2004: 114].

При разработке классификаций текста в срезе лингвистических и экстралингвистических признаков, как правило, присутствует ссылка на объективность и субъективность. Г.Я. Солганик объединяет тексты по четырем ключевым принципам: «построение (от 1, 2, 3 лица); функции и смысл (проинформировать, доказать, убедить, описать, выявить, проанализировать, сравнить и пр.); передача речи (своей / чужой); число коммуникантов» [Солганик 2006: 23].

М.А. Кронгауз в своей работе ссылается на Э. Верлиха, который указывает квинтет идеальных (как полагает исследователь) типов текста: « аргументативный; поучительный; пояснительный; повествовательный; описательный» [Кронгауз 2005: 223].

Научные, художественные, официально-деловые, публицистические и разговорно-бытовые тексты составляют оптимальную классификацию для М.Н. Кожиной. Принципом разделения исследователь выбрала экстралингвистические факторы:

- «формы общественного сознания,
- функции, условия и сфера общения» [Кожина 1983: 67],
- вид (монолог/диалог/полилог);
- цель общения;
- типовая ситуация коммуникации;
- форма (устная/письменная);
- обстановка (официальная / неофициальная /полуофициальная);
- способ и характер (групповой / массовый / межличностный; непосредственный / опосредованный) речи» [Кожина 1983: 149-151].

С.Г. Сабирова отмечает, что «языковые средства при анализе дискурсивных особенностей в специализированных (например, журналистских. – С.О.) текстах транслируют и сохраняют витальные нормы поведения, имеющие утилитарный характер, а именно: нормы взаимодействия, жизнеобеспечения, контакта, ответственности, контроля, реализма, безопасности, благоразумия» [Сабирова 2024: 223].

В.В. Богуславская дефинирует журналистский текст в трех основных плоскостях, каждая из которых содержит уточняющие или дополняющие смыслы:

«– носитель оперативного знания – цель: передача информации;

– текст как результат взаимодействия триады «журналист – издатель – аудитория»;

– результат целевого / адресного процесса – социальный контент;

– содержание текста – «социокультурные и идеологические установки и/или редакционная политика [Богуславская 2008: 6].

А.П. Короченский журналистский текст воспринимает как цельный и целостный и по форме текстовой / аудийный / аудиовизуальный / мультимедийно-синтетический продукт с особой смысловой нагрузкой [Короченский 2006:15].

Для журналистского нарратива на парламентскую тематику характерен официально-деловой стиль и особые акценты, формирующие объективное мнение у массового читателя, но не оказывающие излишнего эмоционального воздействия на адресата.

Этот тип текста может быть интерпретирован в трех ипостасях: 1) универсальное классическое значение (Б.Я. Мисонжников), 2) разновидность медиатекста, 3) уникальный тип текста. Автономность этого текста составляют системообразующие принципы, цели и функции парламентской журналистики – творческий и рациональный подход к сбору, обработке и периодическому распространению актуальных сведений о парламента.

В то же время парламентская журналистика – это зеркальное отражение политических взглядов всех субъектов парламентского дискурса на международные проблемы. Такая субъектная многогранность требует от журналиста тематической и интонационной корректности в речевом поведении.

Подходы к освещению деятельности представительной власти разнятся, хотя в большинстве своем они «заточены» на формирование сознания посредством утверждения конкретных идеологических установок. Этот принцип создания парламентских нарративов наделяет их особым тематическим посылом, который усиливается благодаря государственному языку как рабочему языку парламентской прессы, не исключаются литературно-художественные вкрапления. Такой полистилизм делает парламентский дискурс менее протокольным, а факты, дополненные

выразительной и оценочной окраской и авторской интерпретацией повышает уровень привлекательности и читабельности материала.

Процессы речетворчества подразумевают не только информирование, но и мастерское воплощение смыслов концептуальную глубину идей, скрупулезный отбор языковых средств, четкую публицистическую направленность, единство содержания и формы. В новостном дискурсе должна прослеживаться авторская проекция. Во-первых, он отличается рамочностью, где «речетворческие процессы не только связаны с представлением и обобщением информации, но и с умением дать ее в такой форме, которая передала бы эти знания в сочетании идей, положенных в основу информации, целесообразных языковых средств и публицистической ориентации» [Ширина 2007: 54].

Во-вторых, в нем должна быть представлена доминантная коммуникативная установка, транслирующая авторский взгляд на содержащиеся в тексте факты, события, суждения. Парламентские журналисты обычно моделируют картину мира в соответствии с идеологией стоящих за ним (журналистом) политических сил.

Нарративы парламентских журналистов отличаются двумя формами авторского повествования – моно- и политекст, в первом – субъектом выступает сам журналист или лицо, выступающее как автор нарратива, ко второй форме относятся диалоги и полилоги. Обе формы в одинаковой степени определяют эффективность коммуникации с аудиторией.

В монотексте активно используются прецизионные единицы (цифры, даты, имена, географические названия, локации и пр.), которые, встраиваясь в общее полотно текста, получают «наслойки» в виде логической аргументации, субъективной модальности и тональности, – все это создает устойчивое впечатление о достоверности предоставляемой информации и компетентности автора материала.

В качестве примера приведем выдержку из материала газеты «Азия-Плюс» о встрече таджикских и узбекских парламентариев.

«*Для проведения первого совместного заседания парламентских групп дружбы и сотрудничества Таджикистана и Узбекистана в ближайшее дни в Душанбе приедет представительная делегация парламента соседнего государства, сообщил ‘Азия-Плюс’ источник в парламенте Таджикистана.*

Такое совместное заседание пройдет впервые в истории двух государств.

Узбекскую делегацию, в которую войдут представители обеих палат парламента этой страны, возглавит вице-спикер законодательной палаты Олий Мажлиса Улугбек Иноятов.

Таджикскую группу дружбы и сотрудничества с парламентом Узбекистана возглавляет вице-спикер Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли республики Дилрабо Мансури.

В Душанбе запланированы встречи парламентской делегации Узбекистана в обеих палатах парламента Таджикистана и в правительстве страны.

Узбекская делегация также посетит промышленные предприятия Республики Таджикистан, ознакомится с историко-культурными достопримечательностями страны» [Юлдашев 2020: № 37].

В представленном фрагменте следует выделить несколько ключевых аспектов: а) фактические данные (стабильное таджикско-узбекское партнерство), б) детали встречи (имена, локации), в) исторические факты (первое мероприятие данного формата в истории таджикско-узбекского взаимодействия).

Для журналистов объективность сродни строгому следованию фактам, которые П.В. Копнин считает «формой человеческого знания, обладающего достоверностью» [Копнин 1973: 126].

В этом контексте вполне закономерен вопрос о степени доверия тем или иным фактическим данным. Журналист Майкл Новак полностью отрицает существование фактов, но констатирует «существование людей,

наблюдающих за ними, которые пытаются быть нейтральными, но становятся еще более субъективными» [Дэннис 1997: 182].

Факт «становится» фактом, если журналист знает а) его источник, б) цели респондентов, сообщивших определенные сведения, в) дифференцирует научный факт от обыденного.

Политекст предполагает передачу/обмен мнениями, осуществляемый субъектами коммуникации относительно одного вопроса. Политекст может носить оценочный характер, плюсовой или минусовой заряд которых определяется политическими убеждениями издания и установками парламентских объединений. В отечественном медиадискурсе тематика и интонация / тональность политекста зависит от искусства аргументации и речевого поведения коммуникантов.

Приведем фрагмент беседы журналиста «Народной газеты» с Председателем Комитета Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан по международным делам, общественным объединениям и информации С.С. Фаттохзода:

– «***Какое значение имеет межпарламентское сотрудничество для Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли?***

– Постоянные изменения содержания и сути межпарламентского сотрудничества являются одним из важных элементов международных процессов, развитием интеграций, реализация которых занимает особое положение в деятельности высшего представительного органа государственной власти Таджикистана – Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли. С данной позиции в течение последних тридцати лет высший представительный орган государственной власти Таджикистана – Верховный Совет, Маджлиси Оли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли приложил огромные усилия с целью организации и применения системы межпарламентского сотрудничества со странами, международными и региональными организациями.

– ***Чем обусловлен процесс расширения межпарламентского сотрудничества?***

– Расширение деятельности парламента Таджикистана на внешних аренах с момента приобретения государственного суверенитета имеет логическую неразрывную связь с изменениями в системе политического управления обществом. Важную роль в формировании нормативно-правовой базы международной деятельности парламента нашей страны сыграла историческая XVI сессия Верховного Совета Республики Таджикистан. Именно за этот непростой исторический период сессией был принят ряд важных нормативных правовых актов с целью укрепления связей Республики Таджикистан с зарубежными странами.

– ***Что представляет собой нормативно-правовая база парламентской дипломатии Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли?***

– Нормативные основы парламентской дипломатии отражены в статьях 55, 57 Конституции Республики Таджикистан, конституционных Законах «О Маджлиси Оли Республики Таджикистан», Регламенте Маджлиси намояндагон, что создало достоверные нормативные правовые основы для их реализации. Задачи парламентской дипломатии Маджлиси намояндагон также открыты и ясно изложены в Концепции внешней политики страны» [Давлатова 2021: № 27].

Представленный выше фрагмент транслирует специфику диалоговой структуры политекста, а логическая очередность и содержание вопросов и ответов позволяют не только объективно отразить действительность, но и дают возможность аудитории объективно ее оценить.

В идеале две формы полилога (реплики разных лиц, а) собранные в конкретной тематической категории, б) представленные в одном контексте) объединяют подходы к популяризации определенных смыслов / идей / концепций / убеждений в позиционном единстве интересов издания и/или журналиста.

Отечественная парламентская журналистика активно использует различные формы полилога – традиционные, естественные, «живые» и искусственные. Особый интерес представляет искусственная форма полилога – синтез заметки и статьи с элементами интервью с информационно-медийными личностями или в целым рядом лиц, чье речевое поведение подпадает под понятие «повышенная социальная ответственность». Подчеркнем, что искусственный полилог – одно из самых востребованных жанровых решений в парламентском дискурсе.

Примером можем стать триадная публикация «Парламентарии стран Евразии готовы к объединению ради общего блага»:

1) заглавие и лид – ориентированы на рубрику «Политика». «*Мы, депутаты знаем лучше всех, что никакая изолированность не будет никому помогать. Только диалог поможет бороться со злом, манипуляцией и эгоизмом сегодняшнего времени*» (председатель Национального совета Словакии Андрей Данко); «*Евразийские страны должны принять безотлагательные совместные меры против терроризма, экстремизма и киберпреступности*» (спикер Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Таджикистана); «*именно равноправный диалог и конструктивное сотрудничество в области экономики позволяют стирать политические границы, устранять идеологические штампы и мифологемы, внося тем самым реальный вклад в укрепление взаимного доверия, обеспечение безопасности и снятие международных конфликтов*» (председатель палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь Владимир Андрейченко).

2) цитаты политиков – спикеров парламентов 65 евроазиатских стран и 14 международных организаций на тему «Большая Евразия: Диалог. Доверие. Партнерство»;

3) комментарии автора: «*Участники совещания выразили твердое намерение укреплять и развивать межпарламентское сотрудничество в*

борьбе с терроризмом в соответствии с Уставом ООН и принципами международного права» [Надиров 2019: №39].

Как видим, структурная специфика новостного медиаконтента парламентской журналистики определяется прежде всего внешними условиями его функционирования:

- отсутствие строгого контент-регламента, но приоритетность социальной значимости;

- стандартность, оперативность и конкретность информации;

- монокодовостъ текста – строгая иерархическая структура текста, обусловленная жанрово-стилистической природой медиаконтента;

-манипуляция как главный параметр монофункциональности СМИ;

- коллективное производство текстов (автор текста, работающий в тесном контакте с пресс-службой парламента);

- массовая аудитория, вступающая в политически ориентированное новостное поле;

- особый характер обратной связи – ограниченный, минимизированный или вовсе отсутствующий.

Таким образом, медиатекст выступает сложным многоуровневым знаком, демонстрирующим, по словам М.Ю. Казака, «принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» [Казак 2010: 87].

Теперь рассмотрим особенности новостного медиаконтента парламентской журналистики, исходя из принципов макроструктурного анализа текста, предполагающего разбор новостных материалов с целью определения глобальных закономерностей или схем, которые характеризуют эти журналистские произведения. Ван Дейк предлагает рамочный анализ структур новостного дискурса в прессе. В этой структуре он признает сложности текстовой организации и, следовательно, сложности новостного дискурса. Предлагаемые рамки ограничены в своем фокусе тем, что Ван Дейк называет «глобальной организацией новостей» и связывает этот анализ с

«макроявлениями, а не с микроорганизацией новостного дискурса», а макроструктура, по мнению ученого, выполняет сразу дву функции, объединяя общие темы/тему текста и обеспечивая «общую» [Ван Дейк 1989:129] связностью текста с целью наделить нарратив единой смысловой канвой.

Каждая новостная статья имеет схему с регулярными категориями – различными обязательными и необязательными функциональными включениями: 1) сводка (обязательное) или ядро (заголовок и заголовок), 2) спутниковые абзацы (контекст и история), 3) последствия (последующие события или действия), 4) словесные реакции и комментарии (оценка и прогноз) [Ван Дейк 1989: 15].

Когнитивный сценарий макроструктуры новостного текста свидетельствует о том, что тематическая составляющая всего новостного дискурса обеспечивает связность нарратива, при этом «его отдельные части также имеют свои собственные макроструктуры, иерархически подчиненные текстовым темам» [Ван Дейк 1989:129-130]. Следовательно, текст представляет собой некое иерархически организованной полотно, сотканное из логико-смысловых парадигмальных нитей. И именно такое структурное и внутриструктурное объединение и единение всех элементов текста придает ему тематическую «монолитность» .

Парламентский дискурс неразрывно связан с понятием «макроструктура». В качестве опорного выберем определение, предлагаемое А.Н. Барановым, который понимает макроструктуру как совокупность одновременно принимаемых решений по вербальному и невербальному форматированию и структурированию текста, его фрагментации и визуализации – «отступы, табулирование, символы, цветовые решения и т.п.)» [Баранов 2007: 294].

Термины микро- / макротекст и соответствующие им микро- / макроструктура также отличаются многомерностью. Макротекст – широкое понятие – «целое речевое произведение – текст» [Москальская 1981:13], а

макроструктура – единица текста – словосочетание, фраза, предложение, абзац.

В рамках настоящей диссертации макроструктура новостного текста логично переходит в плоскость парламентской журналистики, где ее следует рассматривать как совокупность макротекстовых позиций – стилистических, композиционных и репрезентативных.

Медийный потенциал макротекста Н.В. Чичерина видит в его позиционных и содержательных характеристиках, то есть именно тип дискурса, в орбите которого создается медиатекст, устанавливает требования к наличию и расположению позиций и содержательному наполнению текста [Чичерина 2008:145]. В отечественном новостном парламентском дискурсе присутствуют три ключевые позиции макротекста.

1. ***Заголовок ↔ текст*** – корреляция семантики заголовка и фактологических сведений доказывает, что просмотр (даже не анализ) заголовка уже формирует информационную картину дня.

Рассуждая о роли заголовков в реализации первичных журналистских целей, Е.А. Лазарева определяет его как «первый сигнал, который побуждает нас прочитать материал или отложить газету в сторону. Исследования психологов показывают, что около 80% читателей обращают внимание только на заголовки» [Лазарева 1989: 3].

Заголовки, действительно, выполняют функцию навигатора в обширном газетном пространстве, это, по мнению А.П. Бессонова, «своего рода вывеска, и чем она красочнее, тем больше гарантии, что материал будет прочитан» [Гуревич 2004: 3].

Ю.А. Белова дефинирует заголовок как «графически выделенный, потенциально свернутый признак текста, выраженный вербальными и невербальными средствами языка, обладающий относительной автосемантичностью, являющийся абсолютно исходным, единым элементом для всего текста, который называет и / или характеризует текст, предсказывает

содержание, интерпретирует текст, придавая ему дополнительные значения» [Белова 2009: 6].

2. ***Композиция*** – логико-синтаксическая последовательность изложения смысловых и тематических блоков, объединяющих текст с событием / явлением / ситуацией в семантическом единстве понятия «новость». Композицию новости, по Т. Ван Дейку, составляют девять элементов: «основной эпизод, условие, причина, контекст, мотивация, история, последствия, результаты, реакции» [Ван Дейк 1989: 245]. С ментальной точки зрения новостной текст призван конструировать серию образов. Этой же цели служат элементы «развернутой» композиции журналистского текста:

- детали, факты, события и действия «героев» фабулы;
- расстановка и характеристика всех участников (непосредственных и опосредованных) описываемого события;
- детали обстановки, поведения и чувств участников;
- лирические отступления, аналитика, прогнозы, мнения и оценки (экспертов и автора);
- концептуальное, хронологическое, сюжетное повествование.

Однако конечный продукт не предполагает банальное «скрепление» этих элементов, в его основе лежит продуманная фабула, для которой характерна целостность, то есть высокая смысловая нагрузка, информативное содержание и логическое завершение. Целостность может быть представлена и «новыми качествами и свойствами, не присущими отдельным частям (элементам), но возникающими в результате их взаимодействия в определенной системе связей» [Кайда 1989: 16].

Подчеркнем, что в парламентском дискурсе системообразующим элементом является целостность сообщения как квинтэссенция единства формы и содержания, которую конструируют разнокачественные уровни элементов содержания. Например, триада «теоретический факт – концепция – идея» отражает сущность явления, а общность «мнение – эмпирический факт

– ситуация» закрепляет проявления этой сущности. Своеобразное единство представляют формообразующие идейно-концептуальные, фактические и проблемно-тематические элементы содержания» [Горохов 1975: 147].

Фактическое событийное измерение, к примеру, интерпретируется информационными жанрами, идейно-концептуальное – художественно-публицистическими, проблемно-тематическое – аналитическими. При это м выбор обусловлен обозначенными целями – проинформировать, проанализировать, создать образ. Адекватный выбор «композиционной формы будет содействовать эффективизации обоих типов связей – временных и причинно-следственных» [Белякова 2008: 75].

Важнейший аспект композиции А.Л. Дмитровский усматривает в «непременно последовательном введении элементов, что способствует полноценному развертыванию содержания» [Дмитровский 2009: 192].

Таким образом, являясь одним из основополагающих элементов жанровой формы, композиция обладает высокой содержательной значимостью: своими приёмами она существенно обогащает смысл описываемого журналистом явления, делает его более рельефным, доступным и интересным для аудитории.

Одно из основных мест в композиционном построении журналистского произведения в том числе и на парламентскую тематику занимает его четкая структурированность, средства реализации которой зависят от жанровой составляющей нарратива. Для эссе и очерка оптимальным средством является ассоциативная композиция, которая состоит из плана повествования, эпизодов, авторских ремарок и т.п.

Информационные и аналитические жанры предполагают жесткое структурирование материала, что повышает его читабельность и уровень восприятия, способствует лучшей ориентации читателя в текстовом поле [Ким 2001:19].

3. ***Стилистическая перспектива*** – постоянство / непостоянство стилистических оттенков и баланс / дисбаланс стилистических средств – все

это, будучи функционально-семантическими особенностями нарратива, определяют выбор лексики и синтаксических конструкций. В текстах на парламентскую тематику преимущественно используются элементы официально-делового и научного стилей, реже – разговорные клише и художественные «вкрапления», а «чередование экспрессии и стандарта, как отмечает В.Г. Костомаров, позволяет воздействовать на адресата и сообщить определенный набор сведений» [Копнин 1973: 25].

В зависимости от преобладания либо экспрессии, либо стандарта, в текстах массовой информации выделяют информационный, публицистический, художественно-публицистический подстиль.

Каждый из этих подстилей имеет свои строевые лексемы, которые в рамках журналистского текста укладываются в определенный словесный ряд. Множественность и многообразие словесных рядов делает словарный состав публицистики максимально широким и незамкнутым. «Незамкнутость» определяется прежде всего экстралингвистическими факторами, главным из которых является, как уже было отмечено, разнообразие тем (экономических, политических, социальных и т.п.), попадающих в фокус журналистского внимания.

Рассмотрим пример новостного нарратива о деятельности парламента:

«Мулоқоти Маҳмадалӣ Ватанзода бо Христофорос Политис (Встреча Махмадали Ватанзода с Христофоросом Политисом)

30 апреля текущего года первый заместитель председателя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Махмадали Ватанзода встретился с заместителем постоянного представителя Программы развития Организации Объединенных Наций Христофоросом Политисом и обсудили реализацию мероприятий в рамках совместной программы ООН под названием «Финансирование Целей устойчивого развития в Республике Таджикистан».

Также состоялся обмен мнениями по поводу повышения потенциала парламентского контроля над финансированием Целей устойчивого

развития, подготовкой бюджета с учетом гендерного равенства и пересмотра законодательства.

Первый заместитель председателя Маджлиси намояндагон при рассмотрении вопроса отметил, что национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года «разработана на основе положений Конституции Республики Таджикистан, Закона Республики Таджикистан» О государственных прогнозах, концепциях, стратегиях и программах социально – экономического развития Республики Таджикистан» и в соответствии с долгосрочными целями и приоритетами развития страны, изложенными в посланиях Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан.

– Данный документ составлен с учетом изменений последних лет, которые произошли в стране и мире, «Национальной стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года», а также международных обязательств Республики Таджикистан, утвержденных на 70-ом заседании Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 года, – сказал Махмадали Ватанзода.

Было отмечено, что основной упор на цели устойчивого развития направлен на концепцию устойчивого развития человека. В связи с этим, полное искоренение бедности, замена моделей нестабильности и продвижение устойчивых моделей потребления и производства, а также защита и рациональное использование природных ресурсов с целью дальнейшего социально-экономического развития являются основными задачами и жизненно важными условиями устойчивого развития человека.

Заместитель постоянного представителя Программы развития Организации Объединенных Наций в Республике Таджикистан Христофорос политику, выразив удовлетворение сотрудничеством с Маджлиси намояндагон, добавил, что в будущем будет сотрудничать с парламентом страны во всех сферах деятельности» [Султонов 2021: № 60].

В позиции **заголовок** ↔ ***текст*** наблюдается полная корреляция семантики названия текста и его содержания. Заголовок недвусмысленно констатирует факт встречи парламентариев Таджикистана и представителя ООН. В нем заключена основная идея текста – необходимость налаживания связей между Маджлиси Оли и ООН. В материале и его названии не наблюдается никаких противоречий и дериваций, заголовочный комплекс представляет собой достаточно простой, понятно сформулированный текст.

В медиатекстах парламентской тематики заголовок может рассматриваться как предопределяющая структура идейно-содержательной организации предлагаемого материала. В целом можно отметить, что в номинировании «парламентских» медиатекстов прослеживается интегративно-поступательная тенденция по интенсификации практики межпарламентского сотрудничества с участием Таджикистана, являющегося одним из инициаторов развития межпарламентского диалога в целях расширения сотрудничества в политической, экономической, правовой и гуманитарной сферах.

4. ***Композиционные отношения*** представлены блоками

- «событие» (встреча первого зампредседателя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан М. Ватанзода с заместителем постоянного представителя Программы развития ООН Х. Политисом),
- «субъекты действия» (участники встречи) + «действие»
- «обстоятельства события» (в данном случае – в виде обсуждения мероприятий в рамках совместной программы ООН «Финансирование целей устойчивого развития в РТ»).

«Новостную ценность» приведенного развернутого нарратива подтверждает логический порядок двух смысловых акцентов – факт встречи и содержание беседы. Материал структурирован по принципу «перевернутая пирамида», что отвечает хрестоматийным канонам жанра «заметка».

5. *Стилистическая перспектива* текста отличается нейтральностью, удовлетворяет требованиям официально-делового стиля, что, впрочем, логично и свойственно публикациям с политической тематикой.

Особыми жанровыми и стилеобразующими признаками являются следующие:

- наличие факта (*встреча М. Ватанзода с Х. Политисом*);
- новизна информации (*«обсуждение реализации мероприятий в рамках совместной программы ООН 'Финансирование Целей устойчивого развития в Республике Таджикистан'»*);
- социальная значимость сообщения («*было отмечено, что основной упор на цели устойчивого развития направлен на концепцию устойчивого развития человека. В связи с этим полное искоренение бедности, замена моделей нестабильности и продвижение устойчивых моделей потребления и производства, а также защита и рациональное использование природных ресурсов с целью дальнейшего социально-экономического развития являются основными задачами и жизненно важными условиями устойчивого развития человека»*);
- оперативность (материал опубликован в газете «Садои мардум» по прошествии четырех дней после события, то есть в свежем номере).

Особенностями новости являются:

- использование нейтральной лексики (*человек, бедность*);
- наличие стандартных высокоинформативных элементов (*сферы деятельности, обсудили реализацию мероприятий, состоялся обмен мнениями, рассмотрение вопроса, выразил удовлетворение*);
- имена собственные (*первый заместитель председателя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан М. Ватанзода, заместитель постоянного представителя Программы развития Организации Объединенных Наций Х. Политис, Основатель мира и национального единства - Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон*);

– специальные слова, термины (*парламентский контроль, политика, приоритеты развития страны, продвижение устойчивых моделей потребления и производства, с целью дальнейшего социально-экономического развития*);

– сложные синтаксические конструкции с использованием деепричастных оборотов (*Заместитель постоянного представителя Программы развития Организации Объединенных Наций в Республике Таджикистан Христофорос политику,* ***выразив*** *удовлетворение сотрудничеством с Маджлиси намояндагон, добавил, что в будущем будет сотрудничать с парламентом страны во всех сферах деятельности*).

Анализ новостных текстов парламентского дискурса показал явное преобладание в них стандартных конструкций в сочетании с высокоинформативными элементами. Стандартизованные языковые средства активно используются в жанрах, представляющих максимальную информативность – хроники, заметки, передовые статьи, информационные сообщения. При этом эти единицы следует рассматривать не как недостаток официально-делового стиля, а его неотъемлемое свойство. Стандарт упрощает процесс передачи и восприятия информации, способствует экономии языковых средств и усилий. Все эти факторы дают возможность привлечь внимание аудитории, что особенно актуально в условиях клипового мышления и высокоскоростного информационного потока.

В заключении отметим количественную и содержательную недостаточность научных изысканий, посвященных различным аспектам парламентской журналистики. Исследовательские лакуны наблюдаются в том числе и в многогранных вопросах лингвостилистики и соответствующих типологии медиатекста. Коммуникативные стратегии и речевые произведения информационно-медийных личностей о парламентской дипломатии тяготеют в научной рефлексии ввиду наличия целого ряда активных содержательно значимых элементов текстов, подготовленных парламентскими

журналистами, в частности визуальная парадигма, графические, шрифтовые, цветовые решения и прочие аспекты. Внимание к этим деталям будет способствовать реализации комплекса задач не только журналистского толка, но и общегосударственного масштаба.

3.2. Жанровое своеобразие печатных СМИ в отображении внешнеполитической деятельности Маджлиси Оли

Политическая и экономическая стабильность Республики Таджикистан стала для отечественной парламентской журналистики своеобразным плацдармом по наращиванию потенциала, который позволит сохранить тенденцию поступательного развития, что проявляется в улучшение качества печатной продукции, увеличении тиража, появлении тематических рубрик в газетах и новых теле- и радиопередач о деятельности Маджлиси Оли. Преодоление идейных барьеров и условностей советского периода способствовало обращению парламентской журналистики современного Таджикистана к приоритетным для политикоориентированных СМИ функциям – коммуникации с субъектами политической жизни, отражению всех аспектов деятельности государственных органов, освещению законотворческого процесса с учетом социального заказа гражданского общества.

Удовлетворяя информационную потребность читательской аудитории, парламентская журналистика призвана эффективизировать общественные отношения. Хотя следует признать, что масштабы реального влияния парламентской журналистики на социальную активность в Таджикистане пока еще далеки от желаемого уровня, в связи с чем, как считает Ш.Б. Муллоев, «они требуют комплексного и системного изучения в контексте актуальных проблем современных СМИ РТ» [Муллоев 2009: 11].

Печатные СМИ продолжают оставаться центральным источником информации о деятельности Маджлиси Оли. Количество публикуемых

материалов на парламентскую тематику на сегодняшний день считается достаточным для удовлетворения требований читателя относительно оперативности, достоверности материала и профессионализма его авторов. Выводы об источнике информации читатель делает на основании знакомства с готовым медиа-продуктом. За этим, как правило, следует решение читателя – сохранять/не сохранять лояльность изданию.

Внимание к информации о деятельности парламента во многом зависит от места, времени и способа ее поступления, а также стилистических приемов, выбранных автором публикации. Известно, что образное восприятие явно превалирует над понятийно-организованным. Эта разница прослеживается в том, что газетные публикации читабильнее и понятнее нежели сочинения с историческим и/или философским началом.

Процесс создания медиаобраза представительного органа изначально требует от журналиста определиться со способом и формой презентации информации. Значимое событие требует безусловной публикации в жанрах «заметка» или «хроникальное сообщение». Эта альтернатива предоставляет возможность вернуться к теме уже в рамках аналитической статьи. Личные беседы с парламентариями будут отражены в жанре «интервью», что создаст информационное эхо и, возможно, станет поводом для появления вторичных и третичных текстов. Таким образом, выбор жанра зависит от исходных целей, преследуемых автором – проинформировать, осветить, убедить, доказать, проанализировать, сравнить, инициировать дискуссию и т.д.

С появлением профессионального парламента, установлением открытых отношений с избирателями, включая встречи с научно-технической интеллигенцией, возникла необходимость качественного информационного сопровождения каждого решения, события, мероприятия в рамках парламентской деятельности. Отметим, что на СМИ в условиях государственного суверенитета возложена миссия стать не только полноценной трибуной гласности, но и каналом коммуникации между представительной властью и обществом. Такая концепция деятельности

тяготеет к активной научной рефлексии, ориентированной на изучение форм подачи политической информации.

Появление профессионального парламента запустило в медиа тенденцию динамичного развития новостных и ситуативно-аналитических жанров.

Расширение линейки журналистских жанров обусловлено «практической потребностью общества и определенными общественно-политическими отношениями» [Бакунина 2008: 8]. Сам же термин «жанр» в широком, хрестоматийном смысле обозначает устойчивые типы публикаций со идентичными содержательно-формальными, жанрообразующими признаками, знание которых расширяет профессиональное видение журналиста и способствует развитию аналитического мышления.

Жанровая система отечественных СМИ зиждется на объективном и субъективном началах, хотя такое топорное разделение не отменяет (частичного) перехода факторов из одной группы в другую. Так, в объективной плоскости находятся тип издания, политические убеждения редакционного коллектива, периодичность выпуска, целевая аудитория. Субъективная природа жанров определяется а) стимулом текстовой деятельности (редакционное задание / собственная инициатива), б) профессиональной компетенцией и личными преференциями журналиста. Жанровая форма журналистского текста определяет объект, предмет, стилистику нарратива и объем роли и места авторского «Я». Анализ показал, что публикации о деятельности Маджлиси Оли включают все вышеперечисленные признаки.

Особое внимание в этой проекции заслуживают факты как важнейший элемент информационного повода и текста по его освещению. Журналист осуществляет их отбор, оценку и анализ в зависимости от а) своих личных убеждений, б) профессионального опыта и в) готовности аудитории к знакомству с этими фактами.

В этой связи абсолютно прав М.С. Черепахов, утверждая ошибочность фразы редакционного обихода: «Он собрал интересные факты, но не проанализировал их. Это исходное заблуждение» [Черепахов 1973: 148]. В любом публицистическом нарративе факт получает интерпретацию; даже заметка, которая кажется индифферентным сообщением о факте реальной действительности, есть результат кропотливой аналитической работы. Следовательно, выбор жанра зависит от совокупности выразительных средств, подходов и методов отображения фактов, входящих в арсенал журналиста, который намерен создать «пропарламентский» нарратив.

Информационная политика страны реализуется преимущественно В СМИ двумя жанровыми группами: новостная информация (заметка, интервью, отчет) и аналитика (корреспонденция, статья, комментарий).

Журналистские произведения, созданные по принципам информационных жанров как превалирующей жанровой группы, ориентированы на «непрерывное отслеживание аудиторией наиболее важных событий в той или иной области» [Тертычный 2000: 55]. В советских газетах эти тексты занимали самую значимую локацию газетной площади – первые и последние полосы.

Эти материалы, в соответствии с традиционными требованиями, характеризуются новизной, событийным поводом, оперированием первичной информацией. В отечественном медиапространстве наиболее популярными при освещении деятельности Маджлиси Оли являются заметка, отчет и интервью. Предпримем попытку проанализировать их в рамках парламентского дискурса.

а) Заметка – один из самых распространенных газетных жанров и главный инструмент при создании нарративов о деятельности Маджлиси Оли. Свои высокие репутационные оценки заметка получила благодаря свойственной ей краткости, точности и ясности изложения. Как и в советской прессе, этот тип материалов в современной таджикской печати занимает место на первой полосе в силу своей способности лаконично и емко донести

информацию. В количественном отношении заметка и другие информационные жанры выступают главным «носителем оперативной информации о значимых событиях» [Жанры 1972: 22] и составляют основную часть массовых информационных потоков. Такая диспропорциональность вызывает некоторую обеспокоенность теоретиков и практиков журналистики. В частности, Г.Я. Солганик отмечает редкое использование, если не исчезновение со страниц таких жанров, как очерк, фельетон, передовая статья. «Их заменяют газетные материалы, в которых резко усиливается информационное начало» [Солганик 2002: 11].

Главным преимуществом заметки, по А. Акишиной, является «краткость, ‘сигнал’ о существовании/отсутствии явления или события, его основных характеристиках, выступающих для аудитории как ‘новость’» [Акишина 1979: 27].

Главным критерием информационной заметки таджикские ученые считают новизну информации, которую эта заметка передает: «Новость – это душа заметки. Ее содержание» [Нуралиев 2005: 30].

Обобщая теоретические положения исследований, посвященных жанровому своеобразию информационных материалов, приходим к выводу, что значимость информационной заметки в общем потоке информационных материалов напрямую зависит от актуальности повода и способа подачи материала, однако, на наш взгляд, ценность информационной заметки прежде всего заключается в информационной содержательности и своевременности. В связи с этим совершенно справедливым представляется мнение М.Н. Ким: «В качестве информационного повода могут выступить любые общественно значимые события» [Ким 2004: 186].

Принцип «убывающего интереса» / «перевернутой пирамиды» как характерная манера организации текста заметки сосредоточена на лаконичных ответах на вопросы «что?», «где?», «когда?» – отсюда стилистическая нейтральность (иногда трактующаяся как жесткость), оперативность, документальность и объективность.

Заметка «Зухуров и Нарышкин обсудили перспективы сотрудничества парламентов Таджикистана и России» («Азия-Плюс» от 6.10.2015 г.) подтверждает вышеприведенный тезис

Информационный заголовок в виде простого распространенного предложения сообщает об инфоповоде: «что?» – «*встреча представителя Национального парламента Таджикистана Ш. Зухурова со спикером Госдумы России С. Нарышкиным*; «где» – в Астане; «когда?» – 6 октября 2015 года.

По мере развития нарратива фиксируем нивелирование важности информации через вброс второстепенных элементов: «*изучение опыта друг друга, обмен парламентскими делегациями, укрепление потенциала групп дружбы...*» [Юлдашев 2015: № 40], что свойственно «перевернутой пирамиде».

Предмет заметки – межпарламентское сотрудничество, а «подоплека, расширяющая смысловое поле заметки» [Кройчик 2000: 129] – стремление Госдумы к развитию партнерства с таджикским парламентом.

Событийный факт (встреча российских парламентариев с таджикскими коллегами) как основа заметки позволяет утверждать факт хроникальности сообщения. К заметке прилагается фотоиллюстрация, которая несет определенную функциональную нагрузку. Анализ жанровой природы отечественной парламентской журналистики показал, что практически к каждой заметке о парламентской дипломатии прилагаются фотофакты, что также формирует целостный характер образа Маджлиси Оли.

Примером может послужить заметка в «Азия-Плюс», заголовок которой предопределяет содержание материала – «Спикеры парламентов Таджикистана и Афганистана обсудили отношения между странами». За ним – фото (фрагмент встречи), под ним – лид (жирным шрифтом) «***По инициативе Народно-демократической партии Таджикистана прошла презентация книги Основателя мира и национального единства Эмомали Рахмона 'Таджики в зеркале истории'***», который передает инфоповод

заметки, ниже – собственно сообщение и комментарии. «*Спикер нижней палаты парламент Таджикистана М. Зокирзода и председатель Вулуси Джирга Национального совета Афганистана М. Рахмони обсудили дружеские отношения между двумя странами на встрече, которая состоялась 1 марта*» [Бобоходжиев 2021: № 9].

б) Отчет как жанр занимает особую нишу в государственной и партийной прессе. Одним из спорных вопросов является причастность отчета к информационным жанрам, которые призваны освещать актуальную повестку, требующую аналитических комментариев. Однако эта информация не является результатом речевой деятельности журналиста как автора отчета; контент создают участниками встречи, итоги которой выражаются в решениях, заявлениях, намерениях и пр. – непосредственный предмет внимания аудитории.

Отчеты парламентских журналистов включают пункты повестки и краткое изложение решения по каждому вопросу – достаточный контент для формирования целостного картины о работе депутатского корпуса и конструирования соответствующего образа. Перед автором отчета не стоит задача подробно описать ход обсуждения насущных вопросов парламентской повестки. Его цель – точное, без подробностей и комментариев изложение основных итогов заседания. «Публикации в формате «информационный отчет» выделены в самостоятельный жанр ввиду специфики предмета отображения» [Тертычный 2000: 27].

Ключевыми критериями отчета как журналистского жанра являются документальность / «протокольность» (по стилю написания) и максимальная приближенность к цитатам или собственно цитаты героев публикации, допускается публикация как отдельных выдержек, так и всей их речи. К обязательным параметрам отчета относят корректную и полную презентацию имен участников, занимаемых ими должностей, названий мероприятий, четкие (по возможности) дословные формулировки принятых решений. Соответствие этим требованиям не допускает искажения информации, что

также положительно сказывается на конструировании образа предмета публикации.

В соответствии с целями в отчете выделяют две функции: информационную – передача оперативной и важной информации; прогностическую – прогнозирование аудиторией развития действий [Информационный].

В структуру классического медиаотчета входят три основных блока: новостное ядро; 2) речи участников дискуссии; 3) выводы и программа мер. Современный отчет претерпел некоторые изменения, но сохранил свои родовые жанровые признаки: максимализм, пространственно-временные рамки, детализацию и эмоциональность. Раскроем сущности каждого признака:

- максимализм предполагает всестороннее и полное раскрытие сути конкретного события;
- пространственно-временные рамки не позволяют автору отчета отклониться от темы и не включать очевидные детали в представляемый гипертекст, поскольку любое расширение выглядит как намеренное вкрапливание дополнительных эпизодов в описание хода события;
- детализация как содержательный компонент сосредоточен на репликах субъектов дискуссии, а не на предметном описании ситуации;
- эмоциональность (умеренная и уместная) не противоречит параметрам отчета. Стремясь оказать воздействие на аудиторию, автор может не приглушать формальные приемы «самовыражения» – они неосознанно проявляются или «считываются» в структуре повествования, в отборе деталей, в идиостиле – все это прямая демонстрация собственной позиции [Информационный].

Одну из разновидностей отчета составляют речи государственных деятелей, которые практически полностью публикуются в СМИ. «Отсутствие авторского комментария и подача текста в виде отдельных выступлений»

[Жанры 1972: 44] дают основания причислить материал данного формата к жанру «прямой отчет».

В качестве примера прямого отчета приведем публикацию «Совместное заявление президентов Таджикистана и Кыргызстана» («Азии-Плюс», 29.06.2021):

«*Выражая приверженность принципам и обязательствам, закрепленным в Договоре об основах межгосударственных отношений между Республикой Таджикистан и Кыргызской Республикой от 12 июля 1996 года и Договоре между Республикой Таджикистан и Кыргызской Республикой о добрососедских и партнерских отношениях от 26 мая 2004 года, в целях дальнейшего развития межгосударственного диалога на основе равенства, взаимного уважения и дружбы, Главы государств заявляют о нижеследующем:*

1. Таджикско-кыргызские отношения основаны на многовековых исторических связях, общих культурных и духовных ценностях.

2. Главы государств, осознавая высокую ответственность за сохранение уз дружбы и добрососедства, подтвердили решимость поступательно развивать отношения между Республикой Таджикистан и Кыргызской Республикой.

3. Президенты отметили о недопущении возникновения пограничных конфликтов на таджикско-кыргызской границе и необходимости соблюдения сторонами международных обязательств и норм международного права» [Бобоходжиев 2021: №26].

Аналогичен в структурно-композиционном плане материал «Высокий уровень доверия и партнерства. Совместное заявление Эмомали Рахмона и Шавката Мирзиёева» (Азия-Плюс. 10.06.2021) [Бобоходжиев 2021: №23].

Прямой отчет в рамках парламентской журналистики – достаточно редкое явление в отличие от другой разновидности этого жанра – тематического отчета, в котором, по словам Г. Мельника, «помимо передачи события, журналист может внести свои комментарии» [Мельник 2004: 129].

Надо сказать, что тематические отчеты, посвященные встречам парламентариев, представлены значительным по объему массивом публикаций. В качестве примера можно привести публикацию «Парламентарии стран Евразии готовы к объединению ради общего блага» (Азия-Плюс. 27.09.2019).

«*В столице Казахстана 23-24 сентября состоялось совещание спикеров парламентов 65 евроазиатских стран и 14 международных организаций на тему «Большая Евразия: Диалог. Доверие. Партнерство». Главы законодательных собраний обсуждали новую модель партнерства, основанную на диалоге и доверии. Со-организаторами форума выступили парламент Казахстана, Госдума России и Национальное собрание Республики Корея. На четырёх пленарных заседаниях, панельных сессиях и десятках двусторонних встреч парламентарии Евразии обсуждали вопросы укрепления мира и стабильности в регионе, противодействия экстремизму и терроризму, развития экономики, цифровизации и др*.» [Надиров 2019: №39].

Журналист освещает ход мероприятия, перечисляет его участников, тезисно презентует результаты мероприятия: «*Все участники совещания высказывались за развитие межпарламентского диалога в целях расширения сотрудничества в политической, экономической, правовой и гуманитарной сферах. На совещании было подчёркнуто, что парламентская дипломатия – наиболее гибкий и поэтому незаменимый канал связи между народами и странами. По итогам совещания участники приняли совместное заявление. В нем отмечается, что участники разделяют общее видение будущего Евразии как единого пространства мира и готовы продвигать заинтересованный и откровенный диалог о настоящем и будущем континента*» [Надиров 2019: №39].

В тексте отчета, помимо цитат, присутствует комментарий журналиста: «*В условиях глобализации, усиления информационной борьбы следует укреплять и развивать межпарламентское сотрудничество. В этом контексте парламентская дипломатия видится как наиболее гибкий и*

потому приемлемый канал коммуникации, позволяющий координировать усилия парламентариев на международной арене» [Надиров 2019: №39].

Отметим, что отхождение от хронологических рамок не позволяет назвать этот отчет прямым, что обращает нас к еще одной разновидности отчета – хроникальному – самому лаконичному виду. В этом контексте журналист может ограничиться презентацией основных аспектов события, что в целом соответствует тенденциям современной практике газетного дела – стремления к сокращению текстов и лаконичности изложения фактов.

Хроникальный отчет в рамках парламентского дискурса по своим базовым характеристикам идентичен заметке и предполагает безусловную лаконичность и фокус на важные детали и основные фрагменты (хронология не принципиальна). Если говорить о печатной публикации, то его объем умещается в половину газетной полосы [Отчет].

Примером хроникального отчета может стать материал «Тоҷикистон барои пайвастан ба Конвенсияи Гаага талош дорад» («Таджикистан пытается присоединиться к Гаагской конвенции») («Минбари халк»).

«*На встрече представителя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Шукурджона Зухурова с Генеральным секретарем Гаагской конференции было обсуждено участие Таджикистана в Гаагской конвенции. Основное внимание было сосредоточено на адаптации национального законодательства Республики Таджикистан к международным стандартам и преимущества привилегий граждан в этом учреждении. Было отмечено, что с 2007 года Таджикистан пытается присоединиться к этой конвенции, и в настоящее время реализуются рекомендации по интеграции Таджикистана в международную организацию в 2013 году»* [Тохир 2014: №25].

Анализ показал, что основной жанровой формой подачи материала в партийной и государственной прессе является отчет, сопровождаемый фотофактами. В других изданиях республики отчет занимает маргинальные

позиции, более того объем парламентской повестки либо ограничен, либо от полностью отсутствует.

в) Интервью – самый распространенный жанр ввиду его непритязательной природы – «разговор двух людей с целью создания нового информационного продукта – актуального, общественно значимого, предназначенного для публикации» [Лукина 2003: 191]. Однако беседа – это не всегда и не обязательно главный критерий интервью; беседа может стать предметом творческой журналистской обработки и полученный материал будет представлен в любом другом жанре.

В узкой традиционной трактовке интервью представляет собой диалог журналиста с людьми, обладающими необходимой компетенцией в определенной сфере и владеющими актуальной информацией» [Жанры 1972: 68], его особенность – буквальная передача ответов респондента (в нашем случае – парламентария); непременным условием при публикации интервью является корректная пунктуация при передаче прямой речи. Отечественные печатные издания освещают события с участием парламентариев преимущественно в вопросно-ответном формате.

Высокая актуальность интервью продолжает сохраняться даже несмотря на модернизацию всей системы отечественных СМИ. В условиях смешения жанров и увеличения числа каналов вещания печать сохраняет приверженность текстам «диалогичной природы» (интервью, беседа, «круглый стол» и пр.), поскольку в них естественным образом, без каких-либо манипулятивных техник тиражируются контрарные позиции или солидарность собеседников по определенному инфоповоду. Рациональность интервью как жанра видится в том, что оно позволяет четко дифференцировать первоисточник информации от «вторичного комментария» и, по Т.Н. Исаковой, «делает современную журналистику более свободной по мысли и стилю» [Исакова 2009: 19].

В республике изменилась и роль аудитории – от пассивного потребителя медиапродукта она нацелена на паритетное соучастие в обмене информацией,

что «отражает тенденцию перехода от информирования к коммуникации как взаимодействию» [Исакова 2009: 19].

Международная деятельность Парламента Таджикистана предоставляет журналистам новые возможности по созданию материалов в жанре интервью, которые открывают малоизвестные аспекты парламентской дипломатии. В качестве примера приведем интервью с Чрезвычайным и Полномочным послом Республики Таджикистан в Украине Давлатали Назризода. Помимо вопросов о сотрудничестве в области здравоохранения, образования, сельского хозяйства, экономических отношений, автор интересуется проблемой взаимодействия национальных парламентов двух стран. Собеседник подробно освещает эту тему:

«– *В сентябре прошлого года была создана Группа дружбы и сотрудничества Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан с Верховной Радой Украины, которую возглавил заместитель председателя Комитета Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан по государственному устройству и местному самоуправлению Шарифджон Хакимзода. В январе этого года была создана группа депутатов Верховной Рады Украины по межпарламентскому сотрудничеству с Республикой Таджикистан, которую возглавил Денис Маслов от политической партии «Слуга народа». В течение года я трижды встречался с Денисом Масловым и с председателем Комитета Верховной Рады по внешней политике и межпарламентскому сотрудничеству Александром Мережко, где обсуждалось межпарламентское сотрудничество. На встрече с Денисом Масловым в сентябре мы договорились провести виртуальную встречу обеих групп. А 30 сентября группы во главе с Шарифжоном Хакимзода и Денисом Масловым также обсудили широкий круг важных вопросов сотрудничества в присутствии послов Таджикистана и Украины. Украинская сторона была приглашена посетить Таджикистан в ближайшее время*» [Асозода 2021: №43].

Информационная группа жанров, к которым относится интервью, пользуется особой популярностью в печатных СМИ Таджикистана, поскольку контакт с «живым» источником, во-первых, дает возможность аудитории самостоятельно критически осмыслить повестку; во-вторых, ни один кабинетный анализ не способен предоставить полноценную информацию, включая нюансы и «инсайдерские» сведения.

Широкое использование данного жанра также обусловлено возможностью интервьюируемого высказать свою точку зрения. Эта перспектива особенно привлекает современников старшего поколения, поскольку в советское время собеседник выступал от лица коллектива и никогда не рассматривался как отдельная личность. Сегодня формат общения изменился, интервьюируемый предстает перед аудиторией как носитель социально важной информации. Такой подход кратно изменил и усложнил процесс подготовки публикации.

Г.С. Мельник четко определяет цель любого интервью: «Современный журналист должен идти к собеседнику с мыслью и за мыслью» [Мельник 2004: 78]. Однако конечный результат зависит от множества других составляющих, в частности от широты и качества использования выразительных средств, подходов и методов отображения фактов, что в совокупности предопределяет выбор того или иного жанра. При этом следует отметить, что подготовка материала на тему парламентской дипломатии также требует от журналиста соответствующих компетенций, полученных не только и не столько в университетской аудитории, а благодаря практическому опыту и целому набору формальных и неформальных методов самообразования, в частности в экспертном интервью.

Так, в беседе с депутатом Маджлиси Оли Сайдулло Хайруллоевым «Касбии парламенти нишондиҳандаи камолоти давлат» («Профессиональный парламент – показатель зрелости государства») (Садои мардум. 25.05.2010) затрагивается тема сотрудничества Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли

Республики Таджикистан с профессиональными парламентами зарубежных стран. Парламентарий дает подробный комментарий:

«– *Сотрудничество Парламента Республики Таджикистан с международными парламентскими организациями и ассоциациями из года в год развивается и укрепляется. Существующие традиционные отношения Маджлиси Оли Республики Таджикистан с Межпарламентской Ассоциацией государств-участников СНГ, Межпарламентской Ассоциацией организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Межпарламентским Союзом позволяют эффективному и правильному решению вопросов, касающихся соблюдения прав человека, принципов демократии и свободного общества, развитию и расширению отношений между государствами и народами в целом. В ближайшем будущем намечается принятие таких же решений по расширению международных отношений Маджлиси намояндагон в других сферах деятельности. Я имею ввиду обновление составов национальных групп в составе Межпарламентского Союза, Парламентской Ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, групп дружбы и сотрудничества с парламентами таких братских и дружественных государств, как Российская Федерация, Беларусь, Узбекистан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Иран, Турция, Азербайджан, Китай, Германия и др. Двусторонние и многосторонние связи профессионального таджикского парламента с законодательными органами других развитых государств осуществляется в ходе поездок официальных парламентских делегаций, знакомства с деятельностью и опытом работы других парламентов. В современном мире контакты и сотрудничество являются основным условием развития государств. Благодаря росту международного авторитета Республики Таджикистан во всех сферах, в том числе парламентской деятельности, развивается и международное сотрудничество парламента Республики Таджикистан с парламентами других зарубежных стран. Это сотрудничество Маджлиси намояндагон и впредь, будет развивать и укреплять. В этом направлении предстоит большая работа, которая,*

несомненно, будет способствовать росту авторитета парламента и страны» [Наботов 2010: №61].

Приведенный фрагмент беседы демонстрирует высокий профессионализм интервьюируемого. Журналист же «вынес» из беседы специальные знания о предмете разговора, при чем парламентарию понадобились для овладения профессиональной компетенцией годы опыта, а корреспондентом они были усвоены опосредованно – через беседу с экспертом. Закономерным представляется возможное замечание о глубине этих знаний у журналиста, однако, полагаем, что в этом случае речь следует вести о важности наличия общего представления о предмете разговора, суть же будет раскрыта экспертами области.

Сегодняшний контент материалов о парламентской дипломатии в «Народной газете» и «Садои мардум» выхолит за орбиту тривиального информирования за счет упрочнения позиций аналитических комментариев. Это упрочнение обусловлено тем, что в авторский корпус указанных изданий включаются сами парламентарии, предоставляющие критический анализ актуальных внутрипарламентских и межпарламентских вопросов. Такой подход способствует присвоению им статуса влиятельных медиаперсон.

Включение авторов-экспертов в публикационный процесс повышает качество аналитической журналистики как, по Л.П. Беляковой, «оригинального вида творчества, основанного на мироощущении автора: искусстве познания действительности, знании мира; таланте передачи воспринятого публицистическими средствами» [Белякова 2012: 58]. Авторы-эксперты закономерно имеют ряд конкурентных преимуществ по сравнению с «классическими» журналистами, поскольку, по Д.М. Шустерову, «являются носителями специализированных знаний; акцентируют внимание на проблемных сторонах общественной жизни, провоцируя дискуссию; закрепляют практику сопоставления разных взглядов, необходимых для поиска альтернативных решений» [Шустеров 2009: 134].

Авторитетные отечественные политики, активно взаимодействующие со СМИ, создают медиаобраз представительной власти в основном за счет аналитических публикаций, которые, в свою очередь, способствуют медийному моделированию современного состояния таджикской парламентской дипломатии. «Быть объективным, – считает В.П. Кохановский, – это значит реально видеть не только предмет анализа, но и тех, кто мыслит иначе, это значит уважать их и следовать в споре всем принципам этикета» [Кохановский 2003: 424].

Такое восприятие стало поводом для разработки системы аналитических жанров, которой не присваивается догматический статус ввиду естественного разватия, коррелирующего с реалиями современной отечественной журналистики. «Модификация» жанров способствует типологическому разнообразию аналитических публикаций, что, в целом, можно оценить как индикатор уровня свободы слова и печати, а также политической активности и развитости политической культуры. Благодаря этим нарративам, по Л.П. Беляковой, обществу начинает «осознанно и системно искать пути выхода из тупика через выбор оптимального варианта решения проблем» [Белякова 2012:153]. Исследователь настаивает на том, что медиапрактики по интеллектуальному усыплению, интоксикации и развращению сознания усугубляют кризисные явления современности. Благородная миссия конструктивной журналистики заключается в своевременном выявлении угроз и предложении решений, которые «будут работать» [Белякова 2008: 153].

Аналитические жанры всегда требовали более тщательного и выверенного к себе подхода, активной авторской позиции, способности критически мыслить, а также, по И.В. Лекаркиной, «углубленного изучения конкретной темы с указанием и анализом конкретных фактов и последующих выводов» [Лекаркин 2015:141].

Медийный образ Маджлиси Оли основан в том числе и на публикациях, относящихся к группе аналитических жанров, но в особый зум попадает и те материалы, которые отображают специфику парламентской дипломатии.

а) Статья – устойчиво ассоциируется с любым материалом, опубликованным в газете. Однако среди исследователей присутствуют попытки приписать корреспонденции квалификационные признаки статьи. Такой подход мы считаем в корне ошибочным и свою позицию объясняем принципиальными отличием статьи от корреспонденции в содержательном и функциональном планах: «в статье факты или события не просто анализируются, как в корреспонденции, а обстоятельно рассматриваются, формируясь обобщающей мыслью» [Жанры 1972: 170].

Разница определяется не только композиционно, но целеполаганием автора статьи, то есть его стремлением, по А. Тертычному, к «анализу актуальных, общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей» [Тертычный 2010: 263] или, по В.Н. Голубеву, к «широте обобщений и глубине анализа фактов» [Голубев 1976: 148], что не может быть отнесено ни к какому другому газетному жанру.

С.Г. Корконосенко наделяет статью тремя основополагающими характеристиками: «факты, характерная структурная организация текста, объективизация нарратива» [Корконосенко 2000: 112]. Источниками для написания статьи, по мнению ученого, могут стать уже опубликованные материалы, устные заявления и даже личные наблюдения. Факты становятся поводом для текстового оформления причинно-следственных связей между ними и логичной их презентации через лиды, категориальный аппарат, четкие формулировки, образы-понятия, образы-тезисы и обязательно нейтральную интонацию.

Статья рельефно демонстрирует идейно-политическую позицию автора или издания, в ней отражаются общественно значимые положительные/негативные тенденции, она стимулирует появление вторичных и третичных текстов за счет актуальности поднимаемых в статье

тем. Классификационная линейка статьи как жанра журналистики достаточно широка – проблемный, общеисследовательский, полемический, тематический, передовой и другие виды статьи.

В советский период особенно популярным и наиболее оптимальным публикационным решением считалась передовая статья, или передовица – «редакционное или (реже) авторское выступление, открывающее основной номер газеты или журнала» [Жанры 1972: 178], имела, как правило, пропагандистский характер, реже – историческую, политическую, теоретическую природу.

М.Н. Ким выделяет четыре разновидности статьи, направленные на реализацию информационной политики в условиях современных реалий: «1) общественно-политическая; 2) теоретическая ; 3) проблемная (постановочная); 4) полемическая» [Ким, 2011: 349].

Представленные разновидности статьи в контексте парламентской дипломатии пока не получили полноценного включения в масштабный газетный дискурс. Основная причина видится в специфике самой темы с априорными жанровыми ограничениями, свободными от которых может считаться только общественно-политический вид нарратива.

В этой связи общественно-политическая статья широко и активно представлена в практике отечественных государственных и партийных СМИ. Эта тенденция наметилась после окончания вооруженного конфликта (1997 год) в условиях миротворческого процесса, который актуализировал многие социально-политические вопросы нового порядка: государственные стратегии, повышение уровня общественной нравственности, реформирование всех сфер национальной экономики и т.п.

Примером общественно-политической статьи может послужить публикация «Расширение межпарламентского сотрудничества и развитие законодательной деятельности» (Народная газета. 01.06.2021) под авторством Председателя Комитета Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики

Таджикистан по международным делам, общественным объединениям и информации С.С. Фаттохзода:

«*...Задачи парламентской дипломатии Маджлиси намояндагон также открыты и ясно изложены в Концепции внешней политики страны. Согласно положениям настоящей концепции, одним из важных примеров парламентской дипломатии является широкое применение «мягкого потенциала». «Главными акторами межпарламентских связей являются комитеты Маджлиси намояндагон и народные депутаты. Парламентская дипломатия способна подействовать на усиление взаимодоверия между странами, оказание положительного влияния в поиске путей решения различных международных и региональных проблем. Потенциал парламентской дипломатии в данной сфере вытекает из взаимосвязи особенностей официальной и массовой дипломатии, так как ее акторы одновременно имеют и полномочия представлять органы государственной власти, и как полноправные представители»* (https://www.trend.az/casia/tajikistan/3416288.html) *«... отражают суверенитет народа. Поэтому провозглашено, что от имени народа может выступать только Президент и Маджлиси Оли. Маджлиси Оли является единственным коллективным органом, наделённым таким правом. Другим органам государственной власти, осуществляющим деятельность в коллективном порядке, не представлено такое право*» [Фаттохзода 2021: №26].

Парламентская тематика практически не становится предметом теоретической статьи, что объясняется нехваткой у большинства авторов специальных навыков и умений, в частности, по Е.П. Прохорову, «теоретических знаний проблемы, жизненного опыта, умения сформулировать тезисы публикации и соотнести их с фактами, следуя избранной концептуальной линии» [Прохоров 2009: 137].

Печать советского Таджикистана в основном была представлена материалами с явно и ярко выраженной теоретической марксистско-

ленинской риторикой. Незначительным по содержанию и количеству был модуль, освещавший внутреннюю и внешнюю политику республики. Государственный суверенитет несколько сместил, но не исключил теоретический вектор в публикациях о политике. Думается, такой подход уровнял баланс теории и практики, что особенно важно для государственных изданий, поскольку «аналитические рассуждения относительно научной обоснованности выбора идейно-политического, социально-экономического или духовного развития общества» [Акопов 1996: 36].

Примером такое баланса может послужить статья «Большая Евразия»: на пути к общему будущему». В нарративе два смысловых блока: в первом, начальном, автор придерживается тактики общественно-политической статьи – рассуждает об укреплении европейско-азиатского конструктивного сотрудничества.

В завершающей части статьи характер размышлений приобретает четко выраженную теоретическую направленность – мысль сводится к прогнозам развития межпарламентских связей. То есть автор рассматривает уже не настоящее, в объективе его внимания – будущее. Процитируем этот момент: «*Роль парламентов в определении ключевых направлений политического и экономического развития государств послужит серьезной основой для поиска общих точек взаимодействия и взаимоприемлемых решений на региональном и континентальном уровнях. Главными элементами повестки дня могут стать: – согласование основных принципов экономического развития Евразийского пространства. – обсуждение алгоритма диалога через культурно-гуманитарные связи и развитие межпарламентского взаимодействия на Евразийском пространстве. Участие авторитетных парламентариев стран Европы и Азии в работе форума позволит обменяться мнениями по актуальным вопросам современного развития, а также получить видение и практические рецепты по продвижению к жизнеспособной модели «всеобщего выигрыша» для Евразии. Результатом дискуссии, как мы надеемся, должно стать принятие итогового документа –*

Совместного заявления спикеров, – которое отразит взгляды парламентариев на дальнейшее развитие евразийского континента на пути к нашему общему будущему» [Нигматулин 2019: №35].

б) Корреспонденция как журналистский жанр отличается достаточно широким диапазоном определений. Для В.Д. Пельта, например, это аналитическая разработка актуальной темы «на конкретном материале, взятом в сравнительно нешироком масштабе» [Теория 1980: 256].

Функционал корреспонденции, по Г.В. Колосову, сводится к «обобщению фактов действительности, выявлению тенденций их развития, постановке вопросов, выводам, предложениям, как и кому решать поставленные вопросы» [Колосов 1987: 19].

Для Н.В. Бергер – это «переходной жанр между журналистикой новостей и аналитическими жанрами ввиду а) ярко выраженного событийного начала, б) взятого из жизни факта, обладающего высокой новостной ценностью, в) анализа события или факта, выводов и поиска путей ее решения, г) пространственно-временной локализации» [Бергер 2006: 83]. Более того, все эти параметры соответствует «методу журналистского расследования, всегда имеющего конкретный ‘адрес’» [Бергер 2006: 83].

Корреспонденция была активно циркулировала в отечественной печати до 90-х годов, что объясняется «насущной потребностью коммунистической печати не только в доходчивом и ярком сообщении тех или иных фактов, но и комментировании, политической их оценке » [Жанры 1972: 141].

Жанр корреспонденции продолжает оставаться средоточием фактов, актуальных событий и явлений, но в некоторой степени лимитирует познавательный потенциал, что сужает масштабность выводов, в отличие от статьи [Ким 2011: 342]. Но при этом только корреспонденция раскрывается причинно-следственные связи описываемых событий и явлений, что дает возможность «обнаружить некие тенденции и закономерности» [Ким 2011: 342].

Перенося эти положения в плоскость заявленной темы, отметим, что освещая какой-либо аспект детальности Национального парламента, журналист как бы реконструирует событие, тем самым давая аудитории возможность выявить гипертекстуальные линки, но при этом пытаясь быть оперативным, конкретным, объективным, корректно применять общетеоретические методы познания для линейного и вертикального выстраивания суждений и логических умозаключений. П.А. Просецкий и В.А. Семиченко относят к этим методам

«1) анализ – сегментация предмета или явления с целью определения его характерных частей, признаков, свойств;

2) синтез – соединение отдельных элементов частей, признаков в единое целое;

3) абстрагирование – выделение реальных и нереальных признаков, связей и отношений, в результате чего разрабатываются понятия, модели, теории, классификации;

4) конкретизация сродни дедукции – переход, возврат от общего понятия к частному;

5) индукция – переход от частного/единичного к общему;

6) моделирование – замена изучаемого предмета, явления на его аналог и исследование этой упрощенной модели» [Просецкий 1989: 30].

Подходы и приемы аналитической корреспонденции позволяют выявлять закономерности и оптимальные меры по решению очерченного блока проблем. Именно поэтому в «аналитике» противоположность имеет существенное композиционное и позиционное значение и осуществляется согласно протоколу: а) из всего массива фактов выбрать наиболее противоречивые; б) сравнить точки зрения и позиции, что сформирует авторский взгляд на проблему; в) выявить закономерности; г) изложить выводы, рекомендательного характера.

«Это меньше всего императивная формула типа «надо», «следует», «необходимо». Вывод – это и не элементарная констатация положительных и

отрицательных результатов осуществленного исследования. Вывод в корреспонденции – это четкое указание путей решения обсуждаемого вопроса (реже – сама постановка вопроса)» [Колосов 1987: 47].

Тезис как основополагающий элемент публикации придает журналистскому сочинению аналитические очертания, в связи с чем любые выводы в аналитической корреспонденции тяготеют к соблюдению определенного алгоритма структурирования материала – «тезис – аргумент – иллюстрация – вывод». При этом, однако, присутствует риск превращения материала в абстрактную демонстрацию авторских рассуждений; избежать этого помогут иллюстративные примеры объективной действительности.

А.А. Тертычный настаивает на том, чтобы в зуме аналитической корреспонденции находилось только одно событие / факт / явление, и именно «оно всесторонне обсуждается, выявляются его качества, ему выносится оценка, прогнозируется его развитие, указываются его причины» [Тертычный 2000: 102]. Практика отечественной парламентской журналистики сводит этот принцип к репрезентации результатов какого-либо события, а сам жанр аналитической корреспонденции в ракурсе парламентской тематики встречается крайне редко, даже в профильном издании «Садои мардум». В этой связи исследование особенностей данного жанра, сопоставление приемов создания текстов данной категории, выявление структурных и композиционных характеристик представляется весьма затруднительным. Можно лишь констатировать факт наличия данного жанра в отечественной периодике и привести немногочисленные примеры.

В частности, предметом нарратива «Маҷлиси намояндагон. Таъсиси гурӯҳҳои дӯстӣ бо парлумонҳои Осиё ва Аврупо» («Маджлиси намояндагон. Создание дружеских групп с парламентариями Азии и Европы») (Ҷумхурият. 4.09.2020) стало очередное заседание Парламента Таджикистана под председательством Махмадтоира Зокирзода – председателя Маджлиси намояндагон. Вначале корреспонденции сообщается о самом событии – рассмотрение Соглашения о сотрудничестве государств-участников

Содружества Независимых Государств в области предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Далее всесторонне обсуждаются перспективы межпарламентского сотрудничества, выявляются его качества: «*...политически межпарламентское сотрудничество выгодно руководству республики: такие события получают широкое освещение в мировых СМИ как демонстрация важной роли Таджикистана в международных отношениях*» [Сафар 2020: №169].

Далее следует авторская оценка ситуации и на основе выявленных причин делаются соответствующие прогнозы: «... *В большей степени предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций остается пока прерогативой профессиональных дипломатов, что совершенно оправдано. Вместе с тем наряду с нарастанием общей открытости политических процессов, информатизацией развивающихся форматов коммуникации и ростом числа негосударственных игроков в международных отношениях участие парламентов в переговорах в условиях конфликтов и кризисов становится весьма востребованным. Современный парламент – это институт, постоянно совершенствующий практику дипломатических переговоров*» [Сафар 2020: №169].

В заключительной части подводятся итоги события: «*На заседании депутаты предложили присоединиться к национальным группам Межпарламентского союза, Парламентского союза Организации исламского сотрудничества, Ассамблеи азиатских парламентов, Генеральных комитетов Парламентской ассамблеи ОБСЕ, делегациям Постоянных комитетов ОДКБ Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также инициировали создание групп сотрудничества Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан с Европейским Парламент, Национальным советом Афганистана, представителями Королевства Бельгия, Меджлисом Исламского совета Исламской Республики Иран, Риксдагом (парламентом) Королевства Швеция,*

Парламентом Шотландии, Палатой представителей Австралии» [Сафар 2020: №169].

Авторские выводы являются традиционным для корреспонденции завершением. В анализируемом материале журналист предстает в двух ипостасях – и как аналитик и каак комментатор.

В таджикской прессе аналитическая корреспонденция отличается неокончательными / промежуточными / двойственными / неоднозначными выводами. При этом поводов для негативной оценки, как нам кажется, нет, поскольку природа этого жанра предполагает одноразовость публикации, следовательно, открытость финала вполне закономерна, естественна. Например,

«*В качестве возможных инициатив Маҷлиси намояндагон Маҷлиси Олӣ Республики Таджикистана по активизации внешнеполитической деятельности можно назвать следующие: 1) предложения об урегулировании существующих конфликтов и противоречий через механизмы межпарламентского сотрудничества или в смешанном формате (представители исполнительной власти совместно с парламентариями); 2) организация контактов с зарубежными политиками, не представляющими официальную власть*» [Сафар 2020: №169].

в) Комментарий. Принято считать, что комментарий имеет прозападную политическую природу и стал частью прессы уже в постсоветский период. Он был чужд и советской таджикской печати, поскольку жесткий регламент не позволял реализовать главную его задачу – не просто и не только сообщить о событии, а «разъяснить суть новости и оценить событие по каким-либо критериям» [Колесниченко 2008: 73].

В советской публицистике «публицистический комментарий» и «заметки публициста» не использовались в качестве самостоятельного жанра, хотя и не находились на журналистских задворках. Незаслуженное ущемление прав этих жанров объясняется их близостью со статьей – «публицистический комментарий» и «заметки публициста» считались разновидностью статьи или

ее дополнением [Жанры 1972: 194]. В постсоветских государствах произошла естественная трансформация жанровой системы журналистики, обусловленная относительной свободой авторов в выражении мнений практически по любому инфоповоду. «Отсюда – повышение статуса комментария, который из разновидности статьи превратился в самостоятельный жанр, – пишет Л. Кройчик. Отсюда же появление в качестве полноправного жанра – колонки, то есть рубрики, персонально закрепленной за конкретным журналистом» [Кройчик 2000: 131].

На заре государственной независимости большинство социально-значимых вопросов освещались в ареале жанра «комментарий». В этом жанре опубликован материал Т. Расулова «Нужен ли профессиональный парламент?» в «Садои мардум» от 25 января 1992 года. Автор анализирует Декларацию о суверенитете Таджикской ССР, принятую 24 августа 1990 года, апеллируя тем, что «государственная власть в Таджикской ССР осуществляется по принципу ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную» [Расулов 1992: №12].

Акцент журналиста на этот важнейший принцип парламентаризма подкрепляется (здесь конституционными) фактами – «официальное объявление республики демократическим, правовым и светским государством; признание человека, его прав и свобод высшей ценностью в обществе; признание народа носителем суверенитета и единственным источником государственной власти; закрепление политического и идеологического плюрализма и т.д.» [Расулов 1992: №12]

Демократические преобразования исследуемого периода обусловили актуальность комментария и кратно расширили его тематический диапазон. Интерес таджикских журналистов к комментарию связан с социальным заказом общества. Популярность жанра также объясняется обязательным его подкреплением анализом и фактами, в отличие, например, от реплики, основу которой составляет персональное отношение автора к предмету публикации. Так, в комментарии «В Москве обсуждены вопросы наращивания

парламентских связей Таджикистана и России» под авторством М. Бобоходжиева предпринимается попытка оценить важность проведения шестого заседания Комиссии по сотрудничеству Маджлиси Милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Вначале используется факт – проведение указанного заседания. Далее следует комментарий, содержащий анализ роли парламентской дипломатии в реализации внешнеполитических стратегий Республики Таджикистан. М. Бобоходжиев констатирует, что «*в последние годы внешнеполитическая деятельность Республики Таджикистан заметно активизировалась… заметна интенсивность контактов и взаимовыгодного сотрудничества в самых различных форматах*» [Бобоходжиев 2016: №27].

После идет объяснение причинно-следственных отношений: «*Политика нашей республики осознанно направлена на реализацию национальных интересов в мире и создание позитивного имиджа государства как стабильного партнера, открытого для взаимодействия со всеми странами, а также как проводника идей развития многосторонних отношений*» [Бобоходжиев 2016: №27].

Структура материала представлена по схеме «факт + комментарий», хотя допускается реверсный вариант «комментарий + факт». Его мы наблюдаем в комментарии «Дурнамои рушди ҳамкорӣ бо Аврупо парламентом» («Перспективы развития сотрудничества с Европейским парламентом») (Садои мардум 2.11.2019); вначале идет авторский комментарий о важности сотрудничества Таджикистана с международными представительными органами, в частности Европейским парламентом: «*Однако без стабильной ситуации в регионе эти цели не могут быть достигнуты*, – пишет автор. – *Заседания межпарламентского комитета, проводимые ежегодно, являются свидетельством дальнейшего расширения сотрудничества между Таджикистаном и Европейским Союзом. С другой стороны, это своего рода программа, в которой рассматриваются актуальные вопросы политического, экономического и социального*

характера. Отрадно, что эта встреча состоится в то время, когда Европейский союз утвердил новую стратегию взаимоотношений со странами Центральной Азии» [Атобуллоев 2019: №132].

Далее следуют факты, подтверждающие всестороннее развитие сотрудничества Таджикистана с международными структурами: *«1 ноября 2019 года председатель Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Шукурджон Зухуров встретился с делегацией Европейского парламента под руководством Фулвио Мартушиелло, прибывшего в Таджикистан с рабочим визитом. В ходе беседы было подчеркнуто, что Европейский Союз является важным международным партнером для Таджикистана, и налажено сотрудничество с европейскими партнерами, особенно в сферах экономики, безопасности, образования и культуры*» [Атобуллоев 2019: №132].

Исследование показало достаточность имеющейся жанровой палитры парламентской журналистики для достоверного отображения многогранной деятельности Маджлиси Оли. Основу рассмотренных нарративов составляют факты, подтверждающие различные аспекты явлений или процессов. Положительных отзывов заслуживает стремление отечественных журналистов не только к констатации, но и к всестороннему сравнительно-сопоставительному анализу, комплексной оценке и комментариям, что позволяет установить закономерности и эпизодичность/спонтанность отдельных тенденций в деятельности законодательного органа власти и реализации редакционной политики изданий как механизма, обеспечивающего функционирование диалоговой модели между парламентом и СМИ.

3.3. Жанрова палитра материалов электронных СМИ, освещающих международную деятельность парламентариев

На сегодняшний день электронные средства массовой информации являются наиболее прогрессивной и перспективной платформой для развития журналистики. Более того, они обладают тенденцией к совершенствованию уже функционирующих форм. Сфера электронных СМИ предполагает априорное наличие высокой степени профессиональной эрудиции, навыков работы с инновационным инструментарием журналистики, иноязычную подготовку. Эти критерии обусловлены самой спецификой журналистской деятельности в условиях инновационно-технологического развития – общение с аудиторией посредством радио- и телепередач, интернета в рамках определенного жанра.

В современной журналистике наблюдается динамичный процесс жанрообразования. Замена одних жанров на другие, их трансформация, взаимодействие и синтез продиктованы социальными преобразованиями, ведь, как отмечает А.Н. Тепляшина, «жанр фиксирует сдвиги в духовной жизни общества и меняется вместе с ней» [Тепляшина 1997: 19]. Следовательно, справедлива и обоснована ремарка о неспособности прежней типологии жанров журналистики справляться с задачей по адекватному, полному, объективному отражению современных реалий.

Беспрецедентный уровень развития всех сфер современного общества предопределяет появление новых видов жанра, опровергая теорию об их догматичности. Сегодня исследователи фиксируют переплетение и взаимовлияние всех жанровых форм, размывание границ между одними жанрами и четкие дифференциальные признаки у других. Однако в любой проекции задача всех жанровых форм заключается в воздействии на мышление людей, которое меняется с течением времени, заставляя трансформироваться и жанрообразовательные нормы.

М.М. Бахтин настаивает на необходимости учета жанровых изменений, поскольку «каждая эпоха задает тон определенным жанрам» [Бахтин 1994: 103]. И любая полемика о границах по сути является утверждением новых жанров. Например, устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний были выделены М.М. Бахтиным как «речевые жанры». Расширение жанрового многообразия обусловлено приматом бизнес-ориентации практике современных аудиовизуальных СМИ. Погоня за аудиторей демонизирует понятие «рейтинг» как индекс успешности СМИ. Негатив видится в депопуляризации информационных и высоко информативных программ, а лидерами эфира становятся развлекательный медиасегмент со специфическим контентом, интонацией и акцентами [Князев 2001: 45].

Экстраполируя проблему жанров на отечественные аудиовизуальные СМИ, отметим, что развитие таджикского радио и телевидения проходило в рамках традиционных жанров. Повсеместная и многоуровневая модернизация, основанная на инновациях, совершенствует техники и приемы объективации реальности, трансформирует вещательные паттерны, приближая их к американскому, западноевропейскому и российскому типам, а значит изменяет саму эстетику аудитории, для которой перестали быть чуждыми ток-шоу, экранные игры и прочие продукты жанрового синтеза, в частности «модификации жанра интервью» [Мирзоева 2017: 137]. Однако несмотря на эту «жанровую» комплексность и неоднозначность основу медиа-продукта составляют устойчивые признаки фундаментальной классификации жанров, представленной тремя группами:

1) «информационные/новостные (сообщение (видеосюжет), отчет, выступление (монолог в кадре), интервью, репортаж);

2) аналитические (комментарий, обозрение, беседа, дискуссия, ток-шоу, пресс-конференция, корреспонденция);

3) художественно-публицистические (очерк, зарисовка, эссе, сатирические жанры (памфлет, фельетон)» [Юровский 1998: 175].

С опорой на данную общепризнанную классификацию будет предпринята попытка установить, в границах каких жанровых форм осуществляется подача материалов, отображающих внешнеполитическую деятельность Парламента Таджикистана.

а) Телевидение. Известно, что первоисточником телевизионных жанров являются их печатные аналоги, а новую сущность определила звучащая речь, дополненная видеоизображением. Эти две составляющие телевидения запустили процесс модернизации хрестоматийных жанров и создание новых форм. Большинство телепередач – это соединение различных жанров, то есть «синтез жанров» [Карапетян 2007: 215]. Мы обосновываем этот процесс переплетением и взаимовлиянием функций телевидения – информационной, рекламной, социальной, экономической, культурно-просветительской, образовательной, развлекательной.

Эту же идею находим у М.А. Мясниковой: «Телевидение – это синкрез, то есть нерасчлененное единство, при котором оно одновременно считается искусством, средством массовой информации и коммуникации, социальным феноменом и мифологической моделью мира» [Мясникова 2009: 190]. Автор приходит к выводу, что по-своему интерпретируя образы, «современное телевидение выработало свои, свойственные только ему формы и жанры (телеспектакли, литературные обозрения, музыкальные клипы и т.д.), которые соответствуют основным критериям искусства» [Мясникова 2009: 191].

При этом популярная идея о рассмотрении телевидения в контексте искусства не может и не должна восприниматься однозначно, поскольку разница между этими двумя институциональными образованиями очевидна. Ведь телевидение в отличие от искусства – это лишь «фиксация и интерпретация социокультурной действительности, перенос ее на экранные образы, формирование экранной «реальность» и тиражирование» [Уразова 2011: 49].

Таким образ, синкрез телевидения восходит к общей теории журналистики, а собственно жанры телевидения находятся в прямой зависимости от четырех факторов:

«а) признаков и отображения предмета (объекта) познания;

б) познавательно-воспитательных задач;

в) масштабов обобщений и выводов;

г) выразительно-изобразительных средств» [Юровский 1998: 174].

Руководствуясь этими факторами, предлагаем обозначить телевизионный жанр как константно меняющуюся форму отображения действительности, которая несмотря на трансформации и эволюционные процессы, сохраняет устойчивые классификационные признаки, по которым можно классифицировать творческий продукт по типологическим, организационным, фактическим параметрам.

Основа жанрового деления опирается не только на меру типизации. Здесь учитывается также способ отражения реальной действительности, функциональные особенности тех или иных передач, их частей, тематическое своеобразие, технические условия создания телевизионного контента. Также следует заметить, что для современного таджикского телевидения, перешедшего на цифровой формат вещания, жанровая структура имеет практическое значение: жанровая сегментация телевизионного контента важна не только с содержательной, но и с технической точки зрения, поскольку от этого во многом зависит технологическая составляющая производства.

Таджикское общество всегда воспринимало телевидение как значимый и знаковый фактор развития политико-экономической, культурной и социальной сфер, поэтому и тележурналисты «ощущают себя людьми государственными и свое служение Отечеству видят в том, чтобы «управлять общим мнением» (по А.С. Пушкину)» [Ковалева 1996: 8], поскольку владеют самым ценным активом – информацией.

Аналогичного мнения придерживаются ряд отечественных исследователей. В частности, А. Саъдуллоев и С. Гулов отмечают стратегическую роль информации, называя ее «действенным обучающим фактором» [Саъдуллоев 1997: 27].

Информация (устная или видеосюжет) занимает особое место среди жанров журналистики, при этом ее отличительные особенности зависят от опорного медиа-сегмента – телевидение, радио, печать. Так, например, телевизионная информация не только сообщает о событии, но и делает аудиторию непосредственным его участником.

Цель информации сводится к ответу на три главных вопроса: что? когда? где? На телевидении жанр информации представлен в форме аудио и видеосообщения. Но при любой дефиниции информация неразрывно связана с понятием «новость», которая тоже отличается объемным дефиниционным охватом.

Уолтер Липман, например, рассматривает новость как «отчет о том, что видят глаза» [Липпман 2004: 23]. Эверетт Денис и Джон Мерил понимают под новостью «сообщение, в котором раскрывается новое современное видение на событие, его процесс относительно конкретной проблемы» [Дэннис 1997: 205].

Для З. Муминджонова новость – это информация о том, что?, кто?, где?, когда? совершил, представленная в рамках одного предложения. Далее эта новость-предложение «подвергается пояснению, анализу и оценке» [Муминджонов 2013].

Не менее важным вопросом является форма подачи информации. Традиционно ее выбор коррелирует с авторским видением публикуемого материала, что не позволяет вести речь о его абстрактном характере, несмотря на хрестоматийные табу на субъективизм в деятельности журналиста. Однако следует признать, что добиться этого в полной мере практически не представляется возможным ввиду разницы в темпераментах, убеждениях, личностном восприятии происходящего, образовании, индекса культурного

развития и прочих характеристиках журналиста. Единственным сдерживающим фактором может стать профессиональная этика и четкое следование канонам написания журналистского произведения: 1. фабула должна привлекать внимание масс; 2. язык нарратива не должен быть перегружен наукоемким содержанием.

На республиканском телевидении исходной новостной формой является информационное (хроникальное) сообщение – предельно сжатое, лаконичное информативное изложение фактов, лишенное оценочности. Этот жанр не допускает ни одного признака индивидуального стиля автора материала, что делает его стилистически абсолютно нейтральным. Для примера обратимся к некоторым фрагментам новостных программ «Ахбор» (телеканала «Тоҷикистон») и «Навид» (телеканала «Сафина»), где представлена устная телевизионная новость.

«Студия. В кадре телеведущий: *Вопросы сотрудничества между Таджикистаном и Беларусью рассмотрены в ходе встречи первого заместителя Председателя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Махмадали Ватанзода и Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в Таджикистане Виктора Денисенко*» [Навид 18.11.2021].

В информационной программе «Паём» информация не сопровождается видеосюжетом, что, согласно требованиям жанра, допустимо. Хотя некоторые теоретики и практики трактуют такую подачу материала как нарушение фундаментальных норм тележурналистики, аргументируя это тем, что информация без видеоряда или картинки имеет «радийную» природу. Однако наблюдения показывают, что подобная практика в целом не противоречит журналистским принципам в части своевременного доведения информации до аудитории, а отсутствие видео не столь критично – оно может быть объяснено техническими проблемами или условиями дедлайна.

Видеоряд, прилагающийся к информации, называют телесюжетом или видеосюжетом, который может быть представлен в двух жанровых формах.

Первая – официально-традиционный сюжет, отснятый оператором (без указаний журналиста) на официальных мероприятиях: совещаниях, пресс-конференциях и т.д. В кадр, который потом монтируется в соответствии с закадровым текстом, должны попасть общий, средний и крупный планы участников.

Вторая разновидность – авторский сюжет– съёмки ведутся в соответствии с уже готовым сценарным планом. Обратим внимание на то, что на каналах «Джахоннамо» и «Сафина» такой сюжет называют «сообщение» или «комментарий», против чего мы возражаем, поскольку, по сути, это обычная форма телевизионной новости. Некорректным считаем и определение «малый репортаж» и «комментарий», поскольку они представляют другую разновидность новостного жанра.

Рассмотрим другой видеосюжет: «Студия. В кадре телеведущий: *На состоявшемся в Душанбе очередном заседании Совета нижней палаты парламента Республики Таджикистан были обсуждены Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Республики Индия об избежание двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы, а также Соглашение между Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о государственной границе. Выступившие по данным вопросам председатель Комитета Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Гулчехра Бозорова и заведующий правовым отделом нижней палаты парламента Шарофиддин Зоиров отметили, что данные законопроекты сыграют важную роль в деле развития национальной экономики РТ и верховенства закона в обществе. Все проекты были представлены для рассмотрения на очередном заседании V сессии Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан III созыва, которое состоится завтра, 25 февраля, в Душанбе*.

Нижняя палата Парламента страны также рассмотрела Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН о создании представительства

Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН в Республике Таджикистан [Ахбор. 24.02.2017].

Текст диктора сопровождается несколькими короткими видеокадрами с места события. Длительность сюжета не превышает 20-30 секунд, что не противоречит принципам тележурналистики.

А. Саъдуллоев считает «сущностным признаком информационного жанра сам факт сообщения о событии, а в публицистическо-пропагандистских жанрах анализу подвергается факт или событие, часы решения которого уже совсем близки, но еще не наступили» [Саъдуллоев 1997: 6].

Отчет, как было уже ранее отмечено, характеризуется так называемой протокольностью при освещения официального мероприятия в виде короткометражного видеосюжета с закадровым комментарием. Строгий порядок изложения в отчете жестко регламентирует «авторское присутствие», не допуская в материале субъективности или значительно сокращая ее степень Рассмотрим один из отчетов программы «Ахбор»: «Студия. В кадре ведущий: «*III Межпарламентская конференция стран Центральной Азии и Азербайджана по вопросам ВИЧ и СПИДа состоялась в Душанбе 9-10 октября».* Видеокадры: Общий план – присутствующие в зале парламентарии. Средний план – председатель совещания. Крупный план – изображение нескольких участников совещания. Закадровый текст: *«Межпарламентская конференция проводилась по инициативе Маджлиси Оли Республики Таджикистан, при содействии Проекта по контролю СПИД в Центральной Азии, Объединенной программы ООН по СПИДу и Регионального Представительства Управления ООН по наркотикам и преступности в Центральной Азии. В работе конференции приняли участие не только депутаты Казахстана, Кыргызской Республики, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и Азербайджана, но и представители заинтересованных государственных структур, неправительственные и международные организации, работающие в области профилактики и лечения ВИЧ и СПИДа. На конференции были обсуждены 2 ключевых вопроса:*

совершенствование законодательной и нормативной базы в области профилактики ВИЧ среди трудовых мигрантов, а также законодательные барьеры доступности эффективной профилактики и лечения ВИЧ для потребителей наркотиков и лиц в местах лишения свободы. Была представлена динамика эпидемии ВИЧ-инфекции в мире и Центральной Азии, а также ситуация по правам на здоровье и доступности услуг по профилактике и лечению ВИЧ для уязвимых групп населения. Депутаты Межпарламентской региональной рабочей группы по вопросам ВИЧ и СПИДа, которая была создана в 2006 году по инициативе Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, представила результаты продвижения законодательной базы в области противодействия ВИЧ-инфекции в своих странах за последний год. По результатам обсуждения ключевых вопросов в тематических рабочих группах была принята Резолюция Межпарламентской конференции, определены конкретные шаги по ее дальнейшему внедрению» [Ахбор 07.10.2008].

Так, отчет хронометражем в 3 минуты (который, надо отметить, по нескольким признакам был идентичен сообщению как жанру журналистики) полноценно осветил мероприятие продолжительностью в нескольких часов. Такая форма активно применяется государственным телеканалом «Тоҷикистон», поскольку, как показывает практика, клиповое мышление, характерное для современного зрителя, «устанавливает» для телевидения свои законы трансляции. Игнорирование новых правил может лишить телевидение массовой аудитории, которая «уйдет» к другим каналам информации, например, на интернет-платформу.

К проблемным факторам этого жанра относится дисбаланс комментария и картинки, а также некорректная подборка кадров видеоряда. Применительно к отечественному телевидению отметим, что эти два фактора несколько снижают «рейтинги» отчета как жанра. Так, например, все рабочие визиты Президента Республики Таджикистан получают активное информационное сопровождение в том числе и в формате отчета. В идеале видеоряд должен

включать важнейшие эпизоды визита, которые должны наглядно продемонстрировать цели поездки, взаимодействие с группой официальных/ответственных лиц, сопровождающих/встречающих главу государства и пр. Однако на практике наблюдается несколько иная картина. Видеоряд отличается шаблонностью: детская политическая декламация в честь высокого гостя, пейзажные и ландшафтные вставки и прочие включения, которые ограничивают трансляцию сути визита для широкого зрителя.

Наличие необоснованных планов можно объяснить неспособностью журналиста дифференцировать внешне схожие жанры краткого отчёта от широкоформатной новости. Хотя А.Я. Юровский, например, не столь критичен; ученый считает, что «отчет должен отражать официальные, социально-значимые события государственного масштаба и предоставлять зрителям со всеми нюансами и в полном объеме, невзирая на их протяженность во времени» [Юровский 1989: 178]. Р.А. Борецкий также настаивает на «показе полной картины события в контексте ответов на вопросы что? где? когда?» [Борецкий, 1998: 20].

Телерепортаж. На наш взгляд, в определенном исследовательском ракурсе вся история таджикской тележурналистики – это история становления, развития и совершенствования этого жанра. В печати репортаж невозможно выделить как титульную жанровую форму, но на телевидении его позиции достаточно сильны. В информационных программах эта приоритетность прослеживается особенно явно, такая популярность связана с минимизацией роли журналиста как посредника и повышение его до статуса участника, что способствует росту кредита доверия со стороны аудитории.

Жанр репортажа в информационных программах используется при освещении политических, экономических, социальных, экологических и культурных тем. В русле политической тематики, как правило, затрагивается в том числе и парламентская дипломатия и здесь особенно важна реализация бинарной цели – представить аудитории и новость, и факт в рамках одного репортажа и одной темы.

Значимая роль здесь отводится структуре сюжета: а) вводная часть – краткая презентация темы; б) закадровый текст; в) синхрон, включающий элемент интервью. «Набрать интервью» и «настрелять картинки» – единицы профессионального дискурса, подразумевающие съемку и выборку релевантных кадров с учетом ракурса и длины (5-6 секунд на один кадр). Качество транслируемого события во многом определяется качеством, количеством и разноплановостью «картинок».

В событийном репортаже отсутствует аналитика как доминанта материала, эта «миссия» возлагается на видеоряд, дополненный комментариями автора и свидетельствами участников. Рассмотрим конкретный пример такого репортажа на канале «Джахоннамо»:

Видеокадры: *зал заседаний Национального парламента, депутаты, работающие в штатном режиме.* На переднем плане корреспондент: «*Сегодня состоялось очередное заседание Постоянной комиссии Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств по науке и образованию, в котором приняла участие и выступила председатель комитета Маджлиси намояндагон по науке, образованию, культуре и молодежной политике Насиба Содики».*

В кадре: Насиба Содики у трибуны, через несколько секунд в фокусе опять журналист: *По ее инициативе рассмотрено типовое законодательство, в частности, «Рекомендации по перспективам типового законодательства в сфере науки и образования» и «Рекомендации по регулированию цифровизации в сфере образования*.

Согласно повестке заседания также проанализированы и рассмотрены новая редакция «Типового информационного кодекса для стран-членов СНГ», «Рекомендации по регулированию использования искусственного интеллекта, в том числе этические стандарты исследований и разработок», а также документы в сфере образования – «Рекомендации по согласованным подходам к развитию системы современного фармацевтического образования в странах СНГ», «Рекомендации по отдельным мерам и поддержке одаренных

детей и молодёжи», «Рекомендации по организации воспитательной работы с родителями и их социальной активности».

Депутаты Парламента также рассмотрели законопроект «О коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в области науки и технологий», типовой закон «О государственной сертификации (аккредитации) субъектов научной и научно-технической деятельности» и приняли соответствующие решения по всем вопросам.

Вместе с тем, сегодня в Таврическом дворце, штаб-квартире Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, прошло заседание Постоянной комиссии СНГ по правовым вопросам, на котором принял участие в виртуальном режиме и выступил депутат Маджлиси намояндагон Равшан Раджабзода» [Хабар 29.10.2021.].

На наш взгляд, этот репортаж отвечает всем требованиям нормы и представлен в традиционной для отечественного телевидения манере. Положительных комментариев заслуживает личное присутствие корреспондента на месте проведения съемок, что создает «эффект присутствия» и для зрителей; в процентном соотношении речь журналиста и героев сюжета сбалансирована.

Рассмотрим еще один сюжет:

Видеокадры: *Зал заседания, за столом для заседаний сидят несколько десятков мужчин и женщин в деловых костюмах*. Звучит закадровый голос корреспондента: «*17-е заседание Молодежной межпарламентской ассамблеи СНГ собрало представителей Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Молдовы, России, Таджикистана и Узбекистана. Часть молодых парламентариев участвовала в диалоге по видеоконференцсвязи, но большинство участников смогли присутствовать в Парламентском центре лично. Среди них – депутаты Маджлиси намояндагнон Маджлиси Оли Таджикистана, постоянный представитель РТ в Межпарламентской ассамблее СНГ Бахтовар Сафарзода и Зоир Рахмонзода. Открыл мероприятие Координатор Молодежной межпарламентской ассамблеи*

СНГ, член Комитета Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан по противодействию коррупции и судебно-правовым вопросам Мухаммад Валиев. Он представил коллегам доклад о работе, которую провела ММПА в 2020 году, особо выделив активное участие в праздновании 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и принятое в этой связи Обращение к молодежи СНГ, проведение конференции «Молодежь против героизации нацизма» и резонансную реализацию международного медиапроекта «Строки памяти» [Парламент 22.10.2021].

Этот текст накладывается на кадры выступления узбекского парламентария. Репортаж вкратце знакомит аудиторию с ходом каждого этапа заседания, несколько раз в кадре появляется сам корреспондент. Такой сюжетный алгоритм позволяет отнести данный материал к событийному репортажу.

Роль корреспондента сводится к двум процессам – наблюдению и комментариям. Динамичность репортажу придает беседа корреспондента с парламентариями вне зала заседаний.

Как видим, журналистика, в частности парламентская, несмотря на свою политическую природу, является социально ориентированным институциональным органом. Профессор М. Муродов констатирует высокую степень и многогранность влияния журналистики на общество, следовательно, на журналиста возлагается большая ответственность не только за информацию, которую он несет в массы, но и за манеру ее представления, включая выбор стилистических и лексических средств, особенно в контексте освещения политико-экономической сферы» [Муродов 2012: 53].

В телерепортажах образ журналиста, освещающего парламентскую тему, играет весьма важную роль. Его действия определяют исход передачи. Анализ показал, что неполная информация о личностных качествах и профессиональных достижениях и целях героев сюжета делает контент репортажа поверхностным и скудным. Отметим высокую ценность умения парламентского журналиста задавать вопросы, поскольку правильно заданный

вопрос не столько запрашивает информацию, сколько ее несет и, что не маловажно – демонстрирует эрудицию и компетентность журналиста. С удовлетворением отметим, что на телеканале «Джахоннамо» подавляющее большинство передач представлены в этом контексте достаточно уверенно.

Интервью продолжает оставаться одним из самых популярных жанров журналистики, причем как среди самих журналистов, так для аудитории. Учебная и методическая литература выделяет два вида подобных бесед: интервью-мнение и интервью-факт; с типологической точки зрения выделяют интервью «протокольное, информационное, проблемное, интервью-портрет, интервью-анкета» [Юровский 1998:183].

В информационной и аналитической перспективе отечественных телеканалов присутствуют различные формы интервью. Оценивая роль и место интервью в отечественных медиа, Р. Абдусаломова, первый диктор Таджикского телевидения, утверждает, что «интервью используется во всех телевизионных жанрах. Программа, в которой нет интервью и отсылки к общественной точке зрения, – скучна» [Абдусаломова 2002: 88].

На практике, однако, самой распространенной формой является интервью-монолог, особенность которого состоит в том, что зритель не слышит ни одного вопроса, заданного герою сюжета, и только ответы собеседника настраивают на смысловое прогнозирование сути и формулировки этих вопросов и проведение необходимых корреляций, хотя такие репортажи не отвечают классическим требованиям жанра интервью.

В репортажах о деятельности Маджлиси Оли активно используются элементы протокольного интервью. Например, гостем одной из программ «Актуальное интервью» стал чрезвычайный и полномочный посол Таджикистана в России Имомуддин Сатторов, участник 6-го Межпарламентского форума Россия-Таджикистан в Совете Федерации. Вначале репортажа журналист озвучивает инфоповод и представляет своего собеседника: «*В рамках 6-го Межпарламентского форума Россия-Таджикистан в Совете Федерации обсудили вопросы, связанные с развитием*

межрегионального сотрудничества. Подробно об этом поговорим прямо сейчас с Чрезвычайным и Полномочным Послом Таджикистана в России Имомуддином Сатторовым.

– Здравствуйте, господин посол. Итак, таджикские и российские парламентарии встречаются в этом формате уже 6-й раз. Насколько подобный форум является эффективным инструментом для взаимодействия между двумя странами.

– Я думаю, конечно, очень эффективным, когда встречаются на такого уровня совместном заседании комиссии парламента. Межпарламентский форум был одним из первых между нашими странами. Были и другие форматы. И конечно, межпарламентский форум сыграл большую роль в укреплении и развитии двухсторонних отношений между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией. И каждый форум имеет свои особенности. Мы видим, что от форума к форуму мы достигаем реальных результатов. Те решения, которые принимаются, те дискуссии, которые здесь звучат, они придают импульс нашим отношениям. И я хочу особо отметить, что форум, который прошел, был особенным, потому что в этом году было очень много встреч» [Актуальное 25.10.2018].

Такие показатели данной беседы, как присутствие журналиста в кадре, развернутый формат разговора и различные ракурсы съемки позволяют заявлять о его полном соответствии традиционным параметрам жанра интервью.

Диалог, в рамках которого интервьюируемый как эксперт области не делает официальных заявлений (или его ответы не могут считаться таковыми), относят к информационному интервью, где целью является получение определенных сведений, известных конкретному лицу.

Интервью с депутатом Маджлиси намояндагон Гиёсиддином Шарифзода относится именно к этой категории бесед. Предметом разговора в репортаже Нигоры Рахимовой стало заседание Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан с присутствием Всемирного совета

по толерантности и миру Объединенных Арабских Эмиратов. В частности, Гиёсиддин Шарифзода ответил на следующий блок вопросов: «*Что собой представляет парламентская дипломатия?*»; «*Какую роль играет парламентская дипломатия в укреплении и расширении двусторонних отношений между Таджикистаном и Объединенными Арабскими Эмиратами*?»; «*Как Вы могли бы охарактеризовать межпарламентское сотрудничество между Таджикистаном и Объединенными Арабскими Эмиратами в настоящее время?*»; «*Какие перспективы у парламентской дипломатии, в частности в отношении развития межпарламентского сотрудничества между Таджикистаном и Объединенными Арабскими Эмиратами?*» [Сухбати руз 13.02.2015].

Как видим, вопросы отличаются четкостью формулировок, адекватной смысловой нагрузкой, логичностью, фокусом на настоящее, обозримое будущее и отдаленные перспективы. Полагаем, что беседа прошла в конструктивном ключе и повысила репутационные оценки программы.

б) Радио продолжает сохранять свой статус оперативного средства передачи информации, привнося определенные новшества в понятие «радиожурналистика», которую принято считать «видом журналистской деятельности, основанной на использовании технических средств, а также выступающей как совокупность радиопередач в области журналистики и как результат творческой деятельности журналистов» [Минков 2013: 46].

Основополагающий параметр радиожурналистики – высокий уровень оперативности и относительно высокая степень влияния посредством акустики и целого ряда формообразующих (звуковой «материал», не подвергаемый изменениям – слово, музыка, бытовые шумы и внестудийные документальные записи) и стилеобразующих (монтаж, голосовой ритм, звуковая мизансцена, технические способы звукообразования) групп» [Методологические проблемы 1981: 27].

Профессиональные компетенции радиожурналиста складываются из его умения идентифицировать актуальный материал и корректно представить его

аудитории, оперировать фактами и аргументировано доносить свою позицию. Эти и многие другие характеристики деятельности радиожурналиста становились предметом исследования В.В. Лизанчука, В.Я. Мироненко, А.С. Москаленко, В.П. Олейника, Г.Г. Почепцова и других ученых, которые рассматривали этот вопрос в контексте различных специализаций. Отметим, что одной из них является парламентская (радио)журналистика.

Анализ практики радиокорреспондентов, чей профессиональный интерес сосредоточен на деятельности Маджлиси Оли, показывает, что всесторонняя, объективная информация о представительном органе власти определяется общеполитическими факторами и творческим подходом к созданию контента. Присутствие представительной системы власти очевидно во всех сферах жизнедеятельности государства и его граждан, а значит, и аудитории. СМИ же представляют собой практически главный механизм актуализации деятельности этой ветви власти и понятия «парламентаризм». В этой связи парламентская радиожурналистика ответственна за многие социальные функции СМИ. Деятельность радиокорреспондента в парламенте страны можно представить в рамках триады «информировать, выражать, формировать», что объясняется самой природой парламента – Маджлиси Оли – это орган общественного мнения, который не зависит от субъективной позиции журналиста.

Национальным парламентом Таджикистана постоянно создается и распространяется огромное количество документов как для самого органа («Повестка дня»), так и для СМИ («Сегодня в Маджлиси Оли намерены рассмотреть...»). Второй информационный модуль (важный и значительный по объему) представляют законотворческий и социальный пакеты, содержащие меры и решения государственного, регионального, областного, профессионального уровней.

Материалы первого, «парламентского», модуля универсальны, а второго, законодательного и социального, – носят узкопрофильный характер (экономика, политика, здравоохранение, образование, экология и т.д.).

Журналист самостоятельно определяет спектр привлекаемых документальных источников, порядок их изучения, выбирает/формулирует рабочий тезис, что, по сути, представляет собой комплексный аналитический труд, выполняемый в строго ограниченный отрезок времени, причем роль временного фактора здесь значительна, поскольку фрагменты прямых эфиров с заседаний Маджлиси Оли делают материал звуковым документом.

Разнообразие форм и жанров парламентской журналистики вовсе не означает их противоречие общепринятым параметрам, поскольку в основе лежит фундаментальная функция журналистики – отражение и формирование общественного мнения, которую каждая из систем передачи информации решает своими средствами, определенными природой и спецификой коммуникационного канала.

Система современных жанров радиожурналистики, посредством которых транслируется парламентская тематика, представляет собой совокупность динамически связанных между собой жанров, опирающихся на

– социальный запрос общества к СМИ об информировании и запрос общественно-политических институтов к СМИ с целью воздействия на общественное мнение;

– уверенным присутствием радиожурналистики в системе массовых коммуникаций;

– единым типом творчества – публицистическим.

Эти опорные принципы формируют три группы жанров радиожурналистики, выделяемые С. Ходжазодом: а) «документально-художественные (радиофельетон, радиозарисовка, радиокомпозиция, радиорассказ, радиоочерк), б) аналитические (дискуссия, радиообозрение, радиорецензия, радиоинтервью, радиобеседа, радиоречь, радиокорреспонденция, радиокомментарий, письмо, радиорепортаж, журналистское расследование на радио), в) информационные (радиообзор печати, радиоинтервью, радиоотчет, радиорепортаж, радиосообщение, корреспонденция» [Ходжазод 2015] .

По форме звучания в эфире ученые делят жанры на:

– монологические – информационное радиосообщение, радиообзор печати, радиоотчет, радиокорреспонденция, письмо, радиорецензия, радиокомментарий, радиобеседа;

– диалогические – радиоинтервью, радиобеседа, радиодискуссия;

– синтетические: (одновременное включение всех звуковых средств вещания) – радиоотчет, радиокорреспонденция, радиорепортаж, радиорецензия, радиообозрение, радиорассказ, радиофельетон.

Становление и последующее успешное функционирование системы жанров отечественной радиожурналистики представляет собой сложный исторический процесс, зависящий от множества общественно-политических, технических, технологических и других факторов в их стабильной и скачковой динамике в том числе относительно роли радио в системе массовых коммуникаций и в жизни социума, а также трансформации радиожанров в ходе освоения возможностей радиожурналистики.

На нынешнем этапе развития отечественного радио одним из самых популярных жанров стало радиосообщение, или новость. По традиции оно характеризуется краткостью, информативностью и простотой вопросов, однако на практике не все новости удовлетворяют этим требованиям. Рассмотрим новость, которая по отдельным параметрам не соответствует классическим критериям:

«*Представители Совета Межпарламентской ассамблеи Содружества Независимых Государств (МПА СНГ) и Организации Объединённых Наций (ООН) подписали меморандум о взаимопонимании с целью укрепления сотрудничества между двумя организациями в сфере противодействия терроризму и насильственному экстремизму»* [Новости 14.09.2021].

Представленное сообщение в эфире не датировано, что, естественно, вызывает у слушателя вопросы относительно его достоверности и собственно правомерности назвать это сообщение новостью; последнее в этой связи представляется весьма важным.

И.К. Усмонов по этому поводу отмечает, что «событие может стать новостью, если, во-первых, несет в себе новизну, а во-вторых, имеет общественное значение; помимо этого, новость должна иметь под собой реальную почву, а не являться авторским предположением» [Усмонов 2005: 325].

Проанализировав новостной контент, мы разделили его на краткие и подробные новости, и нижеследующие два фрагмента радиоэфира, освещающих одно событие, как нам видится, оправдывают предлагаемую дифференциацию:

Тема: рабочий визит главы государства в Согдийскую область. Первое сообщение вышло в программе «Новости» 29 мая 2021 года в 18:00 часов:

«*Председатель Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Махмадтоир Зокирзода во главе парламентской делегации, в которую вошли председатель комитета Маджлиси намояндагон по международным делам, общественным объединениям и информации Саидмурод Фаттохзода и другие официальные лица Маджлиси намояндагон по приглашению спикера парламента Пакистана Асада Кайсара для участия во второй конференции Парламентской ассамблеи Организации экономического сотрудничества с 29 мая по 4 июня, совершит официальный визит в Исламабад, столицу Исламской Республики Пакистан*».

Видим, что любой уточняющий комментарий или вопрос «утяжелит» нарратив, приведет к его стилистическому перегрузу.

Через день новостная программа «Ахбор» передает следующее сообщение:

«*Сегодня Председатель Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Махмадтоир Зокирзода и сопровождающие его лица, председатель Комитета Маджлиси намояндагон по международным делам, информации и общественным объединениям Саидмурод Фаттохзода приняли участие в заседании Парламентской ассамблеи Организация экономического сотрудничества (ОЭС), которое состоялось в Исламабаде*

под руководством Председателя Национальной ассамблеи Исламской Республики Пакистан Асада Кайсара. На заседании Совета, наряду с другими вопросами, были обсуждены результаты первой конференции Парламентской ассамблеи государств-членов ОЭС, утверждён устав Ассамблеи, инструкции о деятельности Ассамблеи, а также обсуждены место и время проведения очередного заседания организации и приняты соответствующие решения»

Данное сообщение представляет больше деталей поездки отечественных парламентариев и результаты встречи с зарубежными коллегами.

Таким образом, одно событие становится предметом двух равнозначных, равноценных сообщений, отличающихся друг от друга лишь по объему и количеству представленных деталей.

Второй по популярности жанровой формой на отечественном радио является комментарий-пересказ (в частности, радиопрограммы «Тафсири рӯз» и «Шархи вокеъахои байналхалки» («Обзор международных событий»).

Менее востребованным является «собрат» комментария-пересказа – комментарий-беседа с участием экспертов (радиопередача «Точикистон ва чомеаи чахон» («Таджикистан и мировое сообщество»)).

В актуальный жанровый модуль входит и комментарий-реплика – цитирование экспертов с целью прояснения ситуации. Например, за сообщением о том, что «*вооруженные силы Таджикистана держат под контролем ситуацию на границе с Афганистаном, поэтому необходимости в привлечении туда дополнительных сил нет*», последовал комментарий председателя по международным делам, общественным объединениям и информации, доктора политических наук Саидмурода Фаттохзода, который призвал парламентарии других стран оказать содействие в решении проблем Афганистана, поскольку кризис в этой стране является международной проблемой: «*На протяжении всей истории мы разделяли радости и печали друг друга. До тех пор, пока эта страна находится в тяжелом положении, Таджикистан будет на её стороне. Мы всегда искренне поддерживали*

установление полного мира и национального единства в этой дружественной и братской стране, где наши люди говорят на одном языке и имеют общую культуру. Убеждены, что обеспечение безопасности и стабильности в Центральной Азии зависит, прежде всего, от установления мира и стабильности в Афганистане и создания благоприятных условий для его мирного развития» [Ахбор 26.08.2021.].

С. Ходжазод, анализируя «жанровую» динамику на отечественном радио за весь период независимости, уточняет, что начало 2000-х характеризуется «парламентской» активность жанра интервью, то есть при освещении парламентской повестке он был наиболее востребованным, причем не только новостными, но и политическими программами, в частности «Афкор», «Набзи парлумон», «Нилуфар», «Шифо» [Ходжазод 2015].

Печать и радио продолжают оставаться активными фигурами медиапространства республики на предмет использования жанра интервью несмотря на ряд отличительных характеристик режимов их подготовки и публикации/трансляции. К этим признакам, прежде всего, следует отнести:

а) скоростной фактор. Традиционно любая устная речь в диалоговой форме характеризуется одноразовостью предъявления и невозможностью приспособить речь говорящего к своему уровню понимания. Радиоинтервью – не исключение; оно требует от аудитории мгновенной реакции и максимальной концентрации внимания, в отличие от печатного, которое уже в процессе чтения запускает критическое осмысление текста;

б) техническое оснащение. Радиоинтервью требует широкого технического сопровождения, что может негативно отразится на психологическом состоянии неподготовленного интервьюируемого во время записи беседы. Интервью в печати такого дискомфорта не создает в силу своего «постфактум»-статуса;

в) лексические средства. Широкий дейксисный диапазон в который входят в том числе и местоимения, – обыденность для печатного интервью, но болевая точка для интервью на радио и телевидении, поскольку отсутствие

конкретных номинаций усложняет процесс установления гипертекстуальных связей;

г) «редактирование. Прямое или записанное радиоинтервью на порядок ограничивает возможность внести редакторские правки в звучащий текст, исключением является студийная корректировка, в ходе которой вырезаются слова-паразиты, например. В печатном интервью возможности скорректировать нарратив намного шире;

д) участие третьих лиц. Радиоинтервью предполагает одновременное участие целой команды творческих и технических сотрудников. Интервью в печати считается состоявшимся при участии только журналиста и его собеседника» [Ходжазод 2015: 232].

Отформатированное (в записи) интервью занимает достаточно уверенную позицию в клубе других интервью, в силу своих «прослушательских» сущностных характеристик. Приведем пример такой беседы. Вначале журналист сообщает о тематического русле программы, после чего знакомит со своим гостем:

Обмен опытом является одним из направлений деятельности Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, они используют опыт зарубежных коллег. Недавно несколько делегатов вернулись из поездки в США. Нам удалось побеседовать с руководителем группы, председателем Комитета Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан по государственной структуре и местному самоуправлению Абдурахимом Холикзода.

Далее идет само интервью, звучит первый вопрос журналиста:

– Какова была цель поездки?

– Поездка проходила в рамках программы «Открытый мир» в США, в группу входили 3 депутата Маджлиси намояндагон и 3 специалиста аппарата Маджлиси намояндагон. Основная цель заключалась в том, чтобы ознакомиться с деятельностью Конгресса США, и наши впечатления в целом хорошие.

– С кем вы встречались и какие вопросы возникали во время встреч?

– Поездка прошла очень хорошо, и наш план программы был реализован в рамках взаимной выгоды для изучения опыта в атмосфере полного взаимопонимания. Встреча с представителями Конгресса из Штатов Небраска — Джеф Фортенбери, Королина – Девид Прайс, штафферы (советники) делегатов из штата Вашингтон была незабываемой.

– Обычно в процессе такой встречи стороны договариваются о том или ином вопросе или требуют содействия решению существующей проблемы…

– Наша делегация в ходе встреч потребовала от представителей Конгресса решения двух основных вопросов, которые были предложены по согласованию с Посольством Республики Таджикистан в Америке. Во-первых, отмены ограничений товарно-торговых связей с Республикой Таджикистан, принятых в 1974 году под названием «Закон дополнения Джексона и веника», связанных с финансовой монополией СССР и отмененной в отношении некоторых республик СНГ, за исключением Таджикистана, Казахстана и Узбекистана» [Набзи парлумон 15.06.2019].

Основная сложность интервью в записи состоит в удержании интереса аудитории до завершения беседы, что становится возможным только благодаря корректной подборке вопросов, под которой имеются ввиду лаконичность, логичность, четкие формулировки и динамичность.

Передача «Набзи парлумон» (Пульс парламента) (Радиои «Тоҷикистон», эфир от 28.04.2004.) началась с вопроса о мнении гостя программы – депутата Маджлиси Оли Сайдулло Хайруллоева – о «сотрудничестве Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан с профессиональными парламентами зарубежных стран». Личностный характер заданного вопроса определяется целью эфира – в эпицентре не только его политическая карьера, но и жизненные кредо героя.

Недостаток этой программы усматривается нами в лексической загроможденности вопросов, что, на наш взгляд, на порядок сократило

интерес радиослушателей, хотя сам идейный замысел представляется весьма актуальным.

Обращаясь к жанру радиобеседы, следует отметить ее схожесть с газетной статьей, но есть и существенные различия. Например, опорными элементами статьи является прецизионная информация (цифры и факты) и идиостиль автора сочинения, которые должны обеспечить внимание читателя. В радиобеседе опорой становится константный (все эфирное время интервью) характер слушательского интереса.

Разговор на радио с несколькими собеседниками – процесс довольно сложный, многое зависит от умений журналиста вести полилог, проявляя сбалансированное внимание ко всем участникам встречи. В противном случае это невнимание будет расценено зрителем (да и самим участником разговора) как игнорирование отдельных собеседников. В газетной статье такой акцент практически не прослеживается.

Проблемной зоной радиобеседы можно также считать форму обращения журналиста к своим слушателям и к герою эфира. Наблюдения показывают наличие некоторого дисбаланса в триаде «журналист – аудитория – гость программы»; рассмотрим этот вопрос подробнее.

Приглашенным экспертом радиопередачи «Таджикистан и мировое сообщество» (радио «Таджикистан», эфир от 27.03.2021), посвященной 29-летию со дня образования Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, стал политолог Зубайдулло Давлатов, который, не выходя за рамки регламента благодаря грамотному подходу журналиста, смог озвучить основные достижения представительного органа за почти 30-летний период его функционирования. Приведем фрагмент из диалога журналиста с экспертом:

– «Расскажите об истории создания Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств.

– 27 марта 1992 года главами парламентов-учредителей было подписано соглашение, в соответствии с которым Ассамблея была создана

как парламентский орган Содружества. Достигнутое за этот короткий по историческим меркам срок действительно впечатляет. Сегодня Институт – ключевая площадка для обсуждения, обобщения и распространения передового опыта в сфере организации выборов, совершенствования избирательного законодательства.

– Как известно, 29-й год пришелся на в период пандемии. Как это отразилось на деятельности Межпарламентской Ассамблеи?

– Действительно, пандемия COVID-19 оказала серьезное влияние на реализацию наших планов в 2020 году. Тем не менее, даже в этих непростых условиях Ассамблея продолжала активно работать и развиваться, пополняя копилку достижений в области модельного законотворчества и других сферах деятельности. В частности, заседание Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ прошло 27 ноября 2020 года в онлайн-формате. Вела его из Таврического дворца Председатель Совета МПА СНГ, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентина Матвиенко. Одной из центральных тем мероприятия стало законодательное обеспечение мер, принимаемых в государствах — участниках СНГ в связи с пандемией COVID-19.

– Как оценивают в Совете Федерации участие Республики Таджикистан в Межпарламентской Ассамблеи?

– Межпарламентское сотрудничество представляет собой очень важную составляющую межгосударственных отношений. В сложном турбулентном мире роль парламентов растет, приобретает особую актуальность. Поэтому в Совете Федерации готовы развивать с верхней палатой парламента Таджикистана самые тесные отношения. Представитель Совфеда Валентина Матвиенко отметила, что Россию и Таджикистан связывают не только экономические, но и гуманитарные, военно-технические вопросы, а также вопросы региональной безопасности» [Тоҷикистон 27.03. 2021].

За полутораминутный отрезок времени был дан развернутый ответ, отразивший современное состояние представительного органа. Лаконичность и смысловая нагрузка вопросов способствовали полному охвату темы беседы и «удержанию» внимания слушателя.

На радио «Таджикистан» радиобеседа в формате полилога, приравниваемая к формату круглого стола, до 2006 года оставалась весьма распространённой практикой. Эта форма позволяла детально обсуждать актуальные вопросы политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения и пр. Структура радиобеседы в данном режиме практически не отличается от традиционного формата «один на один», за исключением некоторых моментов организационного характера, которые, однако, создают некоторые проблемные ситуации (о них мы говорили выше).

В этой связи мы предлагаем проводить круглый стол на радио в классическом режиме: 1) введение, 2) реализация целей и задач/развитие основной идеи, 3) заключение.

Предложение обосновано успешным опытом программы «Таджикистан и мировое сообщество», в одном их эфиров которой в качестве приглашенных экспертов выступили политологи Рустам Хайдаров, Зубайдулло Давлатов и депутат Маджлиси Оли Хайриддин Усмонзода. Специалисты области говорили об интенсификации парламентской дипломатии в мире. Приведем отрывок из их беседы:

Журналист: *«На совещании спикеров парламентов был затронута проблема кризиса системы международного права. Не могли бы Вы охарактеризовать эту проблему?»*

Рустам Хайдаров: «*Известны случаи, когда нарушался суверенитет, территориальная целостность государств, рушились ранее достигнутые договоренности. Произвольное применение санкций негативно влияет не только на страны, против которых они направлены, но и на все другие государства, на благополучие миллионов простых людей по всему миру*…».

Зубайдулло Давлатов: «*Международной и региональной безопасности по-прежнему угрожает растущий масштаб терроризма, экстремизма, киберпреступности, транснациональная организованная преступность и незаконный оборот наркотиков…*».

Третий участник передачи, депутат Национального парламента Таджикистана Хайриддин Усмонзода, перевел разговор в иную плоскость: «*Понимаем ли, чем обернется выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности? Молчаливо соглашаемся с этим или видим риски и занимаем позицию. Где эта позиция? Какая парламентская организация ее заявила? Если это несет угрозу для всего мирового сообщества, мы должны сделать все, чтобы сохранить мир. Отмалчиваться в этой ситуации недопустимо и опасно. Мы, депутаты, знаем лучше всех, что никакая изолированность не будет никому помогать. Только диалог поможет бороться со злом, манипуляцией и эгоизмом сегодняшнего времени*».

Рустам Хайдаров: «*В данной ситуации в выигрыше оказываются те государства, которые смогут сформировать наиболее конкурентоспособную региональную интеграционную группу…*».

В конце передачи ведущий резюмирует: «*Насколько можно полагать, участники совещания спикеров парламентов разделяют общее видение будущего Евразии как единого пространства мира и готовы продвигать заинтересованный и откровенный диалог о настоящем и будущем континента. Из этого следует, и, я полагаю, мои гости солидарны со мной, парламентарии мира твердо намерены укреплять и развивать межпарламентское сотрудничество в борьбе с терроризмом в соответствии с Уставом ООН и принципами международного права*» [Тоҷикистон 04.11. 2019].

Таким образом, контен-анализ парламентского дискурса на отечественном телевидении и радио в обозначенных хронологических рамках показал явное преобладание в этом поле информационных жанров, что, в

целом, отвечает социальным запросам аудитории. При этом следует признать, что передачи, подготовленные в данном жанре, не лишены недостатков, но свою задачу по информационному сопровождению деятельности Маджлиси Оли они выполняют в полном объеме.

3.4. Жанровая дифференциация публикаций о парламентской дипломатии, размещенных на интернет-платформах

В отечественной теории журналистики для обозначения и описания инструментария по созданию информационного пространства используются термины «средства массовой коммуникации» и «средства массовой информации», под которыми понимаются телевидение, радио, пресса и которые на протяжении всего XX столетия выступали основными модераторами диалога властей и общества. Однако появление компьютера как нового технического средства, а затем Интернета во всем многообразии его функций и возможностей внесло существенные коррективы в сложившуюся систему массовой коммуникации, вывело ее за рамки привычных институциональных образований, трансформировав ее на глобальном уровне.

Такой масштабный характер изменений актуализировал вопрос скоростной и содержательной обработки информации как стратегического ресурса, способного удовлетворить возрастающие потребностей широкой аудитории, которая адаптировалась новым медиареалиям и активно использует доступ к информационным потокам. Ленты информагентств, заполненные аналитическими обзорами по всем срезам политической и социально-экономической повестки, сведения о которых поступают через национальные и международные сетевые медиаканалы. Л. Гаркавая констатирует факт отказа от жесткой субординационной системы централизованных структур и замене ее на гибкие сетевые организации, которые достаточно быстро и уверенно приспособились к инновационному развитию» [Гаркавая].

Претерпел изменения и политический инструментарий журналистского творчества. СМИ, «переосмыслив свою общественно-политическую значимость и высокую степень влияния на сознание масс и мироустройство, начали действовать в более не ограничиваемом пространстве и «новых горизонтах распространения информации», что, естественно, существенно изменило ‘коммуникационный пейзаж’» [Засурский 2004: 53]. На рубеже XX-XXI вв. перед теоретиками журналистики остро встала проблема поиска новых концепций для описания трансформирующейся действительности в обновленных «пространственных» формулировках. В частности, М. Кастельс отмечает, что в современную эпоху «местности лишаются своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в сети или образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест» [Кастельс 2000: 353].

В 1994 году Р.Ф. Абдеев уже говорил о том, что «информация есть материя, круговорот которой приводит к «новому мировому порядку», отраженному в информационной картине мира» [Абдеев 1994: 33]. Сегодня эта идея не потеряла своей актуальности, а, возможно, даже увеличила свою значимость.

Объективное отражение реалий через событийную, личностную и процессуальную призму выступает магистральной линией при разработке параметров информационной выборки для публикации в онлайн как значимой по актуальности и масштабу платформы, представляющей для массовой аудитории одновременно и «пространственную близость, и конфликтность » [Кахужева 2011: 46].

«Интерес аудитории к событиям, непосредственно влияющим на ее жизнедеятельность – рост налоговых и коммунальных выплат, соцподдержка, климатические изменения, конфликты, войны, реформы в сферах здравоохранения и образования, – вполне естественен и предсказуем» [Добросклонская 2008: 96], однако поток научных исследований по вопросам этого интереса достаточно ограничен. В зачаточном состоянии находятся

разработки о жанровых особенностях онлайн-журналистики, до сих пор не вошла в круг научных приоритетов новая теория жанров, где «жанровые изменения и сдвиги изучались бы с типологической точки зрения» [Самадова 2014: 256].

К распределению по жанровым категориям в рамках всевозможных категорий и параметров готов огромный массив классических, офлайн, медиатекстов. Материалы, опубликованные в интернете, тяготеют к дифференциации в рамках своей жанровой системы, которая сегодня не попадает под определения «универсальная» и «однозначная». Размытость, зыбкость и подвижность границ в системе интернет-жанров объясняется а) незавершенностью процесса формирования в нем (интернете. – С.О.) жанров, б) спецификой интернет-коммуникации 3) беспрецедентно высоким уровнем развития интернет-технологий. Константные изменения стиля и средств коммуникации на полях Интернета влекут за собой трансформации жанровой системы, где жизненный цикл отдельных жанров достаточно ограничен по сравнению с их аналогами из офлайн-коммуникации [Горошко 2007: 375].

О системе жанров онлайн-журналистики В.В. Дементьев рассуждает менее критично, поскольку ставит во главу угла их «сущностную связь с формами и жанрами непосредственного, естественного общения» [Дементьев 2010: 281-282], хотя признает утрату интернет-жанрами многих хрестоматийных признаков, которые свойственны традиционным СМИ.

Таким образом, Интернет как один из сильных игроков медиа-пространства обладает полноценной способностью формировать и видоизменять жанры, делать их менее/более актуальными и даже полностью исключать из «жанрового оборота». В целом же сеть стала бинарным функционером – во-первых, она совершенствует жанровые формы, во-вторых, – развивает «теорию виртуального жанрообразования с ее фундаментальными компонентами – описанием, структурой и классификацией жанров» [Горошко 2007: 376].

Диалогическая и информационная сущность свойственна и офлайн-, и онлайн-медиа. Однако абсолютно равные в данной плоскости, эти СМИ кардинально отличаются друг от друга в проекции дефинирования понятия «журналистский жанр». Ситуацию усугубляет подвижность предлагаемых трактовок, которые, в свою очередь, зависят от каждого конкретного социально-политического этапа развития. Приняв это как данность, исследователи разработали мета-дефиницию журналистского жанра: «Элемент метаязыка интегрированных социальных коммуникаций, или своеобразный код, с помощью которого шифруется массовая информация СМИ и дешифруется аудиторией» [Калмыков 2005: 8].

Относительно развития жанров в интернет-СМИ высказываются, как минимум, две точки зрения: 1. Интернет-журналистика располагает тем же набором жанровых форм, каким располагали СМИ до появления Интернета. По данным свободной энциклопедии «Википедия» (признаем, что она не может считаться научным источником, но в контексте разговора об интернет-СМИ как открытой информационной и коммуникационной площадки считаем целесообразным включить в ракурс анализа в том числе и эту открытую платформу), принципиального жанрового отличия между интернет- и офлайн изданиями не существует, исключением считается цикличность выпуска – офлайн-издания выпускаются периодически (раз в день, неделю, месяц), а интернет-издания – по мере появления нового материала.

На наш взгляд, данная позиция аргументирована тем, что изначально интернет-СМИ представляли собой онлайновые версии традиционных изданий, и жанровая система естественным образом «переносилась» в сеть, поэтому вполне логично, что некоторые исследователи интернет-журналистики того периода (например, А. Калмыков, Л. Коханова) [Калмыков 2005: 123] выделяют в сетевой журналистике набор жанров аналогичный традиционным СМИ: «заметка, отчет, интервью, информационная корреспонденция, блиц-опрос, вопрос-ответ, репортаж, некролог; беседа, комментарий, социологическое резюме, анкета, мониторинг, рейтинг,

рецензия, статья, обозрение, обзор СМИ, прогноз, версия, эксперимент, письмо, исповедь, очерк, фельетон, памфлет, пародия, сатирический комментарий и пр.» [Жанры 1972: 3-175; 125-168; 3-253].

По мере освоения интернет-пространства и использования его возможностей в профессиональных и любительских целях, жанровая палитра стала восприниматься иначе. Популяризировалась идея о расширении системы «классических» жанров новыми, ранее не существовавшими. А.П. Аржанов говорит о постепенном, но неминуемом изменении интернет-журналистики и о ее все большей ориентации «на аудиовизуальный характер восприятия информации, ввиду чего она вырабатывает собственные специфические формы, активно начинает пользоваться возможностями, заложенными в Интернет его создателями» [Аржанов 2010: 5-10].

С нашей точки зрения, изменение журналистских жанров вполне закономерно, тем более в условиях прорывных технологических решений, которые видоизменяют каналы и манеру коммуникации. Но при всей очевидности открытым остается вопрос о природе этих изменений и об анфиладе определяющих жанрообразующих признаков.

Эволюция информационно-компьютерных технологий привела к новому уровню диалога журналиста и аудитории – коммуникации в режиме реального времени. Обмен информацией посредством онлайн-ресурсов обусловил стремительное развитие интернет-СМИ. Это многогранное понятие отличается такой же многогранностью определений. В качестве опорной в нашем исследовании мы выбрали дефиницию Л.К. Лободенко; ученый рассматривает интернет-СМИ как «зарегистрированное средство массовой информации, функционирующее в сети Интернет и периодически обновляющее и распространяющее общественно значимую информацию, к которой могут быть применены признаки интерактивности, мультимедийности и гипертекстуальности» [Лободенко 2015: 33].

Отметим, что последние три признака, заявленные в предлагаемой Л.К. Лободенко трактовке, играют важную роль в реализации полноценного

диалога СМИ с широкой общественностью. Благодаря интерактивности, мультимедийности и гипертекстуальности издания расширяют информационную орбиту конкретной новости, а аудитория становиться самостоятельной – пользуется альтернативными информационными ресурсами и сама интерпретирует полученную информацию.

В этом же ракурсе размышляют «отец» теории гипертекста Тед Нельсон, который называет свое детище «системой связи между отдельными документами через встроенные в текст гиперссылки» [Лукина 2005:71], и С.Г. Сабирова, в понимании которой гиперструктура ответственна «за связи текста с другими текстами и дискурсами» [Сабирова 2024: 40].

Гипертекстуальность предполагает полидискурсивность, многозначность виртуального общения, а интернет как «новое коммуникационное пространство, организованное и функционирующее по сетевому принципу, стал платформой сосуществования и взаимодействия многих культурных практик» [Михайлов 2004: 45].

Интертекстуальность также рассматривается как «взаимосвязь между текстами». В частности, Т.Г. Хасанова определяет эту отнесенность как «генерирование соответствующего ракурса понимания аудиторией. Эта особенность добавляет определенную глубину тексту, позволяя оказывать разного рода (в зависимости от целей) влияние на читателя и на уровень понимания им материала, а также на концептуальное восприятие контекста» [Хасанова 2022: 193].

В контексте интернет-СМИ в группу основных понятий входят две единицы:

1. интерактивность – «многосторонний информационный обмен с пользователями (и индивидов, и аудитории)» [Базарова 2011: 151], общение разворачивается в рамках одной площадки, позволяя участникам в режиме реального времени совместно создавать контент через актуальные дискуссии и корректировку их драматургии и фабулы;

2. мультимедийность – разноформатная презентация информации (текст, звук, фото- и видеоизображение), интенсифицирует информационный обмен и повышает уровень понимания контента.

Гипертекстуальность, интертекстуальность, интерактивность и мультимедийность как магистральные линии онлайн-коммуникации предоставляют возможность а) качественно и количественно расширить информацию, 2) применять разнообразные коды коммуникации для выражения разных смыслов сообщения, 3) осуществлять обратную связь в режиме «аудитория – СМИ». Этот потенциал интернет-журналистики как «нового, четвертого вида журналистики, появившейся вслед за печатной, радио- и телевизионной» [Лукина 2005: 71] сегодня используется не в полной мере, несмотря на открытость данной платформы, что ставит перед теоретиками журналистики ряд задач по исследованию особенностей гипер- и интертекстуальности, интерактивности и мультимедийности в совокупности признаков, в отдельных их сочетаниях и в независимости от друг друга.

Исследования новой волны должны коснуться и таких характеристик сетевого сегмента СМИ, как оперативность, возможности архивирования материалов, отсутствие ограничений в периодичность выпусков, географическом охвате, количестве обращений к источнику информации и пр.

Е.И. Горошко выделяет свойства Веб 2.0, обусловившие появление новых коммуникативных моделей:

«- мгновенное и одновременное редактирование;

- совместная работа над любым текстом или проектом;

- практически постоянное общение;

- хранение больших объемов информации непосредственно в сети, а не на электронных носителях;

- легкость в работе с контентом;

- распространение интерфейсов, дружественных для пользователей;

- рост передачи аудиовизуальных данных;

- обнародование любой информации в сети» [Горошко 2010: 113].

Статус интернет-СМИ может получить любой сетевой проект, в той или иной степени отвечающий следующим критериям:

- профессиональный дизайн,
- регулярное обновление информации,
- высокая посещаемость страницы,
- наличие контактной информации
- свидетельство о регистрации в соответствующем министерстве или ведомстве.

В.В. Кулакова относит к СМИ сайты, имеющие постоянное название и адрес, установленную периодичность выпусков и контент которых создается профессиональными журналистами [Кулакова 2007: 11].

Отечественные медиа расширяют зону своего присутствия в глобальной сети преимущественно в трех направлениях:

1) интернет как информационный ресурс для подготовки материала к публикации;

2) интернет как платформа размещения сетевого аналога издания;

3) интернет как полная замена традиционной печатной версии

4) интернет как изначально единственная платформа вещания.

Беспрецедентно высокий уровень развития сетевого сегмента журналистики, стабильное увеличение зоны домена tj, постоянный рост числа интернет-пользователей в стране дает основания приравнять информацию к важнейшим стратегическим активам, а принципы ее производства и потребления считать механизмом эффективизации всех сфер общественной жизни, реализации просветительской функции и исполнения государственных стратегий.

Следовательно, речь идет не об синтагматических изменениях информационной сферы, а о тектоническом «коммуникативном сдвиге» и смене информационной парадигмы, в контексте которой коммуникация перестает быть просто процессом обмена информацией. Произошедшие трансформации заставляют по-другому работать с информацией, создавать

новую природу смыслов через текстопорождение, текстоформирование и текстообмен» [Шилина 2011:108].

Объемные и бесконечно обновляющиеся информационные потоки не могут не отразиться на состоянии таджикской журналистики а значит – таджикского общества. Власти страны признают важность конструктивного диалога с медиа как ключевое условие социальной стабильности. Ежеквартальные или полугодовые отчеты об итогах своей деятельности публикуют все органы государственной власти, посредством этих пресс-конференций СМИ получают беспрепятственный доступ к информации, имеющей государственную значимость.

Значимо и то, что все встречи государственных органов с представителями СМИ архивируются в том числе и в сети и находятся там в открытом доступе. Эта открытость положительно влияет на эффективность действий и мер по реализации Концепции государственной информационной политики Республики Таджикистан.

В построении информационного общества не может быть осуществлено в отрыве от интернет-СМИ. Такая взаимообусловленность связана, по мнению М.Г. Шилиной, с тем, что «интернетизация – это одна из движущих сил повсеместной трансформации, и в первую очередь в информационном поле» [Шилина 2011: 109]. Расширяется орбита отечественных сетевых проектов, входящих в домен tj, оперативно предоставляющих достоверную информацию о внутри- и внешнеполитических событиях в республике.

Информационная продукция, затрагивающая международную деятельность Маджлиси Оли, а также специфика трансляции этой информации такими таджикскими информагентствами, как «Авеста» (avesta.tj), «Ховар» (khovar.tj), «Навид» (navid.tj), «Азия-Плюс» (news.tj), «Озодагон» (catoday.org), представляет один из основных ракурсов нашего исследования. Отметим, что все эти каналы позиционируют себя в качестве альтернативного и более социально ориентированного информационного ресурса по сравнению с газетами «Джумхурият», «Садои мардум» и

«Народная газета», для которых парламентская повестка является системообразующей. Эту их убежденность подтверждает символизм интернет-СМИ, заключающийся в популяризации инновационных способов работы с информацией, включая техническую обработку и скорость порождения вторичных и третичных текстов. Традиционная рубрикация вышеуказанных сайтов дополнена опцией «поиск по сайту» – этот поисковый механизм может не только максимально удовлетворить весь спектр вашего запроса, но и стать поводом для расширения информационного эха.

Мультиязычность (русский, таджикский и английский) этих сайтов (кроме ИА «Навид» – один рабочий язык – таджикский) так же может считаться инновационным решением при работе с информацией. Выбор языковой версии контента исключает любое искажение данных, их неточность и некорректную интерпретацию.

В ходе исследования был выявлен оптимальный комплекс условий, созданный отечественной онлайн-платформой для удовлетворения информационных потребностей аудитории в вопросах деятельности Парламента Таджикистана.

Парадоксально, но фактически вышеперечисленные интернет-СМИ не удовлетворяют положениям дефиниции парламентской журналистики как «специализированной структуры журналистики, учредителем которой является парламент» [Тхагушев 2000: 56]. «Авеста» (avesta.tj), «Ховар» (khovar.tj), «Навид» (navid.tj), «Азия-Плюс» (news.tj), «Озодагон» (catoday.org) – специализированные информационные организации / службы / центры / агентства, обслуживающие СМИ, их функционал сосредоточен на информации (политической, экономической, социальной и пр.), одобренной редакциями периодических изданий, телевидения, радио и других учреждений.

Контент- и количественный анализ публикаций на сайтах отечественных информагентств показал качество и масштабность информации о протокольных мероприятиях в рамках парламентской

дипломатии, в частности встречи отечественных депутатов с первыми лицами других государств и представителями зарубежных депутатских корпусов, общественно-политических организаций и движений, религиозных конфессий, с деятелями науки, искусства других стран.

Внешнеполитическая деятельность парламентариев публикуется под заголовками-концептами, транслирующими собственно освещаемое событие. Преимущественно эти заголовки представлены в форме простого распространенного предложения. Эта многоцелевая тактика выбирается намеренно, поскольку название – это стержень новости, оно объединяет и определяет «информативную, композиционную, текстозаместительную, оценочно-экспрессивную, номинативную, текстообразующую функции» [Прохорова 2005: 37].

Приведем примеры стандартных заголовков публикаций на тему внешнеполитического вектора деятельности отечественных парламентариев: *«Таджикский депутат примет участие в подготовке комментария к модельному Налоговому кодексу СНГ» (*«Азия-Плюс, 27.11.2014»*), «Спикер нижней палаты парламента Таджикистана принял молдавского дипломата» (*«Азия-Плюс» от 18.11.2014*)* (www.news.tj), *«Спикер верхней палаты парламента Таджикистана принял посла Великобритании» («*Азия-Плюс» от 29.04.2015*), «Спикер парламента Казахстана принял парламентариев Таджикистана» («*Азия-Плюс» от 27.04.2015*), «Депутаты парламента Таджикистана примут участие в работе стамбульской конференции ОИС» (*«Азия-Плюс» от 19.01.2015*), «Парламентская делегация Таджикистана отбыла в Финляндию» (*Khovar.tj от 2.07.2015*)* (www.khovar.tj) *«Представитель ЮНФПА посетил парламент Таджикистана»* (Avesta.tj от 6.07.2015) (www.avesta.tj)*, «В Душанбе состоялась встреча вице-спикеров парламентов Таджикистана и Польши» (*Avesta.tj *от* 3.07.2015*), «Парламенты Таджикистана и Польши играют ключевую роль в укреплении двустороннего сотрудничества» (*Khovar.tj от 3.07.2015*).*

В домене tj по количественным показателям в контексте новостной продукции о международном аспекте работы Маджлиси Оли лидирующие позиции занимает информационный портал www.news.tj ИА «Азия-Плюс» – 141 публикация из 990 по вопросам внешней политики Таджикистана, или 14,9% от всего объема материалов в рубрике «Сотрудничество» (раздел «Политика»). Приведенная статистика демонстрирует явное преобладание по сравнению, например, с количественными показателями сайта ИА «Озодагон» – 0,2% от общего объема публикаций, с разной степенью интенсивности затрагивающих тему парламентской дипломатии (15 из 5884 публикаций).

Вопрос информационного эха и порождения вторичных и третичных текстов, первоисточником которых становятся интернет-площадка, логично обращает нас к теме архивирования материалов. Исследование показало, что эти сроки у информагентств разнятся: сайт www.news.tj хранит новостную продукцию пятилетней давности, ИА «Авеста» архивирует новости за 11 лет, ИА «Озодагон» и «Навид» – 4 года, www.khovar.tj – 1 год.

Указанные объемы архивов и длительность хранения информации создают впечатление о качественной и количественной масштабности публикаций по парламентской тематике, однако, как показала практика, обозначенные параметры не в полной мере и не всегда отвечают запрашиваемому поиску.

Отметим, что в контексте заявленной тематики анализируемые сайты отличаются только числовыми показателями, в остальном же – жанрово-стилистическая специфика, концептуальность заголовочных комплексов и тематическое пространство нарративов – материалы практически дублируют друг друга, что делает их практически идентичными, что, возможно, объясняется приверженностью парламентской журналистики жанровой хрестоматийности.

Так, протокольность парламентского дискурса обеспечивается за счет лояльности парламентского журналиста в частности и отечественных информагентств в целом к жанру «информационная заметка», которая

«отражает основные черты определенного события или явления» [Усмонов 2009: 15]. Этот «малогабаритный» жанр вобрал в свою орбиту практически весь парламентский дискурс, которому свойственная тематическая, идейно-содержательная и заголовочная тождественность. Такое единообразие свидетельствует об ограниченности ресурсных источников – или пресс-служба представительного органа, или информационные порталов других интернет-СМИ. В итоге с буквально минутной разницей медиа-пространство заполняют десятки идентичных друг другу, стандартных сообщений. Однако выбиваются из этой ленты сообщений-клонов только те, которые прошли авторскую, творческую обработку.

Как видим, специфика этого канала может восприниматься двояко. Однако положительные оценки подобного способа информирования, безусловно, преобладают ввиду целого ряда параметров: а) инновационность, которая позволяет одновременно размещать большие объемы информации; б) пересечение всех информационных потоков на главной странице; в) быстрое обновление; г) навигация для многопараметрального сквозного поиска. Все эти опции представляют преимущественные характеристики интернет-СМИ.

Теорию журналистских жанров составляют различные системы жанровой типологии с особым взглядом на их содержательные и функциональные признаки. В хрестоматийном плане выделяют информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры. Вполне правомерен вопрос обоснования жанровой классификации в интернет-пространстве. Сетевой жанр прессы представляет собой целостную и развитую систему, которую при этом не следует воспринимать как нечто доктринальное или догматическое, поскольку этой системе свойственно (динамическое) развитие и способность адаптироваться к условиям и требованиям современной журналистики. М.Н. Володина предлагает генерализированное описание явных изменений: «модификация некоторых известных жанров и появление новых устойчивых типов публикаций» [Язык 2003: 22].

Эта краткая характеристика дает основания вести речь о структурной динамике комплекса внешних и внутренних связей. М.Н. Ким указывает, что «внутренняя связь между различными жанрами журналистики обусловлена единым типом творчества – публицистическим, а внешняя – потребностями отражения современной жизни с целью воздействия на общественное мнение. Это и есть константа системообразующих характеристик журналистских жанров» [Ким 2004: 9].

Сетевая парламентская журналистика в целом регламентируется основными законами традиционной печатной журналистики, к которым принято относить оперативность, краткость, целесообразность, лаконичность, а также последовательные ответы на четыре главных вопроса: что? где? когда? почему?

Особенно популярными являются жанры с пирамидальной структурой с акцентом на информационный факт. Интернет-публикация предоставит посетителям сайта уникальную возможность перейти по гиперссылкам из основной части заметки к другим материалам, схожим по тематике. Именно эти принципы послужили поводом к тому, что в сетевых изданиях «khovar.tj», «avesta.tj», «asiaplus.tj» стали особенно актуальны информационные и аналитические жанры.

События в новостных заметках на сайтах реконструируются с конечной точки, с указанием появления информации в сети. Иногда дата может быть «расчленена» на часовые отрезки, демонстрирующие внутреннюю последовательность презентации материала, которую избрал автор, что позволяет читателю легко найти обновленную информацию.

Вот как, например, наполняется стандартная информационная лента на сайте НИАТ «Ховар» в соответствии с тематикой отдела «Парламент».

Махмадтоир Зокирзода принял участие в выездном заседании председателей парламентов государств-членов ОДКБ

ДУШАНБЕ, 07.06.2022 / НИАТ «Ховар»/ 6 июня Председатель Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан

Махмадтоир Зокирзода принял участие и выступил на выездном заседании председателей парламентов Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в Ереване, Армения.

Премьер-министр Армении Никол Пашинян принял глав парламентов стран-членов ОДКБ

ДУШАНБЕ, 07.06.2022 /НИАТ «Ховар»/ Во второй половине дня 6 июня перед началом выездного заседания Совета Межпарламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности руководителей парламентов Организации принял Премьер-министр Республики Армения Никол Пашинян.

Махмадтоир Зокирзода примет участие в выездном заседании Парламентской Ассамблеи ОДКБ в Армении

ДУШАНБЕ, 06.06.2022 /НИАТ «Ховар»/ Сегодня утром, 6 июня, парламентская делегация Маджлиси намояндагон во главе с Председателем Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Махмадтоиром Зокирзода отбыла в Ереван, Республика Армения.

Аналогична выглядит информационная лента на сайте ИА «Авеста».

Главы парламентов Таджикистана и России обсудили повестку предстоящего Совета ПА ОДКБ

Avesta.Tj | 24.05.2022 | Спикеры парламентов Таджикистана и России обсудили накануне вопросов повестки предстоящего Совета Парламентской ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. 23 мая председатель Парламентской ассамблеи ОДКБ, председатель Государственной Думы РФ Вячеслав Володин провел телефонный разговор с председателем Маджлиси намояндагон Маджлиси Таджикистана Махмадтоиром Зоиром Зокирзода.

Рустам Эмомали провел переговоры с главой постоянного комитета парламента Китая

Avesta.Tj | 20.05.2022 | Председатель Маджлиси милли, мэр города Душанбе Рустам Эмомали провёл встречу в виртуальном формате с членом

постоянного комитета Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, председателем постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Чжаньшу.

Таджикистан и Малайзия обсудили развитие межпарламентского сотрудничества

Avesta.Tj | 19.05.2022 | Вопросы развития таджикско-малазийского сотрудничества, в том числе межпарламентских связей обсуждены накануне в Малайзии. Посол Таджикистана в Малайзии Ардашер Кодири встретился с главой таджикско-малазийской межпарламентской группы дружбы Ахмадом Назланом Бин Идрисом.

Во всех выше приведенных фрагментах новостных сообщений прослеживается «телеграфный стиль» нарратива, а по форме представления они отвечают требованиям классической заметки.

Эффект сиюминутности новостей в сетевых аналогах традиционных газет достигается практически полным отказом от лексических единиц «Сегодня», «Недавно», «Вчера», что дает возможность сообщению на определенное время остаться активным в новостной ленте. Заметка, как правило, начинается с описания конкретного события, иногда допускаются включение таких единиц, как «только что» или «накануне»: «*Перспективы развития таджикско-саудовского межпарламентского сотрудничества обсуждены* ***накануне*** *в Эр-Рияде, столице Саудовской Аравии*» [Таджикистан 28.10.2020].

Как показал анализ, подавляющее большинство таких материалов отображают события и мероприятия с участием отечественных парламентариев: встречи, круглые столы, пресс-конференции и т.п. В качестве примера приведем заметку «Премьер-министр Армении Никол Пашинян принял глав парламентов стран-членов ОДКБ», кратко раскрывающую суть участия Таджикистана в Организации: «*....развитие практических контактов для формирования и развития общеполитических, правовых и*

организационных мер по борьбе с угрозами при Организации» [Премьер-министр 28.10.2020].

Публикация выполняет роль отчета о встрече, о чем свидетельствует несколько «отчетных» точек – место проведения и название мероприятия, имена его участников и фоторепортаж с места события.

Аналогично выглядит заметка «Спикер Маджлиси намояндагон выступил за расширение сотрудничества с Европарламентом», опубликованная на сайте avesta.tj. Заголовок по сути является изложением содержания заметки, которая отвечает на вопрос «что?», говоря о встрече «*с делегацией Европейского парламента во главе с председателем Комитета по международным делам Европарламента Дэвидом Макаллистером*»; на вопрос «где?» – указывается место проведения встречи – город Душанбе; на вопрос «когда?» называется точная дата – 22 февраля 2022 года.

По правилам перевернутой пирамиды происходит градуальный спад важности приводимых сведений, и на передний план выдвигается второстепенный информационный элемент: «*Председатель комитета Европарламента по иностранным делам Дэвид Макаллистер назвал визит делегации Европарламента в Таджикистан важным для укрепления двустороннего сотрудничества во всех сферах*».

В потоке публикаций о международном характере Маджлиси Оли доминирует фактологическое освещение деловых встреч, совместных заседаний членов межпарламентских организаций. Такого типа сообщения относятся к жанру событийной заметки. Стержневой основой подобного рода заметок, как правило, является фактологическая информация – сведения в виде факта, указывающего точное место, время, имена участников события, произошедшего буквально накануне. *18 июня в рамках своего официального визита в Российскую Федерацию Ш. Зухуров встретился с председателем Государственной Думы Федерального Собрания РФ С. Нарышкиным* [Зухуров 19.09.2019].

«Событийная заметка» – наиболее востребованное жанровое решение для отечественных интернет-СМИ, принимаемое журналистом при освещении парламентской тематики. В контексте околополитического или не политического дискурса популярностью пользуются такие виды заметки, как блиц-портрет (первичное представление о личности героя эфира/публикации), аннотация (уже состоявшееся общественно-просветительское событие), не менее востребованными считаются анонс, мини-рецензия,мини-история, мини-совет, мини-обозрение.

Таким образом, жанр «заметка» несмотря на достаточно широкий содержательный спектр остается той сущностью, которая не настроена на экспрессивно-импрессивное освещение события, но при этом допускает интеграцию отдельных жанрообразующих элементов со свойственными им характеристиками и функционалом.

Структурация публикаций в жанре событийной заметки подтверждает гипотезу об относительной стабильности принципов и концепций жанрообразования даже в контексте малых информационных жанров в онлайн-медиа. Ранее уже отмечалась приоритетность событийной заметки в парламентском медиадискурсе, однако здесь же важно выделить факт межжанровой и внутрижанровой интеграции, что свидетельствует о видоизменении самого жанра в целом и его подвидов в частности. Такая комплексность событийной заметки проявляется в сообщениях о запланированном или возможном явлении / событии / факте. Хотя теоретики относят данную характеристику к анонсу, когда сначала следует факт, а после – информация реализации планов: *«Вице-спикер нижней палаты парламента Таджикистана Назира Гаффорова и депутат данной палаты Нодира Турдиматова **отбыли сегодня** утром в столицу Бельгии. Здесь они **примут участие** в работе стартующего завтра в Брюсселе ежегодного форума женщин-парламентариев мира. Как сообщил ‘АП’ пресс-секретарь нижней палаты парламента РТ Махмадато Султонов, в работе данного форума, который будет проходить в Европарламенте, **ожидается** участие женщин-*

парламентариев со всех стран мира. Султонов отметил, что в рамках своего визита в Брюссель таджикские депутаты также ***примут участие*** *в мероприятиях, посвященных Дню развития Европы. Кроме того, добавил он, представители таджикского парламента* ***намерены*** *провести ряд двухсторонних встреч»* [Депутаты 11.08.2019].

Контекстуальная структура некоторых заметок позволяет идентифицировать эту публикацию как заметку-анонс несмотря на наличие в ней фактологической информации: *«Председатель Совета Федерации России Валентина Матвиенко проведет 23 октября встречу с председателем верхней палаты парламента Таджикистана Махмадсаидом Убайдуллоевым. Ожидается, что по итогам встречи будет подписано соглашение о сотрудничестве верхних палат российского и таджикского парламентов»* [Верхние 28.09.2020].

Отличительной особенностью заметки на сайте ИА «Авеста» является отсутствие фоторепортажа, по остальным параметрам подача информации соответствует структуре заметок, которые публикуются на сайте НИАТ «Ховар». Однако обнаружить принципиальную разницу в структурной организации традиционной заметки в онлайн медиа-ресурсах практически не представляется возможным, поскольку все они отвечают стандартным требованиям высокой оперативности, лаконичности, документальности, максимальной объективности, стилистической нейтральности и принципу перевернутой пирамиды.

Здесь же важно отметить, что уникальность жанру заметки придают элементы гипертекста (гиперссылок) в ее структуре, которые дают читателям возможность, свободно следуя по этим ссылкам, переходить из основной части заметки к схожим по тематике статьям, фотоотчетам, фоторепортажам, к архивным справкам и другим журналистским материалам. Такое технологическое решение кратно расширяет поле информационного восприятия, повышает качество информации, способствует объективной оценке освещаемого события.

Гипертекстовые связи могут быть многоуровневыми, но наше исследование показало, что заметка в рамках веб-жанра преимущественно коррелирует с аналогами, которые представлены традиционными информационными агентствами, пресс-службами мэрии и Маджлиси Оли.

Вечером 24 февраля председатель Маджлиси милли Маджлиси Оли Таджикистана, мэр Душанбе Рустами Эмомали встретился с председателем Совета Федерации РФ Валентиной Матвиенко, прибывшей в Таджикистан с официальным визитом, сообщает мэрия столицы.

Между тем, как сообщает пресс-служба Совета Федерации, в ходе переговоров Валентина Матвиенко подробно проинформировала о позиции и действиях России в связи с кризисом на Украине и необходимостью защиты граждан ДНР и ЛНР [Аслонова 28.10.2020].

Наиболее частой практикой в оформлении гиперссылок является использование цветовой (как правило, синего оттенка) графики для выделения высказывания. В основном текстовом полотне эти цветовые вставки функционируют как дополнительное уточняющее сообщение, которое расширяет пространственные рамки материала и предлагает аудитории сайта возможность обратиться к альтернативным источникам по данному инфоповоду. Такая многогранная проекция, безусловно, нацелена на самостоятельное критическое осмысление аудиторией обсуждаемых событий и явлений. Например, в сетевой версии газеты «Азия-Плюс» представлена веб-заметка «Валентина Матвиенко посетит Душанбе», в лиде сообщается, что «*спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко посетит Таджикистан с официальным визитом 24-25 февраля*», и здесь же дается ссылка на государственное информационное агентство России ТАСС [Валентина Матвиенко 28.10.2020].

Технически жанрообразующий признак интерактивности в веб-жанре заметки обеспечивает равноценный диалог, который можно реализовать посредством специального «окошка» для читательских комментариев к заметке. Коммуникация может состоятся и с помощью линка «пальчик вверх»

или гиперссылки «читайте нас в…» с указанием популярных социальных сетей (Telegram, Facebook, Instagram, Яндекс, ОК и ВК). Последнее, кстати, использует сетевой аналог газеты «Азия-Плюс».

Ценность этой опции в веб-заметке состоит в том, что она позволяет редакции отслеживать актуальные тенденции в общественно-политической и культурной картинах мира потенциальных читателей и характер их информационных ожиданий. На этой базе данных будет корректироваться и структурироваться контент всего сетевого номера.

Наблюдения показывают, что не все отечественные сетевые издания используют гиперссылки и следуют политике интерактивности. Такая же ограниченность усматривается в принципах мультимедийности в веб-жанре заметки – практически отсутствуют изображения, видео- и аудио-сюжеты.

В сетевых аналогах газет «Азия-Плюс» (asiaplustj.info), «Садои мардум» (sadoimardum.tj), «Ҷумҳурият» (jumhuriyat.tj), «Народная газета» (narodnaya.tj), «Фараж» (farazh.tj) и ряда других изданий короткие заметки представлены только в текстовом формате, сопровождаются они, главным образом, фотоиллюстрациями, а не гиперссылками на видео.

Подобная приверженность к текстовым формам обусловлена, как нам кажется, легкостью его оцифровки и обновления.

Информационные сообщения о мероприятиях с участием членов Маджлиси Оли, также, как и в традиционных печатных изданиях, довольно часто имеют форму **отчета**. Структура этого жанра в сетевой версии (аналогично печатной) подчинена детальной презентации события, которая, однако, не исключает произвольного его изложения. Под категорию отчета попадают события, в рамках которых происходит активный информационный обмен (конференции, заседания, симпозиумы, семинары и пр.) и по результатам которых утверждаются планы и решения, делаются заявления, озвучиваются намерения, представляющие особый интерес аудитории СМИ.

Например, межпарламентская деятельность национального представительного органа освещается сайтами asiaplustj.info, НИАТ «Ховар»,

ИА «Авеста» в основном в рамках отчётов, включающих элементы репортажа, интервью, статьи. Рассмотрим типичный веб-отчет «Махмадтоир Зокирзода и Олег Белоконев обсудили вопросы расширения межпарламентского сотрудничества»: «*5-7 апреля 2021 года в Душанбе состоялось 14-е заседание Таджикско-Белорусской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, 15-е заседание состоится в июне 2022 года в Минске. Об этом заявил Председатель Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Махмадтоир Зокирзода в ходе встречи с руководителем рабочей группы Национального собрания Республики Беларусь по сотрудничеству с Парламентом Республики Таджикистан Олегом Белоконевым и его делегацией*» [Махмадтоир Зокирзода 28.10.2020].

Характерным признаком, указывающим на принадлежность нарратива к жанру отчета, является лексическая комбинация со словом «отмечено» («отметил», «было отмечено»): «*Махмадтоир Зокирзода <u>отметил</u>: «Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Республикой Беларусь установлены 5 сентября 1996 года, в этом плане у нас достигнуто хорошее двустороннее сотрудничество. Экономическое сотрудничество между Таджикистаном и Беларусью в основном определяется в рамках работы Таджикско-Белорусской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, созданной в 1999 году, а также принятых двумя странами документов по различным направлениям торгово-экономического сотрудничества*».

<u>Было отмечено</u>, что между двумя странами подписано более 90 договоров и соглашений, что позволит успешно развивать и углублять взаимовыгодное сотрудничество в политической, торгово-экономической, культурно-гуманитарной и других сферах.

На встрече <u>было отмечено</u>, что Деловой совет Таджикистана и Беларуси функционирует с 2011 года. Относительно развиты культурные

связи, налажено сотрудничество в области образования, науки и здравоохранения» [Махмадтоир Зокирзода 28.10.2020].

Подводя итоги встречи, журналист резюмирует: «*В целом нынешнее состояние таджикско-белорусских отношений постоянно развивается. Идет процесс взаимных усилий двух стран по дальнейшему укреплению многопланового сотрудничества в соответствии с возможностями и потребностями обеих стран*» [Махмадтоир Зокирзода 28.10.2020].

Стержневой жанровый элемент выше представленной заметки идентичен репортажу, который, имея публицистическую природу, в свойственной ему манере отражает время и пространство. При этом важно отметить, что время, в отличие от литературоведения, где оно «концептуально», в репортаже характеризуется условностью, дискретностью, поскольку «не соответствует по продолжительности реальному времени описываемого события», но его движение односторонне – от начала описания события к его завершению.

Для журналистского репортажа априорна фиксация непосредственных наблюдений очевидца или участника события. В.В. Ученова, развивая эту мысль, утверждает «структурную строгость и цельность воплощения итогов наблюдения как «цепочки» впечатлений, суммы эпизодов» [Ученова 1982: 59].

Важно уточнить, что и репортаж, и отчет имеют фабульную сущность в силу последовательного описания события или явления, что в сочетании с наглядностью создает эффект присутствия, который «работает» не как имитационный прием, а требует реального присутствия репортера на месте описываемого события.

Следует признать, что онлайн-платформа представила репортаж в новом прочтении, в котором рельефно проявляется его нарративный характер и скоростной публикационный потенциал, что делает репортаж сродни постоянному прямому включению с места событий.

В репортаже также явно просматриваются элементы статьи, которые по своим функциональным особенностям схожи с комментарием: «*Гуманитарные связи между Таджикистаном и Беларусью активно развиваются. За последние годы значительно увеличилось количество граждан Таджикистана, обучающихся в Республике Беларусь, в том числе в рамках созданных совместных факультетов. В настоящее время таджикско-белорусские межвузовские связи реализуются в рамках более 13 договоров. Сегодня в белорусских вузах и колледжах обучается более 1800 граждан Таджикистана*» [Махмадтоир Зокирзода 28.10.2020].

Если говорить отдельно о жанре статьи, то в интернет-версиях печатных изданий она встречается чаще, чем на порталах информационных агентств, которые придерживаются своего основного принципа – оперативно генерировать новостную информацию. Статья по сути своей аналитична, это объясняет внимание к ней со стороны печатных изданий и их интернет-версий. Как показал анализ, принципиальных отличий в структурно-композиционном, содержательном, тематическом планах между статьями о деятельности Маджлиси Оли в печатной прессе и на веб-платформе не наблюдается. По сути, они дублируют друг друга. Разница заключается в особенностях медиа-платформ, то есть в наличии в интернет-изданиях гиперссылок и мультимедийных опций, которыми не обладают печатные версии газет.

Для примера рассмотрим статью на сайте «Народной газеты» «Таджикистан и Россия – две половинки одной души». Структура текста представляет собой системное полотно, содержащее комплекс официальных документальных/фактических положений и авторских рассуждений относительно обоюдной заинтересованности Таджикистана и России «*в сотрудничестве по вопросам региональной безопасности, противодействия современным вызовам, таким как борьба с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и наркотрафиком*» [Лякин-Фролов 28.10.2020].

Затрагивая вопрос о развитии межпарламентских отношений между двумя государствами, автор приводит еще один факт: «*Буквально недавно, в*

феврале этого года состоялся официальный визит Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко в Таджикистан. Под ее непосредственным контролем уже пятый год из России в республику направляются учителя-предметники, чья работа вызывает исключительно положительные отзывы на всех уровнях» [Лякин-Фролов 28.10.2020].

Выбор жанра статьи обоснован тем, что последней свойственна широта теоретических и практических обобщений, глубокий анализ фактов и явлений, четкая социальная направленность. Важность роли этих факторов очевидна. Так, например, А. Калмыков и Л. Коханов, рассуждая о целях по выявлению жанровой типологии публикаций в сети, указывают, что «первое, с чем сталкивается исследователь Интернета в этом вопросе, – это присутствие всего во всем, и в каждом, и везде» [Калмыков 2005: 78].

Эта пространная формулировка подразумевает, что признаки традиционных журналистских жанров (репортаж, очерк, фельетон, корреспонденция и пр.) можно найти в любой сетевой публикации. Однако типичный веб-репортаж или типичный веб-фельетон – явление достаточно редкое.

Грани интернет-журналистики настолько взаимосвязаны и взаимообусловлены, что их масштаб не может не трансформировать журналистику в целом, интегрируя художественные приемы в процедуру подготовки материалов для массовой аудитории и видоизменяя сам стиль работы с массовой информацией. Таким образом, основополагающим принципом современной парламентской журналистики являются оперативно-новостные жанры, а наиболее релевантной площадкой для реализации этих информационных потоков становятся интернет-СМИ, чьи главные характеристики – интерактивность и системное обновление – выступают ключевым отличием online-журналистики от традиционной.

«Оцифровка» журналистских материалов естественным образом видоизменила традиционные жанры а) клиповое мышление как

первостепенная характеристика современной аудитории способствовало сокращению объема публикации, то есть кратному уменьшению количества слов, абзацев, символов в каждом материале с целью привлечения большего числа потенциальных и действительных пользователей сети; б) беспрецедентную популярность в сети приобрела заметка, поскольку она выступает своеобразным инструментом, фильтрующим информационные потоки с целью презентации самого главного; в) наблюдается частичный или полный переход журналистов в блог-сферу, которая открывает новые возможности для реализации творческого потенциала современных авторов (хотя проблемных факторов, по мнению экспертов, гораздо больше, чем положительных).

Интернет позволяет оставаться актуальным, оперативно реагируя на события с участием членов Национального парламента. Новость о деятельности представительного органа страны может быть органично включена в аналитический обзор, связанный с другими материалами посредством гипертекстовых ссылок. Каждое новое сообщение автоматически порождает новый смысловой контекст, где нет четкого жанрового разграничения или ограничений для ведения полновесного диалога в триаде «власть – парламентская журналистика – широкая общественность».

Выводы к третьей главе

Реализация практических целей исследования с акцентом на структуру и жанровую природу текстов парламентской журналистики позволила нам сформулировать следующие выводы:

1. Типологизация новостных нарративов, посвященных парламентской повестке, напрямую коррелирует с их макроструктурой. Эта интеграция не претендуют на многопараметральность, а скорее выступает в качестве контуров к типологии исключительно новостных жанров. Исследовательская перспектива новостного контента парламентского дискурса очевидна, особый

интерес представляет их структурная и жанрово-функциональная сущность, не менее значимым аспектом являются дискурсивные особенности. Механизмы их создания и их функциональную специфику в условиях отечественной медиасферы следует рассматривать как актуальный исследовательский вектор, поскольку данная категория текстов направлена на формирование и развитие «картины дня» в сознании широкой общественности.

2. В ходе детального изучения жанрового своеобразия медиаконтента парламентской журналистики в традиционных печатных, аудиовизуальных (электронных) и сетевых изданиях свое подтверждение нашла рабочая гипотеза о недостаточной и неокончательной апробации разнообразных жанрообразующих признаков парламентской медиа-среды, при этом расширение границ функционирующих жанров и размывание их рубежей в текстах парламентской журналистики все-таки наблюдается.

К наиболее значимым разновидностям можно отнести заметку и хроникальное сообщение, поскольку в них отражен весь спектр деятельности Парламента Таджикистана. Менее востребованной представляется группа аналитических жанров несмотря на достаточно объемную жанровую палитру.

Эмпирический материал исследования показал его обязательную фактологическую направленность в контексте деятельности отечественных парламентариев, при этом все факты и факторы проходят многопараметральную журналистскую «обработку» – анализ, оценку, комментарий, сопоставление, сравнение, что позволяет выявить закономерности и тенденции информационной политики как механизма, обеспечивающего функционирование всей социально-политической системы.

3. Радио и телевидение Таджикистана – ведущие медиа-платформы страны – уделяют пристальное внимание деятельности Маджлиси Оли. Практически ежедневно генерируется соответствующий новостной контент. Следует признать кардинальное изменение базовых требований общества к новостям – сегодня это товар, который подлежит реализации на

информационном рынке. Такое восприятие обусловливает доминирование информационных жанров, в частности заметок и отчетов, что мы и наблюдаем в печати.

Аналитика на радио и телевидении хотя и объективирована меньшим объемом, в целом, представляет достаточно качественный контент, опирающийся на практику привлечения экспертов-политологов и представителей депутатского корпуса. Тем не менее место аналитических жанров (в частности, журналистское расследование) в отечественном радио- и телевизионном дискурсе остается вакантным. Современную аудиторию характеризует достаточный уровень критического и аналитического мышления, вследствие чего она не приемлет принципа «сухих» новостей и ратует за присутствие в сочинении авторской позиции журналиста, наличие экспертного заключения, что, в целом, соответствует современным мировым медиа-стандартам.

4. «Парламентский» контент сетевых изданий и сайтов информационных агентств тяготеет к информационным жанрам. Такая тенденция обоснована спецификой коммуникации в веб-среде, для которой характерно оперативное движение смыслов в социальном времени и пространстве на базе актуального фактологического материала. Онлайн и печатные СМИ сохраняют жанровый приоритет за заметкой, хроникальным сообщением и отчетом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коммуникационная сущность власти априорна, поскольку последняя объединила в себе функциональную триаду – быть субъектом, объектом и средством информационной коммуникации, значение которой сложно переоценить в условиях разноплановых рисков и вызовов современности.

Важным представляется плотное конструктивное взаимодействие всех ветвей государственной власти и гражданского общества, чей диалог может быть реализован средствами парламентской журналистики – институционального образования, от которого в большой степени зависит успешность реализации национальных стратегических целей и задач.

В ходе исследования, направленного на комплексное изучение становления и развития парламентской журналистики в Республике Таджикистан в контексте общественно-политического взаимодействия современных отечественных СМИ и Маджлиси Оли, мы пришли к следующим выводам:

1. Сравнительно-исторический и коммуникативный методы анализа позволили обнаружить ретроспективные тенденции к отказу от жесткой цензуры и становлению парламентаризма и развитию парламентской журналистики.

2. Парламентаризму в срезе Республики Таджикистан свойственны а) патерналистское взаимодействие власти и общества с явным акцентом на общественный интерес; б) недостаточное внимание таджикистанцев к синерго-деятельностной парадигме института парламентаризма. В этой связи социальная миссия (парламентской) журналистики проявляется в переакценте с поверхностной информации о деятельности представительного органа на ее анализ и критическое осмысление.

3. Анализ материалов отечественных СМИ, которым удалось наладить конструктивный диалог с представительной властью, позволяет констатировать, что парламентская журналистика в информационно-коммуникативном пространстве Таджикистана соответствует всем критериям идентификации и определениям, утвержденным теоретиками журналистики.

Широкий план смыслового содержания парламентской журналистики проявляется в хрестоматийном освещении деятельности представительного органа средствами массовой информации (печатью, радио, телевидением, информационными агентствами, Интернетом). В узком, то есть прямом, смысле парламентская журналистика – это СМИ, учредителем которых является сам Национальный парламент (например, газета «Садои мардум»). Крупные издания, такие как «Азия-Плюс» и практически все информационные агентства реализуют еще один дефиниционный пункт парламентской журналистики – специальные рубрики и блок теле- и радиопрограмм, освещающих мероприятия, встречи и заседания депутатского корпуса страны.

В то же время приходится констатировать, что в медийном сообществе Таджикистана парламентская журналистика не получает достаточного признания в качестве отдельного направления журналистского творчества. Такая неоднозначность не позволяет, например, ввести специальную дисциплину «Парламентская журналистика» в базовый или вариативный блоки учебных планов соответствующих специальностей и направлений подготовки на всех образовательных уровнях – бакалавриат, магистратура, специалитет.

4. Общественное мнение о деятельности Маджлиси Оли в основном формируется государственной прессой. В этой связи принципиально важным представляется наличие у журналистов объективной политической картины мира и, как следствие, высокой политической культуры как своеобразного инструмента а) по утверждению в общественном сознании идеи о важности наличия в государстве реально действующего института парламентаризма и б) по содействию рациональному диалогу власти с широкой общественности. Такая установка должна стать определяющей в вопросе восприятия журналистики во всем многообразии ее функций в качестве главного условия популяризации идей демократии в Таджикистане.

5. Уверенное подтверждение получил тезис об идентификации парламентской журналистики как свидетельства открытости представительной власти республики к взаимодействию с гражданским обществом и свободной циркуляции достоверной информации о работе Маджлиси Оли.

6. Основу медиаобраза Парламента Таджикистана составляет целый комплекс публикаций, отражающих деятельность отечественных парламентариев. Примечательно, что материалы данной категории не носят так называемый «витринный» характер и содержат противоречивые суждения. С одной стороны, такой статус-кво подтверждает наличие (конструктивной) критики, что заслуживает безусловно положительных комментариев с практической точки зрения; но с другой – свидетельствует о не до конца сформированном медиаобразе отечественного представительного органа, что требует создания идентичных политических и информационно-коммуникативных условий работы для журналистов в центре и в регионах.

7. Публикации парламентских журналистов преимущественно затрагивают следующие сферы деятельности отечественного депутатского корпуса:

- законотворческая деятельность;
- общественная деятельность парламентариев;
- освещение сессий Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан;
- выборы депутатов Парламента Таджикистана;
- официальные визиты представителей государственных и общественных органов стран дальнего и ближнего зарубежья, в ходе которых проходят встречи с парламентариями Таджикистана;
- официальные визиты отечественных парламентариев за рубеж;
- сотрудничество в рамках Межпарламентских Ассамблей;

– разработка и принятие совместно с парламентариями других стран законопроектов и международных правовых актов и обсуждение перспектив сотрудничества парламентов;
– мнения и заявления парламентариев относительно внутри- и внешнеполитического вектора развития республики.

8. Контент-палитра материалов под авторством аккредитованных при парламенте журналистов демонстрирует достаточный уровень их политической компетентности и относительно широкий спектр интересов, обусловленных информационными запросами больших специализированных групп, следящих за деятельностью Маджлиси Оли.

9. Парламентская журналистика является одним из важных информационно-коммуникативных каналов реализации стратегических государственных целей, при этом вопрос о ее общественной ценности остается открытым. Формально диалоговая модель сотрудничества журналистов и парламентариев апробирована и достаточно продуктивна, свидетельство тому – массив информации о деятельности Национального парламента. Между тем, по словам самих журналистов, до широкой общественности не доводится информация о фрагментарных отказах членов депутатского корпуса от общения с прессой. В результате аудитория не всегда получает обширный аналитический продукт, а лишь информацию фактологического характера в большинстве своем в интерпретации парламентария, согласившегося дать комментарий. Частично заполнить эти пробелы позволяют плановые пресс-конференции и другие официальные мероприятия с участием журналистов.

10. Медиа-специалисты воспринимают парламентскую журналистику как PR-инструмент депутатского корпуса, распространяющего таким образом информацию о своей деятельности. Недостаточность аналитических материалов о работе парламентариев создает впечатление о том, что отечественная парламентская журналистика главным образом выполняет роль статиста, фиксирующего этапы и процедуры законотворческого процесса. Как

следствие – выборочный интерес аудитории к информационному контенту, создаваемому парламентскими журналистами.

11. Модели сотрудничества журналистов и парламентариев не всегда соответствуют параметрам конструктивности в силу повышенной заинтересованности представительного органа в создании своего положительного во всех аспектах медийного образа, что отражается и на содержательных характеристиках публикаций, посвященных «парламентскому» вопросу. «Сухая» протокольность ограничивает аналитико-критические замыслы журналиста и творческий процесс становится монотонным, однообразным, что лишает журналиста осознания социальной важности и востребованности его труда. В результате, как показывают наблюдения, определенная часть аудитории (которая, в силу своих возрастных характеристик, должна проявлять активный интерес к политической сфере) ограничивается беглой люстрацией заголовков текстов парламентских журналистов, отражающих смысловое ядро события – «прошла встреча», «прошла сессия», «принят закон» и т.п.

Парадоксальность ситуации относительно сущности парламентской журналистики заключается именно в этой протокольности, которая, несмотря на свою «регламентационную» сущность, отличается разнообразием функций, наделяющих представительный орган априорным правом устанавливать мировоззренческие нормы, формирующие идеологических ландшафт страны. Такой подход способствует особой структурной и содержательной организации парламентских текстов, которые, в отдельных случаях, нуждаются в соответствующем дополнительном/сопроводительном речевом оформлении.

12. Структура текстов парламентского дискурса основана на прецизионной информации (даты, цифры, имена, географические названия и пр.), которая создает полную и достоверную картину освещаемого события или явления. Фактологические данные требуют последовательной аргументации и субъективной модальности и тональности – приоритетные

параметры парламентской журналистики. Следовательно, парламентский медиатекст выступает в качестве специально организованного текстового полотна; содержание его ядрового сегмента определено тематически, а соответственно и интонационно, речевым поведением журналиста в рамках коммуникации с парламентариями.

13. Сущностным началом парламентской журналистики является новость, поэтому вполне логично, что фундаментальной опорой этого вида журналистского творчества стала система информационных жанров с определенными сегментарными (пресса, радио, телевидение) акцентами. Исследование жанровой составляющей парламентского журналистского дискурса в отечественном медиа-пространстве в целом показало их соответствие хрестоматийным нормам.

14. Обращение таджикских парламентских журналистов к группе аналитических жанров не характеризуется достаточной активностью, но имеющийся материал представляет собой качественный журналистский продукт, основанный на критическом анализе, объективной оценке, всестороннем осмыслении, сопоставлении и сравнении фактов деятельности отечественных парламентариев.

15. Парламентский дискурс в сетевых изданиях и на сайтах информационных агентств реализуется преимущественно посредством информационных жанров (заметка, хроникальное сообщение, отчет) ввиду особых параметров веб-коммуникации, основанной на фактологическом материале и оперативном движении смыслов в социальном времени и пространстве.

В целом же, подводя итоги проведенного исследования, отметим, что в современных условиях парламентская журналистика – «ровесница» парламента Таджикистана – Маджлиси Оли – переживает новый виток развития. Однако вызовы сегодняшнего дня вносят коррективы в осмысление роли парламентской журналистики в воспитании культуры взаимодействия общества и представительной власти. В освещении деятельности

парламентских структур и парламентариев журналист может работать в двух основных форматах: 1) механическая, нарочито протокольная фиксация происходящего без выражения авторского «я» и 2) «разбавление» обязательного документирования всех этапов события аналитическими вкраплениями и отражением в них своей гражданской позиции.

По мнению многих экспертов, парламентская журналистика, имея доступ к социально значимой информации, не в полной мере реализует свой потенциал. Ожидается, что ситуацию изменит доработка единого регламента доступа к информации и готовность каждого члена депутатского корпуса к диалогу со СМИ не только в рамках официальных отчетных пресс-конференций.

Имеющаяся законодательная платформа обязывает журналистов выполнять функции посредника в диалоге между властью и гражданским обществом. В отечественном информационном пространстве преобладает синтез субъектно-объектной модели информационного взаимодействия власти и общества, при этом прослеживается определенный дефицит диалоговой (дискуссионной) модели, которая тяготеет к естественным субъектно-субъектным отношениям. Учет этого паттерна сотрудничества кратно повысит кредит доверия к органам власти со стороны широкой общественности и исключит любого рода коммуникативные разрывы между ними. СМИ могут «реабилитировать» себя, предприняв комплекс необходимых мер по сокращению этой дистанции. Важно понимать, что в этом комплексе особое место должна занять парламентская журналистика как институциональное образование, объединившее несколько функциональных приоритетов: 1) освещение законодательной, общественной и международной деятельности парламентариев; 2) принятие роли канала взаимообратной связи между гражданским обществом и представительным органом, а также роли своеобразного индикатора качества законотворческой деятельности.

Индекс доверия общества к своим избранникам также зависит от активности и компетентности парламентских журналистов. Конструктивность

должна стать основополагающей категорией при создании благоприятной информационной почвы для совершенствования законотворческих процессов и процедур, обеспечения прочной коммуникации между депутатским корпусом, экспертным сообществом и избирателями.

Однако здесь также можно вести речь о деструктивности парламентской журналистики, если ею создаются стабильные информационные потоки, которые становятся поводом для необоснованной критики и недоверия к парламенту и продуктам его деятельности. Иррациональность видится в стремлении парламентских журналистов пролоббировать первоочередное решение не социально важных вопросов.

Проблема эта носит комплексный характер в силу чего, на наш взгляд, требуется доработка информационной политики государства и самого представительного органа с учетом принципов социальной информациологии и коммуникативной природы власти. Такой подход концептуально уровняет информационную политику, что будет способствовать а) углублению «коммуникативной компетентности» депутатского корпуса, б) полновесному и объективному информационному сопровождению законотворческой деятельности, в) пополнению инструментария «обратной связи», г) сокращению концептуальных политических лакун в общественном сознании.

Чем еще грозят деструктивные действия парламентской журналистики? Тревожные симптомы видятся в деградации ключевых принципов открытости власти, что впоследствии может нанести урон установленному порядку законотворческой деятельности и нарушить иерархию законодательных приоритетов. В разрезе Республики Таджикистан процессы становления парламентаризма и принципов свободы слова проходили параллельно, поэтому действия парламентской журналистики практически не влекут за собой негативных последствий, а диалог с парламентариями, как правило, выстраивается в русле относительной открытости, хотя не исключены ситуации, когда этот диалог так и не начинается.

Не меньше рисков создают формализация и формальность деятельности парламентских журналистов, которые не учитывают факт сложности и многогранности работы депутатского корпуса, вследствие чего оставляют многие рутинные вопросы неосвещенными. Такой искусственный вакуум порождает идею о несколько беспечном существовании представительного органа и может привести к сокращению коммуникативных каналов.

В этой связи оптимальным решением представляется появление/подключение дополнительных медиаресурсов, которые бы освещали работу парламентариев не точечно, согласно календарю значимых плановых дат, а штатный режим их деятельности с рабочими встречами, диспутами и полемикой, даже незначительными кадровыми ротациями и пр. Такой подход, полагаем, кратно расширит представление широкой общественности о должностных обязанностях народных избранников и кратно повысит доверие к представительному органу.

Исследование показало, что все журналисты, аккредитованные в Парламенте Таджикистана, имеющие разовую аккредитацию или аккредитацию «спецкорреспондента», компетентны в срезе парламентской повестки и специфики освещения работы представительного органа. Имеющийся опыт достаточен для создания клубов или гильдий парламентских журналистов, в контексте отчетных сессий которых будут (должны) разработаны единые стратегии или специальные программные документы, координирующие взаимодействия парламентариев, медиа, общественных объединений и отдельных граждан. Не менее актуальным считаем вопрос о выработке рекомендаций по устранению правовых, административных, организационных барьеров, не позволяющих оптимизировать многогранные аспекты взаимодействия Парламента, СМИ и общественности. Уверены, что профессиональное сообщество единомышленников и его системное функционирование будет способствовать развитию откровенного и открытого диалога между обеими палатами Маджлиси Оли, медиа и гражданским обществом.

К дискуссионным вопросам парламентской журналистики следует отнести проблему качественного отбора и аналитической обработки широкого массива источников, необходимых для адекватного раскрытия функциональной сущности деятельности парламентариев. Для журналиста важно осознание того, что депутаты являются основными, но не единственными информантами. Такая целеустановка подвигнет журналиста к анализу внепарламентских источников, что позволит создать целостную картину происходящего и презентовать аудитории качественный продукт.

Серьезным проблемным фактором является зависимость журналиста от политической турбулентности при оценке деятельности парламента, поскольку в этих условиях часто наблюдается стремление отдельных политических сил и конкретных политических фигур использовать представителей «четвертой власти» для лоббирования собственных целей и интересов.

В современных условиях модернизация общественно-политических институтов повлекла за собой устаревание существующих коммуникативных стратегий и актуализировала вопрос обновления концепций диалога законодательной власти с населением. Реализация этой стратегии требует от парламентского журналиста профессионального мастерства, понимания специфики парламентской деятельности и тонкостей законотворческого процесса, а также правовой просвещенности.

Вышеназванные проблемы могут и должны быть учтены при подготовке будущих журналистов.

Завершая исследование, считаем целесообразным обозначить его научно-практическую и читательскую перспективу. Парламентская журналистика относится к сложному институциональному конструкту, и парламентские журналисты, актуализирующие общественно-политическое дискурсивное пространство, в определенной степени оказывают существенное влияние на деятельность Маджлиси Оли. В этой связи комплексное осмысление структуры работы парламентских журналистов,

выявление факторов взаимовлияния с депутатским корпусом предопределяют безусловную перспективность дальнейших исследований по многогранным вопросам парламентской журналистики и кратно расширяют предметопорождающий потенциал других институциональных образований, связанных с социально-политическим развитием государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Монографии, сборники, учебные пособия

1. Абдеев, Р.Ф. Философия информационной цивилизации [текст] / Р.Ф. Абдеев. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
2. Абдуллаев, М.А. Бухорои шариф: трудный путь зарождения таджикской журналистики / Актуальные проблемы журналистики. Выпуск 6. – Душанбе: РТСУ, 2013. – 135 с.
3. Абдуллаев, М.А. Таджикская публицистика и национальная идентичность (посл. четверть XIX- и первая половина XX веков): монография / М.Абдуллаев // –Душанбе, 2014. –309с.
4. Абдуллаев, М.А. К вопросу о применении теории журналистики (публицистики) в научных исследованиях / Проблемы и перспективы развития теории и практики СМИ в Таджикистане. – Душанбе: РТСУ, 2017. – 164 с.
5. Автономов, А.С. Избирательная власть [текст] / А. С. Автономов. – М.: Права человека, 2002. – 81 с.
6. Акаёмов, П.И. История и роль парламентской журналистики во взаимодействии Государственной Думы и средств массовой информации / П.И. Акаёмов // Фундаментальная наука вузам. – № 2. – 2009. – С. 361-365
7. Акопов, А.И. Аналитические жанры публицистики. Письмо. Корреспонденция. Статья. Учебно-методическое пособие для студентов-журналистов [текст] / А.И. Акопов. – Ростов-на-Дону: Издательство Института массовых коммуникаций, 1996. – 51 с.
8. Акишина, А.А. Структура цельного текста [текст] / А.А. Акишина. – М.: Прогресс, 1979. – 89 с.
9. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления [текст] / Г.В. Атаманчук. – М.: Юридическая литература, 2012. – 466 с.

10. Аржанов, А.П. Субъективное начало в жанрах Интернет - журналистики [текст] / А.П. Аржанов // Жанровые метаморфозы в российской журналистике. Тезисы IV Всероссийской научно – практической конференции / Самара, 18 -19 марта 2010 г. – Самара: Порто - принт, 2010.
11. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. -М.: Советская энциклопедия, 1990. –685 с., сс. 136-137
12. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации [текст]: учебник / М.В. Баглай. – 13-е изд., изм. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2018. – 767 с.
13. Баглай, М.В. Малая энциклопедия конституционного права [текст] / М.В. Баглай, В.А. Туманов. – М.: БЕК, 1998. – 505 с.
14. Базарова, А.А. Гипертекстуальность как базовая характеристика интернет-СМИ [текст] / А.А. Базарова // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. науч. конф. – Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. – С. 151-152.
15. Бакунина, Н.Н. Пресс-служба в законодательных органах власти субъектов Российской Федерации [текст] / Н.Н. Бакунина. – Тюмень: Вектор Бук, 2008. – 204 с.
16. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие [текст] / А. Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
17. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского [текст] / М.М. Бахтин. – М.: Просвещение, 1994. – 511 с.
18. Беляев, С.В. Радиостанции России: государственное и независимое вещание [текст] / С.В. Беляев, В.И. Коробицын. – М.: Пласт. – 179 с.
19. Белякова, Л.П. Аналитическая журналистика печатной периодики (теория, методика, творческий опыт): учеб-метод пособие [текст] / Л.П. Белякова. – Минск: БГУ, 2012. – 167 с.

20. Белякова, Л.П. Мир газетного образа [текст] / Л.П. Белякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: БГУ, 2008. – 220 с.
21. Беневоленская, Т.А. Портрет современника: очерк в газете [текст] / Т.А. Беневоленская. – М.: Мысль, 1983. – 134 с.
22. Бобровская, Г.В. Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса: монография [текст] / Г.В. Бобровская. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2011. – 318 с.
23. Богач И.В. Телевидения парламента (на примере телевидения Государственной Думы ФС РФ) / И.В. Богач // Парламентская журналистика: ретроспектива, теория, практика: Учеб. пособие – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 91 с.
24. Богданова, Н.А. Парламентское право в системе конституционного права / Н.А. Богданова // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт. – М., 2003. – С. 29-33
25. Богуславская, В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов [текст] / В.В. Богуславская. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 280 с.
26. Борецкий, Р.А. Основы телевизионной журналистики. [текст] / Р.А. Борецкий, А.Я. Юровский. – М: 1987.
27. Валгина, Н.С. Теория текста: Учебное пособие [текст] / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
28. Вишняков, В.Г. Конституции стран-членов СНГ: система государственной власти и местного самоуправления [текст] / В.Г. Вишняков // Государство и право. – М.: Наука, 1994. – С. 35-41.
29. Воробьев, А.М. Средство массовой информации как фактор гражданского общества: процесс, тенденции, противоречия [текст] / А.М. Воробьев. – Екатеринбург. Изд-во УрЮИ МВД РФ, 1998. – 183 с.
30. Ворошилов, В.В. Журналистика: учебник [текст] / В.В. Ворошилов. – 7-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2010. – 496 с.

31. Гавриленко, В.Г. Парламентаризм [текст] / В. Г. Гавриленко // Право и политика: большой энциклопедический словарь. – Минск: Право и экономика, 2001. – С. 762-763.
32. Гаврилов, К.Г., Павлова, А.А. Проблема определения формы правления Российской Империи в 1905-1915 гг. / К.Г. Гаврилов, А.А. Павлова // Актуальные проблемы истории политики и права. Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. 2015. Издательство: Пензенский Государственный Аграрный Университет (Пенза)
33. Герценовские чтения 1999. Актуальные проблемы социальных наук [текст]; [Редкол.: А.Б. Николаев (сост.) [и др.]. – СПб.: Фак. соц. наук. Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 1999. – 228 с.
34. Глушко, Е.К. К вопросу о парламентаризме в дореволюционной России [текст] / Е.К. Глушко // Разделение властей и парламентаризм. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992. – С.86-102.
35. Голубев, В.Н. Проблемная статья в газете [текст] / В.Н. Голубев // Газетные жанры. – Свердловск: Политиздат, 1976. – С. 145-150.
36. Гомеров, И.Н. Природа и сущность политики : учебное пособие / И.Н. Гомеров. – Новосибирск : СибУПК, 2007. – 136 с. – С.7
37. Горохов, В.М. Закономерности публицистического творчества [текст] / В.М. Горохов. – М.: Мысль, 1975. – 190 с.
38. Горошко, Е.И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области [текст] / Е.И. Горошко // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 5. Жанр и культура. – Саратов: СГУ, 2007. – С. 370-389.
39. Гнетнев, А. Современная пресс-служба [текст] / А. Гнетнев, М. Филь. – Ростов на/Д.: Феникс, 2010. – 414 с.
40. Гранкин, И.В. Парламент в России [текст] / И.В. Гранкин. – М.: Консалтбанкир, 2001. – 301 с.
41. Гуревич, С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. Учебное пособие для вузов [текст] / С. М. Гуревич. – М: Аспект Пресс, 2004. – 287 с.

42. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ [текст] / Т.А. ван Дейк; составление В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
43. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров [текст] / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
44. Десять интервью о политической журналистике: Сб. интервью [текст] / Под ред. Л.Л. Реснянской. – М.: Пульс, 2001. – 79 с.
45. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: Учеб. пособие [текст] / Т. Г. Добросклонская. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 263
46. Достиев, А.С. Конституция Республики Таджикистан 1994 года: история разработки, принятия, внесение изм. и основные положения [текст] / А.С. Достиев. – Душанбе: Матбуот, 2001. – 238 с.
47. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: Феномены, механизмы и защита [текст] / Е.Л. Доценко. – М.: ЧеРо: Юрайт, 2000. – 342 с.
48. Дроняева, Т.С. Новости в газете с точки зрения организации текста [текст] / Т. С. Дроняева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 673-691.
49. Дэннис, Э. Беседы о масс-медиа [текст] / Эверетт Дэннис, Джон Мэррилл. – М.: Рос.-амер. информ. пресс-центр: Вагриус, 1997. – 383 с.
50. Егорова-Гантман, В. Политическая реклама [текст] / В. Егорова-Гантман, – М.: Центр политического консультирования «Никколо М». – 2002. – 240 с.
51. Есин, Б.И. Первая Государственная Дума и русская журналистика [текст] / Б.И. Есин, Т.С. Родионова // Журналистика в 2005 году: трансформация моделей в постсоветском информационном пространстве. – М.: Филиал Государственного ордена Октябрьской Революции, Ордена Трудового Красного Знамени Московского предприятия «Первая Образцовая типография», 2006. – С. 560-562.

52. Жанры советской газеты [текст] / Под ред. М. Черепахова. – М.: «Высшая школа», 1972. – 424 с.
53. Засурский, Я.Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990-2004 [текст] / Я.Н. Засурский. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 464 с.
54. Зеленков, М.Ю. Политология для юристов [текст] / М.Ю. Зеленков. – М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2003. – 562 с.
55. Информационная политика: учебник [текст] / под ред. В. Д. Попова. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 459 с.
56. История буржуазного конституционализма XIX в. [текст] / П. С. Грацианский, С. А. Егоров, В. В. Кизяковский и др.; Редкол.: В. С. Нерсесянц (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1986. – 279 с.
57. История русской журналистики XVIII – XIX веков: Учебник [текст] / В. Г. Березина [и др.] ; под ред. А. В. Западова. – М.: Высшая школа, 1963. – 516 с.
58. История российского парламентаризма : учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета Тувинского государственного университета / составитель З. Ю. Доржу, Е. М. Ондар. – Кызыл : Изд-во ТувГУ, 2020. – 74 с.
59. История советской радиожурналистики, 1917-1945: Документы. Тексты. Воспоминания [текст]; Составитель Т. М. Горяева. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 434 с.
60. Кайда, Л.Г. Эффективность публицистического текста [текст] / Л.Г. Кайда. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 182 с.
61. Казак, М.Ю. Медиатекст как открытый тип текста [текст] / М.Ю. Казак // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах: докл. Междунар. науч. конф. – М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. - С. 87-93.
62. Калмыков, А.А. Интернет-журналистика [текст] / А.А. Калмыков, Л.А. Коханова. – М.: Эксмо, 2005. – 383 с.

63. Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием [текст] / С. Кара-Мурза – М.: Эксмо, 2000. – 446 с.
64. Кара-Мурза, С. Советская цивилизация от начала до Великой Победы [текст] / С. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2004. – 637 с.
65. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [текст] / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
66. Ким, М. Н. Жанры современной журналистики [текст] / М.Н. Ким. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004. – 335 с.
67. Ким, М.Н. Журналистика: методология профессионального творчества [текст] / М.Н. Ким. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2004. – 496 с.
68. Ким, М.Н. Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для вузов [текст] / М.Н. Ким. – СПб.: Питер, 2011. – 400 с.
69. Ким, М.Н. Технология создания журналистского произведения [текст] / М. Н. Ким. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 319 с.
70. Киричек, П.Н. СМИ в системе «государство-общество» [текст] / П.Н. Киричек. – М.: РАГС, 2007. – 32 с.
71. Князев, А. Основы тележурналистики и телерепортажа. Учебное пособие [текст] / А. Князев. – Бишкек, КРСУ – 2001. – 160 с.
72. Ковалева, М.М. Лекции по истории отечественной журналистики / М.М. Ковалева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1996. – 176 с. – С. 8
73. Ковалева, М.М. Журналистика и государственная политика в период реформ [текст] / М.М. Ковалева // Отечественная журналистика: вопросы теории и истории: сб. статей. – Екатеринбург: Типография УрГУ, 2000. – С. 13-20.
74. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка. Изд. 2-е, перераб и доп. [текст] / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
75. Колесниченко, А.В. Практическая журналистика [текст] / А.В. Колесниченко. – М.: Издательство Московского университета, 2008. – 180 с.

76. Колосов, Г.В. Корреспонденция – жанр публицистики [текст] / Г.В. Колосов, Л.Е. Кройчик, Э.А. Худякова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 132 с.
77. Коновалова, Л.Г. Современный парламент как основа становления парламентаризма / Л.Г. Коновалова // Известия АлтГУ. 2016. – №3 (91). – С. 107-111.
78. Конституционное право: Учеб. для вузов [текст] / Р. В. Енгибарян, Э. В. Тадевосян. – М.: Юрист, 2000. – 495 с.
79. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник: В 4 т. Т.2 [текст] / Отв. ред. Б.А. Страшун. – М.: Бек, 1995. – 757 с.
80. Конституционное право зарубежных стран: учебник [текст] / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо и Л.М. Энтина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 975 с.
81. Корконосенко, С.Г. Основы творческой деятельности журналиста. Учебник для студентов вузов по специальности «Журналистика» [текст] / Ред. - сост. С.Г. Корконосенко. – СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – 272 с.
82. Короченский, А.П. Отечественная журналистская наука: между прошлым и будущим [текст] / А.П. Короченский // Журналистика и медиаобразование в XXI веке: сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 12-18.
83. Копнин, П.В. Диалектика, логика, наука [текст] / П.В. Копнин. – М.: Наука, 1973. – 463 с.
84. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [текст] / В.Г. Костомаров. – СПб: Педагогика-пресс, 1999. – 247 с.
85. Кохановский, В.П. Философия для аспирантов: учеб. пособие [текст] / В. П. Кохановский, Е. В. Золотухина, Т. Г. Лешкевич, Т. Б. Фатхи. – 2-е изд. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 448 с.

86. Кочеткова, А. Современная пресс-служба [текст] / А. Кочеткова, А. Трасов. – М.: Эксмо, 2009. – 269 с.
87. Кравец, И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: Учеб. пособие [текст] / И.А. Кравец. – М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. – 366 с.
88. Кройчик, Л. Система журналистских жанров [текст] / Л. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста. Под ред. С. Корконосенко. – СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – С. 125-167.
89. Кронгауз, М.А. Семантика. – 2-е изд., испр, и доп. [текст] / М. А. Кронгауз. – М.: Изд. Центр «Академия», 2005. – 352 с.
90. Крылов, Б.С. Парламент буржуазного государства. Политическая сущность и фор-мы парламента и парламентаризма на современном этапе / Б.С. Крылов. – М.: Изд-во ИМО, 1963. – 355 с.
91. Крылова, Н.С. Парламент: особенности эволюции и основные тенденции развития / Н.С. Крылова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – № 3/2013. – С. 86-107.
92. Кубрякова, Е.С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности [текст] / Е.С. Кубрякова, Л.В. Цурикова // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов. – М.: Альма Матер, 2008. – С. 183-209.
93. Кулакова, В.В. Русскоязычные Интернет-СМИ в сегменте таджнет. Проблемы и перспективы развития русскоязычных СМИ в Таджикистане [текст] / В.В. Кулакова. – Душанбе: РТСУ, 2007. – 108 с.
94. Левин, И. Д. Современная буржуазная наука государственного права / И.Д. Левин. – М., 1960.
95. Лазарева, Э. А. Заголовок в газете [текст] / Э. А. Лазарева. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 96 с.
96. Ленин, В.И. О демократизме и социалистическом характере советской власти [текст] / В.И. Ленин // Полное собр. соч.: в 55 т. Т.36. – М.: Гослитиздат, 1958-1965. – С. 478-483.

97. Леонтьева Л.С. Саморегуляция СМИ как механизм легитимации власти / Л.С. Леонтьева // Ученые записки казанского государственного университета. Том 151, кн. 1. Гуманитарные науки. – 2009. – С. 142-153.
98. Лещинская, О.С. Тенденции развития парламентского PR в Красноярском крае [Электронный ресур] Режим доступа: https://conf.sfu-kras.ru› sites › thesis Дата обращения: 20.04.2024
99. Лиотар, Ж. Ф. Состояние постмодерна [текст] / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
100. Лисовский, С.А. Региональные особенности парламентской журналистики / С.А. Лисовский // Журналистика в 2005 году: трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве. – М., 2006.
101. Липпман, У. Общественное мнение [текст] / У. Липпман ; Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
102. Лозовский, Б.Н. Журналистика: краткий словарь [текст] / Б. Н. Лозовский. – Тюмень: Вектор Бук, 2004. – 115 с.
103. Лукина, М.М. Технология интервью [текст] / М.М. Лукина. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 191 с.
104. Лукина, М.М. СМИ в пространстве Интернета [текст] / М.М. Лукина, И.Д. Фомичева. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. – 87 с.
105. Луман, Н. Власть [текст] / Н. Луман; Пер. с нем. А. Антоновской. – М.: Праксис, 2001. – 249 с.
106. Мамадазимов А. Новый Таджикистан: вопросы становления суверенитета [текст] / А. Мамадазимов. – Душанбе: Дониш, 1996. – 179 с.
107. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография [текст] / А.В. Манойло. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.

108. Мельник, Г.С. Общение в журналистике: секрет мастерства [текст] / Г.С. Мельник. – СПб.: Питер, 2006. – 235 с.
109. Мельник, Г.С. Основы творческой деятельности журналиста [текст] / Г.С. Мельник, А. Тепляшина.– СПб.: Питер, 2004. – 272 с.
110. Методологические проблемы изучения телевидения и радиовещания: Сб. статей [текст] / МГУ им. М. В. Ломоносова, Фак. журналистики, Каф. телевидения и радиовещания. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 291 с.
111. Минков, М. К проблеме жанров в радиовещании [текст] / М. Минков // Телевидение и радиовещание за рубежом. – М.: Искусство, 2013. – С. 41-47.
112. Миронов, О.О. Истоки российского парламентаризма / О.О. Миронов // Представительная власть. – 1996. –№ 4-5.
113. Михайлов, В.А. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества [текст] / В.А. Михайлов, С.В. Михайлов // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 34-52.
114. Мишин, А.А. Центральные органы власти буржуазных государств [текст] / А.А. Мишин. – М.: МГУ, 1972. – 283 с.
115. Моль, А. Социодинамика культуры: пер. с фр. [текст] / А. Моль; вступ. ст., ред. и примеч. Б. В. Бирюкова, Р. Х. Зарипова и С. Н. Плотникова. – Изд. 2-е, стер. – М.: URSS, 2005. – 404 с.
116. Моргунова, М.А. Скандинавскиӣ парламентаризм. Теория и практика / М.А. Моргунова. – М.: Изд. центр РГГУ,2001. – 348 с.
117. Москальская, О.И. Грамматика текста: Учеб. пособие [текст] / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
118. Музыкант, В.Л. Реклама и PR-технологии в бизнесе, коммерции, политике [текст] / В.Л. Музыкант. – М.: Армада-Пресс, 2002. – 688 с.
119. Муллоев, Ш.Б. История таджикской журналистики [текст] / Ш.Б. Муллоев. – Душанбе: РТСУ, 2009. – 67 с.

120. Муллоев, Ш.Б. Об ответственности журналиста перед обществом // Равшангари афкори ҷомеа. – Душанбе: «Деваштич», 2009. – С. 27-30.
121. Негрышев, А.А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ [текст] / А.А. Негрышев. – Владимир: ВГГУ, 2009. – 143 с.
122. Нуралиев, А.Н. Информационные жанры печати [текст] / А.Н. Нуралиев, Н.И. Брукер, А.А. Афсахзод. – Душанбе: Ирфон, 2005. – 131 с.
123. Образы российской власти: от Ельцина до Путина [текст] / под ред. Е. Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2008. – 416 с.
124. Общая и прикладная политология: Учебное пособие [текст] / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М.: МГСУ; Изд-во «Союз», 1997. – 992 с.
125. Овсепян, Ж. Парламент как основа демократического конституционного строя (проблемы и перспективы развития в Российской Федерации) / Ж. Овсепян // Сравнительное конституционное обозрение. № 2 (59) 2007. – С. 9-16.
126. Омельченко, О.А. Всеобщая история государства и права [текст] / О. А. Омельченко. – М.: Остожье, 1998. – 439 с.
127. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
128. Панфилов, О. Таджикистан: журналисты на гражданской войне (1992-1997) [текст] / О. Панфилов. – М.: «Права человека», 2003. – 564 с.
129. Парламентское право России: учебное пособие / под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. – М., 1999. 184 с.
130. Парламентское право России: Учеб. пособие для вузов обучающихся по специальности «Юриспруденция» [текст] / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – 2. изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 653 с.
131. Парсонс, Т. Система современных обществ [текст] / Т. Парсонс; Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 269 с.
132. Пельт, В. Дифференциация жанров газетной публицистики [текст] / В. Пельт. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 48 с.

133. Просецкий, П.А. Психология творчества [текст] / П.А. Просецкий, В.А. Семиченко. – М.: Прометей, 1989. – 82 с.
134. Протасов, В.Н. Теория права и государства проблемы теории права и государства вопросы и ответы [текст] / В.Н. Протасов – М.: Новый Юрист, 1999. – 240 с.
135. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебник [текст] / Е.П. Прохоров. – М: Аспект Пресс, 2009. – 351 с.
136. Прохоров, Е.П. Журналистика и демократия: учеб. пособие [текст] / Е. П. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 350 с.
137. Прохорова, К.В. Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности: учеб. пособие для студентов факультета журналистики [текст] / К.В. Прохорова. – СПб.: Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2005. – 80 с.
138. Рахимов, А.А. Особенности функционирования печатных СМИ Таджикистана после обретения государственной независимости / А.А. Рахимов // Монография. – Душанбе: РТСУ, 2013. – 152 с.
139. Рахимов, А.А. Периодическая печать Таджикистана нового времени / А.А. Рахимов // Учебное пособие для студентов направления журналистики. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 149 с.
140. Рахимов, А.А. Печатные СМИ и становление гражданского общества в Таджикистане: монография / А.А. Рахимов. – Душанбе: РТСУ, 2022. – 145 с.
141. Резник, Ю.М. Гражданское общество как понятие / Ю. М. Резник // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 2. – С. 140-157
142. Реснянская, Л.Л. Общественный диалог и политическая культура общества: учеб. пособие [текст] / Л.Л. Реснянская. – М.: Пульс, 2003. – 53 с.

143. Русакова, О.Ф. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология») / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006, – 177 с.
144. Русакова, О.Ф. Современная политическая философия: учеб. пособие [текст] / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2010. – 300 с.
145. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре: трактаты [текст] / Жан Жак Руссо; [вступ. статьи А. Филиппова и др.; коммент. В. С. Алексеева-Попова, Л. В. Борщевского]. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 1998. – 414 с.
146. Саламон, Л. Всеобщая история прессы [текст] / Л. Саламон; Пер. с нем. – СПб.: Книгоиздательское Т-во «Улей», 1909. – 176 с.
147. Саймонс, Г. Стать зеркалом общественных потребностей [текст] / Г. Саймонс // Медиа-дискурс: Теория и практика массовых коммуникаций. – Екатеринбург: Дискур-Пи, 2007. – С. 6-7.
148. Сапронова, М.А. Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика) / М.А. Сапронова. – М, 2008. – 248 с.
149. Салихов, Н.Н. Политическое противостояние в зеркале таджикской публицистки / Н.Н. Салихов. – Душанбе, 2010 – 146 с.
150. Салихов, Н.Н. Проблемы воспитания национального самосознания в таджикской публицистике / Н.Н. Салихов. – Душанбе: «Ирфон», 2008. – 194 с.
151. Салихов, Н.Н. Проблемы формирования общественного самосознания в таджикской публицистике периода государственного суверенитета / Н.Н. Салихов. –Душанбе, 2010. – 47 с.
152. Салихов, Н.Н. Жанровые особенности современных таджикских печатных и электронных СМИ, 2000-2016 гг. / Н.Н. Салихов. – Душанбе: РТСУ, 2017.– 297 с.

153. Свитич, Л. Г. Феномен журнализма [текст] / Л.Г. Свитич. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2000. – 252 с.
154. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – Пер. с фр. и португ. – М. : Прогресс, 1999. – С. 14-53.
155. Сиберт, Ф. Четыре теории прессы: [перевод с английского] [текст] / Фред. С. Сиберт, Уилбур Шрамм, Теодор Питерсон. – М.: Нац. ин-т прессы: Вагриус, 1998. – 223 с.
156. Словарь иностранных слов. ред. Лехин, И.В.; Локшина, С.М.; Петров, Ф.Н. – М.: Русский язык; Издание 8-е. – 1979. – 620 с
157. СМИ и политика: учебное пособие [текст] / под ред. Л. Л. Реснянской. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 254 с.
158. Современный парламент: теория, мировой опыт, рос. практика: учебник [текст] / под общ. ред. О. Н. Булакова. – М.: Эксмо, 2005. – 319 с.
159. Солганик, Г.Я. Лексика газеты: функциональный аспект [текст] / Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 2002. – 134 с.
160. Солганик, Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. – 7-е изд., испр. [текст] / Г.Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
161. Сопельцева Н.С. Иммунитеты в конституционном праве РФ / Н.С. Сопельцева. – Челябинск, 2004. – С. 15-16
162. Социальная коммуникация в управлении: курс лекций [текст]; под общ. ред. Л.И. Мухамедовой. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 92 с.
163. Сюкияйнен, Л.Р. Политическая и правовая мысль Арабского Востока [текст] Л.Р. Сюкияйнен // История политических и правовых учений / под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Изд-во НОРМА, 1997. – С. 136-138.
164. Теория и практика советской периодической печати [текст] / под ред. В. Д. Пельта. – М.: Высш. школа, 1980. – 376 с.
165. Тепляшина, А.Н. Тенденции жанрообразования в современной журналистике [текст] / А.Н. Тепляшина // Материалы конференции: Журналистика XX век. – СПб.: СПбГУ, 1997. – С. 29-36.

166. Тертычный, А.А. Аналитическая журналистика [текст] / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 352 с.
167. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати [текст] / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 310 с.
168. Тимофеева Л.Н. Парламентская журналистика как вид политической журналистики / Л.Н. Тимофеева // Журналистика в 2005 году: трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве. – М., 2006.
169. Тульчинский, Г.Л. PR-фирмы: технологии и эффективность [текст] / Г.Л. Тульчинский. – СПб.: Изд-во Алетея, 2000. – 431 с.
170. Тхагушев, И.Н. Парламентская журналистика: ретроспектива, теория, практика: Учеб. Пособие [текст] / И.Н. Тхагушев. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 91 с.
171. Тхагушев, И.Н. Парламентская журналистика: теория и практика / И.Н. Тхагушев // Вестник Московского университета сер. 10 Журналистика. – 2002. – № 2.
172. Тхагушев, И.Н. Радиожурналист в парламенте // И.Н. Тхагушев // Радиожурналистика: учебник под ред. А.А.Шереля – 3-е изд. испр. и доп. М., 2005. – С. 350-357.
173. Тыркова-Вильямс, А.В. На пути к свободе / А.В. Тыркова-Вильямс. – Нью-Йорк, 1952.
174. Усмонов, И.К. «Журналистика». Ч.1 (Журналистика. Т. 1.) [текст] / И.К. Усмонов. – Душанбе: Империал Групп, 2005. – 480 с.
175. Усмонов, И.К. Публицистические жанры [текст] / И. Усмонов. – Душанбе: РТСУ, 2009. – 140 с.
176. Усмонов, И. К. Та'рихи матбуоти тоджик (История таджикской печати) [текст] / И. Усмонов, Д. Давронов. – Душанбе: Маориф, 1997. – 160 с.
177. Ученова, В.В. Метод и жанр: Диалектика взаимодействия [текст] / В.В. Ученова // Методы журналистского творчества. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 59-65.

178. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [текст] / Н.И. Формановская. – М.: Рус. яз., 2002. – 213 с.
179. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Моск. лекции и интервью [текст] / Ю. Хабермас. – М.: АО «Ками», 1995. – 244 с.
180. Черепахов, М.С. Проблемы теории публицистики [текст] / М..С Черепахов. – М.: Мысль, 1971. – 191 с.
181. Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е.Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов,2001. – С.11-22.
182. Четвертков, Н.В. Современная пресс-служба: учебное пособие [текст] / Н. В. Четвертков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 190 с.
183. Черненко, К.У. Народ и партия едины. Избранные речи и статьи / К.У. Черненко. – М.: Политиздат, 1984.— 496 с. – С. 144
184. Чичерина, Н.В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов [текст] / Н. В. Чичерина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 230 с.
185. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. – М., Юристъ, 1997. – 237 с.
186. Чиркин, В.Е. Сравнительное конституционное право: учебное пособие для магистрантов и аспирантов [текст] / В.Е. Чиркин. – М.: Юриспруденция, 2011. – 397 с.
187. Шевырин, В.М. Сборник памяти депутатов Первой государственной думы [текст] / В.М. Шевырин. – М.: Премьер-Пресс, 2006. – 400 с.
188. Шилина, М.Г. Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета: монография [текст] / М.Г. Шилина. – М.: Северо-Восток, 2011. – 736 с.

189. Ширина, Е.В. Языковой портрет русских публицистов 60-х годов XIX века (творчество А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева) [текст] / Е.В. Ширина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮВУ, 2007. – 287 с.
190. Шлосберг, Л.М. Псковская парламентская журналистика как зеркало современно- го регионального парламентаризма / Л.М. Шлосберг // Псковская парламентская журналистика 2001-2007. – Псков, 2008.
191. Щербинин, А.И. Зарождение и развитие парламентаризма [текст] / А.И. Щербинин // Парламентаризм в России: исторический опыт, проблемы и перспективы: Курс лекций. – Томск: Dart, 2007 – С. 8-18.
192. Юровский, А.Я. История тележурналистики в России [текст] / А.Я. Юровский // Телевизионная журналистика. Редакционная коллегия: Г. В. Кузнецов, В. Л. Цвик, А.Я. Юровский. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 172-187.
193. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [текст] / отв. ред. М. Н. Володина. – М.: МГУ, 2003. – 456 с.
194. Журавський, В. Український парламентаризм на сучасному етапі: теоретико-правовий аспект: Монографія [текст] / В. Журавський. – К.: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2001 – 248 с.

на таджикском языке

195. Абдусаломова, Р. Телевизион оинаи зиндагист (Телевидения зеркало жизни) [текст] / Р. Абдусаломова. – Душанбе: Сурушан, 2002. – 144 с.
196. Истиклолият ва рушди матбуоти даври / М.Б. Муродов. – Душанбе: «Аржанг», 2017. – 224 с.
197. Муродов, М. Сотсиологияи журналистика (Социология журналистики). [текст] / М. Муродов. – Душанбе: Истеъдод, 2012. – 192 с.
198. Саъдуллоев, А. Жанрхои журналистикаи радио (Жанры радиожурналистики) [текст] / А. Саъдуллоев, С. Гулов. – Душанбе: Маориф, 1997. – 48 с.

199. Шарифзода, К. Мушкилоти озодии сухан / К. Шарифзода. – Душанбе: Деваштич, 2009. – 100 с.

на английском языке

200. Von Sydow B. Parlamentarismen i Sverige. Utveckling och Utformning till 1945. — Stockholm, 1997.

201. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p. , c.1.

Авторефераты, диссертации

202. Акаемов, П.И. Взаимодействие средств массовой информации и законодательной власти в условиях демократических преобразований в России [текст]: автореф. дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.10 / Акаемов Петр Иванович. – М., 2009. – 23 с.

203. Ализода, З. Становление и развитие института парламента в республике Таджикистан: конституционно-правовое исследование [текст]: дисс. …д-ра. юрид. наук: 12.00.02 / Зариф Ализода. – М., 2014. – 349 с.

204. Афсахзод А.А. Вопросы журналистскоӣ этики в контексте национальных нравственных координат (на примере пехлевиӣскоӣ литературы) [текст]: автореф. дисс. … д-ра. филол. наук: 5.9.2.; 5.9.9. / Аббос Аълохон Афсахзод. – Душанбе, 2024. – 64 с.

205. Белова, Ю.А. Стратегии интерпретации значения газетных заголовков британских медиатекстов [текст]: автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.04 / Белова Юлия Анатольевна. – Уфа, 2009. – 23 с.

206. Бободжанова, Р.М. Освещение политической жизни Таджикистана на страницах периодической печати России (1990-1995): дис. … канд. истор. наук: 07.00.02 / Бободжанова Ранохон Махмудовна. – Худжанд, 1998. – 138 с.

207. Бударина, О.А. Коммуникативные технологии формирования и продвижения имиджа муниципальной власти: Политологический анализ [текст]: автореф. дисс. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Бударина Ольга Алексеевна. – М., 2002. – 28 с.

208. Галепа, М.А. Идеологизированный дискурс в текстах парламентской журналистики: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Галепа Марина Анатольевна. – Ростов-на-Дону, 2017. – 189 с.

209. Диноршоев, А.М. Конституционные основы регламентации и реализации прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан [текст]: автореф. дис. ... д-ра юридических наук: 12.00.02 / Диноршоев Азиз Мусоевич. – М., 2015. – 46 с.

210. Дубовер, М.А. Образ Германии в русских энциклопедических журналах 1820-1830 гг. [текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Дубовер Михаил Анатольевич. – Ростов – на Дону, 2014. – 28 с.

211. Заврябян, Н.И. Бикамерализм и демократия в республике Таджикистан [текст]: автореф. дисс. …канд. полит. наук: 23.00.02 / Заврабян Наира Ивановна. – Душанбе, 2008. – 24 с.

212. Зимин, А.Е. Взаимодействие государственной власти и средств массовой информации в современной России [текст]: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Зимин Антон Евгеньевич. – Ставрополь, 2005. – 193 с.

213. Каримова, М.Б. Особенности развития политической системы Республики Таджикистан: ее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны [текст] : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Каримова Мехрангез Буриевна. – М., 2010. – 203 с.

214. Кибальник, В.И. Социально-психологические механизмы формирования представлений о местной власти [текст]: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Кибальник Владимир Иванович. – М., 1999. – 23 с.

215. Лекаркин, И.В. «Народная газета» в системе периодической печати Таджикистана [текст]: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Лекаркин Игорь Вячеславович. – Душанбе, 2015. – 206 с.

216. Мирзоева, Ф.З. Особенности функционирования и трансформация программ телеканала "Шабакаи якум" в годы независимости Республики Таджикистан: [текст] диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Мирзоева Фарзона Зайналобудиновна. – Душанбе, 2017. – 167

217. Муродов, А.А. Освещение политической ситуации Таджикистана 1989-1997 гг. в периодической печати Республики [текст]: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Муродов Ахмадхон Амрохонович. – Душанбе, 2004. – 23 с.

218. Мухтори, К. Особенности языка СМИ и социальной коммуникации (на материале таджикской периодической печати 1991-2020 гг.): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Мухтори Кутбиддин. –Душанбе, 2021. – 295 с.

219. Ниткин, П.С. Государственная дума и парламентская пресса Российской империи в 1906–1914 гг.: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02 / Ниткин Павел Сергеевич. Санкт-Петербург, 2018. – 247с.

220. Новопашин, А.П. Взаимодействие органов региональной государственной власти и средств массовой информации [текст]: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 10.01.10 / Новопашин Александр Павлович. – М., 2004. – 29 с.

221. Окс, С.И. Формирование положительного имиджа силовых структур в СМИ: технологии и обратная связь [текст]: дисс. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Окс Светлана Игоревна. – Воронеж, 2011. – 223 с.

222. Рахимов, А.А. Особенности функционирования печатных СМИ Таджикистана после обретения независимости [текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Рахимов Абдухамит Абдибосирович. – Душанбе, 2012. – 154 с.

223. Сабирова С.Г. Когнитивно-сопоставительное моделирование экономического дискурса (на материале таджикского, английского и русского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 5.9.8. / Сабирова Сановбар Ганиевна. – Душанбе, 2024. – 506 с.

224. Садуллаев, Дж.М. Межгосударственная телерадиокомпания МИР как новый̆ тип межгосударственного средства массовой̆ информации в контексте интеграционных процессов СНГ: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Садуллаев Джамшед Муллокомилович. –Душанбе, 2013. – 313 с.

225. Сайдалиев, Д.М. Роль СМИ в процессе демократизации общества в Республике Таджикистан [текст]: автореф. дис. … канд. полит. наук: 25.00.02 / Сайдалиев Додарбек Мадалиевич. – Душанбе, 2009. – 22 с.

226. Салихов, Н.Н. Проблемы формирования общественного сознания в таджикской публицистике периода государственного суверенитета: дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Салихов Нурали Назарович. – Душанбе, 2010. – 349 с.

227. Соколова, Е.П. Пресса и парламентаризм в политическом процессе [текст]: автореф. дисс. … канд. полит. наук: 10.01.10 / Соколова Елена Павловна. – Екатеринбург, 2005. – 22 с.

228. Султонов, М.М. Периодическая печать постсоветского Таджикистана: формирование и основные тенденции развития: 1991-2004 гг. [текст]: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Султонов Мирсаид Мехромуддинович. – М., 2005. – 175 с.

229. Съедин, Н.А. Особенности становления и развития парламентаризма в России и Украине [текст]: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Съедин Николай Александрович – М.: 2002. – 207 с.

230. Торалиева, Г.Т. Особенности развития парламентской журналистики в Кыргызстане [текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Торалиева Гульнура Тынчтыкбековна. – Душанбе, 2013. – 23 с.

231. Трефилова, Н.Н. Воздействие СМИ на общественное сознание электората в период стабилизации политической системы РФ (региональный уровень) [текст]: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Трефилова Наталья Николаевна. – Н. Новгород, 2004. – 26 с.
232. Федоров, И.Н. Парламентская журналистика как фактор формирования открытости представительной власти в России [текст]: дис. ...канд. полит. наук: 10.01.10 / Фёдоров Игорь Николаевич. – М., 2009. – 263 с.

233. Хасанова, Т.Г. Концептуальное пространство СМИ современного Таджикистана в условиях смены парадигм трансформации общества (на материале русскоязычных СМИ): дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.01.10 / Хасанова Тахмина Гаюровна. – Душанбе, 2022. – 392 с.
234. Ходжазод, С. Роль радио «Таджикистан» в формировании общественного мнения в период независимости [текст]: дис. ...д-ра филол. наук: 10.01.10 / Саидмуроди Ходжазод. – Душанбе, 2015. – 311 с.
235. Хомидов, Д.Б. СМИ в контексте информационной политики и информационной безопасности Республики Таджикистан [текст]: дис. …канд. филол. наук: 10.01.10 / Хомидов Диловаршо Борухдинович. – Душанбе, 2012. – 163 с.
236. Хужаназарова, И.Х. Тенденции развития русскоязычных СМИ в период независимости Республики Таджикистан [текст]: дис. …канд. филол. наук: 10.01.10 / Хужаназарова Идимох Хасановна. – Душанбе, 2013. – 167 с.
237. Чоршанбезода, М. Парламентская власть и её роль в политической системе независимого Таджикистана. [текст]: дис. … канд. полит. наук: 5.5.2. / Махбуба Чоршанбезода. – Душанбе, 2024. – 170 с.
238. Шевцов, О.Л. Формирование медийного имиджа России проправительственной газетной периодикой Украины [текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Шевцов Олег Леонидович. – Воронеж, 2011. – 24 с.

239. Якубов, Д.К. Особенности взаимоотношений государственной власти и независимых средств массовой информации [текст]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Якубов Джума Калонович. Душанбе, 2014. – 185 с.

Законодательные акты

240. Декларация о суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики: [Принята 24 авг. 1990 г. на второй сессии Верховного Совета Тадж ССР двенадцатого созыва]. – Душанбе: Ирфон, 1990. – 13 с.

241. Закон Республики Таджикистан от 18 июня 2008 года № 411 «О праве на доступ к информации» // Ахбори Маджлиси Оли РТ. – 2008. – №6, ст.469.

242. Закон Республики Таджикистан «Об информации» от 10 мая 2002 года // Ахбори Маджлиси Оли РТ. – 2002. – №4. ч.2, ст.320.

243. Закон Республики Таджикистан «О периодической печати и других средствах массовой информации» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://mfa.tj/ru/main/view/67/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-periodicheskoi-pechati-i-drugikh-sredstvakh-massovoi-informatsii Дата обращения 19.01.205

244. Конституция Таджикской Советской Социалистической Республики [текст].– Душанбе: Ирфон, 1987. – 51 с.

245. Конституционный Закон Республики Таджикистан о Маджлиси Оли Республики Таджикистан (в редакции конституции Закона РТ от 17.05.2004г. № 40, от 12.05.2007г. № 255, от 6.10.2008г. № 443, от 21.07.2010г. № 622, от 29.12.2010г. № 654, от 26.12.2011г. № 794, от 19.03.2013г. № 959, от 22.07.2013г. № 1011, от 15.03.2016г. № 1273, от 23.07.2016г. № 1323, от 18.07.2017г. № 1453)

246. Проект Конституции Республики Таджикистан 1992 года // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. – 1990. – №16. – С. 248-251.

247. Указ Президента Республики Таджикистан от 30 апреля 2008 года № 451 «О Концепции государственной информационной политики Республики Таджикистан» Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=12903 Дата обращения 20.01.2025

248. Указ Президента Республики Таджикистан «О реагировании должностных лиц на критические и аналитические материалы средств массовой информации». – № 622 от 7.02.2009 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://sudexpert.tj/?p=2784&lang=ru Дата обращения: 23.05.23

Статьи в периодических изданиях

249. Абдуллозода, М.А. Системные особенности радиовещания Республики Таджикистан (на примере государственных радио) /М.А. Абдуллозода // Актуальные проблемы журналистики. Выпуск 11. – Душанбе: РТСУ. – 17 с.

250. Ажгихина, Н. Гендерные стереотипы в современных масс-медиа [текст] / Н. Ажгихина // Гендерные исследования. – 2000. – №5. – С. 261-273.

251. Ализода, З. Эволюция парламентаризма в республике Таджикистан [текст] / З. Ализода // Россия и мусульманский мир. – 2009. – №1. – С. 93-101.

252. Асозода, С. Давлат Назризода: «Украинские предприятия являются надежными партнерами» [текст] / С. Асозода // Народная газета. – 2021. – №43. 28 октября.

253. Белоусов, К.И. Имиджевый дискурс как механизм ориентации избирателя в политическом пространстве [текст] / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Вестник. ОГУ. – 2011. – №11. – С. 107-110.

254. Бергер, Н.В. Жанр корреспонденции в структуре журналистского расследования [текст] / Н.В. Бергер // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2006. – №5. – С. 83-91.
255. Бобоходжиев, М.В Москве обсуждены вопросы наращивания парламентских связей Таджикистана и России [текст] / М. Бобоходжиев // Азия-плюс. – 2016. – №27. 7 июля.
256. Бобоходжиев, М. «Высокий уровень доверия и партнёрства». Совместное заявление Эмомали Рахмона и Шавката Мирзиёева [текст] / М. Бобоходжиев // Азия-плюс. – 2021. – №23. 10 июня.
257. Бобоходжиев, М. Совместное заявление президентов Таджикистана и Кыргызстана [текст] / М. Бобоходжиев // Азия-плюс. – 2021. – №26. 29 июня.
258. Бобоходжиев, М. Спикеры парламентов Таджикистана и Афганистана обсудили отношения между странами [текст] / М. Бобоходжиев // Азия-плюс. – 2021. – №9. 1 марта.
259. Богдан, Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики [текст] / Е.Н. Богдан // Вестник МГУ. Сер. 10: Журналистика. – 2007. – №4. – С. 122-127.
260. Бурова, Ю.Е. Информационные ресурсы власти как инструменты транслирования ее образа [текст] / Ю.Е. Бурова // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. – 2013. – № 3(35). – С. 135-139.
261. Бурова, Ю.Е. Функциональные особенности современной пресс-службы [текст] / Ю.Е. Бурова // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. – 2012. – № 2. – С. 232-238.
262. Быкова, А.Г. Право граждан на доступ к информации [текст] / А.Г. Быкова, Ю.Г. Петрова // Вестник Омской юридической академии. – 2013. – №1(20). – С. 4-7.

263. Вартанова, Е.Л. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ [текст] / Е.Л. Вартанова // Вестник Моск. ун-та. Сер.10: Журналистика. – 2012. – №1. – С. 7 – 26.

264. Вдовин, Ю. Совместимы ли государственные СМИ с демократией? [текст] / Ю. Вдовин // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень Фонда защиты гласности. – 2004. – №3 (4). – С. 13-16.

265. Галинская, Т.Н. Понятие медиообраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике [текст] / Т.Н. Галинская // Вестник ОГУ. – 2013. – №11(160). – С. 91-94.

266. Горошко, Е.И. Влияние коммуникативных медиа на коммуникативные процессы [текст] / Е.И. Горошко // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – 2010. – №3. – С. 111-117.

267. Давлатова, И. Расширение межпарламентского сотрудничества и развитие законодательной деятельности [текст] / И. Давлатова // Народная газета. – 2021. – №27. 1 июля.

268. Джалилов, М. Историческая и политическая природа парламентаризма в современном Таджикистане [текст] / М. Джалилов // Вестник таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2012. – №4(52). – С. 191-207.

269. Джамолов, И.М. Пресс-служба в период развития государственной власти суверенного Таджикистана [текст] / И.М. Джамолов // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2014. – № 5 (61). – С.271-282.

270. Дмитровский, А.Л. Виды композиций в журналистском тексте [текст] / А. Л. Дмитровский // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 1. – С. 189-197.

271. Дурдин, Д.М. Образ политического лидера и возможности его изменения [текст] / Д.М. Дурдин // Полис. – 2000. – №2. – С. 133-151.

272. Ефремова, В.К. Смысл и бессмыслица аккредитации [текст] / В.К. Ефремова, А.Р. Ратинов // ЗиЛ. – 1997. – №4. – С. 7-9.
273. Засурский, Я.Н. Российские медиа в веке: «вверх по лестнице, ведущей вниз» [текст] / Я.Н. Засурский // Вестник Моск. Ун-та, Сер. 10. Журналистика. – 2001. – №3. – С. 3-9.
274. Зубанова, Л.Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации [текст] / Л.Б. Зубанова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2008. – №2 (14). – С. 6-17.
275. Зуева, Т.М. Механизмы формирования образа власти [текст] / Т.М. Зуева, Е.М. Шкилева // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №3. – С. 15-20.
276. Имомзода, М. Национальное единство в Таджикистане: надежная гарантия и прочный фундамент устойчивого развития государства // Материалы международной научно-практической конференции на тему: «Роль Президента Республики Таджикистан, Основателя мира и национального единства – Лидера нации Эмомали Рахмона в укреплении национального единства». – Душанбе: ТНУ, 2017. – 6-7 с.
277. Имомова, З.Б. Содержание права на доступ к информации [текст] / З.Б. Имомова // Законодательство. – 2015. – № 4(20). – С. 54-57.
278. Исакова, Т.Н. Функционирование жанра интервью на современном этапе [текст] / Т.Н. Исакова // Система ценностей современного общества. – 2009. – № 5-2. – С. 19-22.
279. Иналкаева, К.С. Этапы становления и развития представительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации [текст] / К.С. Иналкаева // Вестник чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2013. – №2. – С. 221-228.
280. Карапетян, Н.А. Информационные жанры, используемые корреспондентами регионального телевидения [текст] / Н.А. Карапетян

// Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. –№1. – С. 214-218.

281. Карпухина, И.А. Институт парламентаризма: его сущность и основные признаки [текст] / И.А. Карпухина, Е.Г. Абраменко // Проблемы управления. – 2009. – №1 (30). – С. 178-181.

282. Кахужева, З.Г. Структурные модели новостной заметки в газетной публицистике [текст] / З.Г. Кахужева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 4. – С. 45-48.

283. Коданина, А.Л. Технологии взаимодействия органов государственной власти со средствами массовой информации [текст] / А.Л. Коданина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – №2. – С. 256-262.

284. Колодиев, Н.Н. Проблемы и конфликты российской региональной парламентской журналистики [текст] / Н.Н. Колодиев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – №10. – С. 92-101.

285. Кондратьев, С.В. Становление парламентаризма в России [текст] / С.В. Кондратьев // История. – 2014. – №2. – С. 76 - 83.

286. Коноплева, Т.В. Медиаобразы органов власти [текст] / Т.В. Коноплева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 43. – С.153-172.

287. Корженева, О.В. Медиаобразы в массовой политической коммуникации [текст] / О.В. Корженева // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2013. – № 1. – С. 218-226.

288. Кутейников, А.Е. Национальные парламенты и международные организации [текст] / А.Е. Кутейников // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. – 2009. – №2. – С. 121-135.

289. Лободенко, Л.К. Медиаконтент Интернет-СМИ в информационно-коммуникативной системе региона [текст] / Л.К. Лободенко // Вестник

Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – №2. – С. 33- 38.

290. Марущак, А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве [текст] / А.В. Марущак // Журналистский ежегодник. – 2012. –№1.– С. 93-96.

291. Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры слова? [текст] / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – 2008. – №1(24). – С. 43-47.

292. Махмудов, З.Н. Понятие и содержание права на информацию по законодательству Республики Таджикистан [текст] / З.Н. Махмудов // Право и государство: теория и практика. – 2019. – №12. – С. 29-30.

293. Мясникова, М.А. Эстетические и художественные аспекты функционирования телевидения [текст] / М.А. Мясникова // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – №1-2(62). – С. 188-194.

294. Надиров, Б. Парламентарии стран Евразии готовы к объединению ради общего блага [текст] / Б. Надиров // Азия-плюс. – 2019. – №39. 27 сентября.

295. Надиров, Б. Шукурджон Зухуров: Евразийские страны должны принять безотлагательные меры против терроризма и экстремизма [текст] / Б. Надиров // Азия-плюс. – 2019. – №38. 24 сентября.

296. Негрышев, А.А. К вопросу о жанровом статусе новостей [текст] / А.А. Негрышев // Медиалингвистика. – 2014. – №3. – С. 89-92.

297. Нигматулин, Н. «Большая Евразия»: на пути к общему будущему [текст] / Н. Нигматулин // Азия-плюс. – 2019. – №35. 31 августа.

298. Попов, В.Д, Журналистика как политическая наука [текст] / В.Д. Попов // Социология власти. Вестник социологического центра РАГС. – 2003. – №6. – С. 5-23.

299. Пушкарева, Г.В. Власть как социальный институт [текст] / Г.В. Пушкарева // Социально-политический журнал. – 1995. – №2. – С. 84-95.

300. Пушкарева, Г.В. Информационные технологии в принятии государственных решений: современные тенденции [текст] / Г.В. Пушкарева // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2009. – №2. – С. 128-137.
301. Пушкарева, Г.В. Политические события глазами россиян: психологические механизмы восприятия и индивидуальной интерпретации [текст] / Г.В. Пушкарева // Полис. – 2004. – №4. – С. 93-102.
302. Родина, Е.Н. Информационное общество в рамках синергетической парадигмы [текст] / Е.Н. Родина, Н.М. Сюсина // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – №2 (14). – С. 64-68.
303. Романов, Р.М. Понятие и сущность парламентаризма [текст] / Р.М. Романов // Право и государство: теория и практика. – 2009. – №11 (59). – С. 136-143.
304. Романович, Н.А. Централизация и иерархичность как базовые аспекты образа власти в России [текст] / Н.А. Романович // Научный эксперт. – 2010. – №7-8. – С. 34-44.
305. Русакова, О. Ф. Виртуальная власть масс-медиа [текст] / О.Ф. Русакова // Дискурс-Пи. – 2010. – № 1-2. – С. 33-37.
306. Савинова, О. Н. Пресса на пороге перемен [текст] / О.Н. Савинова // Журналист. – 2007. – №5. – С. 25-28.
307. Садуллаев, А. Очерк: генезис, развитие и современное состояние / А. Садуллаев, А. Аминов. – Душанбе: «Ирфон», 2012. – 216 с.
308. Садуллаев, Д.М. К проблеме социальных функций журналистики в условиях информационного общества / Д.М. Садуллаев // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет. – Душанбе, 2012. – № 1 (36). – С. 218-222;
309. Садуллаев, Д.М. Государство, СМИ и проблемы информационной безопасности / Д.М. Садуллаев // Вестник Таджикского национального

университета. Серия «Филология». – Душанбе, 2012. – № 4/6 (103). – С.274-280.

310. Садуллаев, Д.М. К вопросу о свободе слова и ответственности журналиста / Д.М. Садуллаев // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе, 2013. – № 3. – С. 285-287

311. Саидзода, З. О механизме и интересах внешней политики Республики Таджикистан [текст] / З. Саидзода // Сиёсати хориҷӣ. Маҷаллаи илмиву назариявӣ ва иттилоотӣ. – 2012. – №1. – С. 106-119.

312. Самадова, Д.Х. Эволюция информационных жанров в современной журналистике (на примере жанра заметки) [текст] / Д.Х. Самадова // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2014. –№3(59). – С. 256-260.

313. Селиванова, Е.А. Информированность населения о деятельности органов государственной власти [текст] / Е.А. Селиванова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2008. – № 3. – С. 98-105.

314. Соколова, Е.П. Применение манипулятивных приемов российскими масс-медиа в процессе создания образа Муаммара Каддафи [текст] / Е.П. Соколова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 10(269). – С. 155-158.

315. Сохибназарбекова, Р.М. Проблемы доступа к информации журналистов в странах СНГ // Актуальные проблемы журналистики. – Душанбе: РТСУ, 2012. - С.74-80

316. Таджикистан: пресса о прессе. – №6 (163), – 2009 г.

317. Токпакбаев, С. Парламентская дипломатия – не абстрактное понятие [текст] / С. Токпакбаев // Казахстанская правда. – 2013. – №232. 13 июля.

318. Турантаева, А. Г. Образ власти в зеркале сознания рядовых граждан [текст] / А.Г. Турантаева, А.И. Егорова // Вестник Северо-Восточного

федерального университета имени М.К. Аммосова. – 2007. – №4. – С. 44–51.

319. Уразова, С.Л. О жанровом многообразии телепрограмм в контексте инновационного подхода к анализу телевидения [текст] / С.Л. Уразова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – №1 (218). – С. 48 - 55.

320. Фаттохзода, С.С. Расширение межпарламентского сотрудничества и развитие законодательной деятельности [текст] / С.С. Фаттохзода // Народная газета. – 2021. – №26. 1 июля.

321. Федоров, А.В. Анализ медийных стереотипов на занятиях в студенческой аудитории [текст] / А.В. Федоров // Инновации в образовании. – 2006. – №6. – С. 24-38.

322. Чиркин, В.Е. Президентская власть [текст] / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 1997. – №5. – С. 15-23.

323. Шлосберг, Л. Псковская парламентская журналистика как зеркало современного регионального парламентаризма [текст] / Л. Шлосберг // Псковская губерния. – 2007. – №33(352).

324. Шмелева, Т.В. Современная медиапрактика с позиций теории речевых жанров [текст] / Т.В. Шмелева // Медиа-лингвистика. – 2014. – № 3. – С. 51-55.

325. Шустеров, Д.М. Роль печатных СМИ в освещении хода политического процесса [текст] / Д.М. Шустеров //Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – №2. – С. 133-136.

326. Юлдашев, А.В Душанбе впервые пройдет заседание парламентариев Таджикистан и Узбекистана [текст] / А. Юлдашев // Азия-плюс. – 2020. – №37. 16 сентября.

327. Юлдашев, А. Зухуров и Нарышкин обсудили перспективы сотрудничества парламентов Таджикистана и России [текст] / А. Юлдашев // Азия-плюс. – 2015. – № 40. 6 октября.

328. Юлдашев, А. МПА СНГ определилась с составом наблюдателей на парламентских выборах в Таджикистане [текст] / А. Юлдашев // Азия-плюс. – 2020. – №8. 27 февраля.
329. Шаповал, М. В. Парламентаризм в Україні: пошуки парадигме че рух до нового [текст] / М.В. Шаповал // Віче. – Киев. – 1997. – №5. – С. 13-16.

на таджикском языке

330. Атобуллоев, Ш. Дурнамои рушди ҳамкорӣ бо Аврупо парламентом (Перспективы развития сотрудничества с Европейским парламентом) [текст] / Ш. Атобуллоев // Садои мардум. – 2019. – №132 (4082). 2 ноября.
331. Атобуллоев, Ш. Журналист, пеш аз ҳама, сиёсатмадор аст (Журналист – это, прежде всего, политик) [текст] / Ш. Атобуллоев // Садои мардум. – 2019. – №27(3977). 11 марта.
332. Имомзода, М. Амнияти иттилоотӣ ва фазои иттилоотии Тоҷикистон // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. – 2017. – № 4/7. - С. 263-266.
333. Мерганов, Д. Вакилони Маҷлиси намояндагон дар Конгресси ИМА чӣ гуфтанд? (Что сказали депутаты Маджлиси намояндагон в Конгрессе США?) [текст] / Д. Мерганов // Садои мардум. – 2019. – №67(4017). 13 июня.
334. Мурочиатиомаи Шурои Олии чумхурии ба хаяки Точикистон (Обращение Верховного Совета Республики к жизни Таджикистана) [текст] // Садои мардум. – 1992. – № 49. 1 мая.
335. Наботов Дж. Касбии парламенти нишондиҳанда камолот давлат (Профессиональный парламент показатель зрелости государства) [текст] / Дж. Наботов // Садои мардум. – 2010. – №61. 25 мая.
336. Расулов, Т. Оё парламенти касбӣ зарур аст? (Нужен ли профессиональный парламент?) [текст] / Т. Расулов // Садои мардум. – 1992. – №12. 25 января.

337. Сафар, М. Маҷлиси намояндагон. Таъсиси гурӯҳҳои дӯстӣ бо парлумонҳои Осиё ва Аврупо (Маджлиси намояндагон. Создание дружеских групп с парламентариями Азии и Европы) [текст] / М. Сафар // Ҷумҳурият. – 2020. – №169. 4 сентября.

338. Султонов, М. Мулоқоти Маҳмадалӣ Ватанзода бо Христофорос Политис (Встреча Махмадали Ватанзода с Христофоросом Политисом) [текст] / М. Султонов // Садои мардум. – 2021.– №60. 4 мая.

339. Тохир, И Тоҷикистон барои пайвастан ба Конвенсияи Гаага талош дорад (Таджикистан пытается присоединиться к Гаагской конвенции) [текст] / И. Тохир // Минбари халк. – 2014. – №25. 23 июня.

340. Шерализода, М. Трибуна мардум ва барои мардум (Трибуна народа и для народа) [текст] / М. Шерализода // Садои мардум. – 1991. – №1. 1 января.

Интернет-ресурсы

341. Актуальная номенклатура научных специальностей [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.аспирантура.рф/nomenklatura (дата обращения 10.01.25)

342. Аслонова, Н. Рустам Эмомали и Валентина Матвиенко обсудили вопросы сотрудничества Таджикистана и России [Электронный ресурс] / Н. Аслонова – Режим доступа: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20220225/rustam-emomali-i-valentina-matvienko-obsudili-voprosi-sotrudnichestva-tadzhikistana-i-rossii. (дата обращения 28.10.2020)

343. Валентина Матвиенко посетит Душанбе [Электронный ресурс] – Режим доступа:https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20220214/308585. (дата обращения 28.10.2022)

344. Ван Дейк, Т.А. Структуры новостей в прессе [Электронный ресурс] / Т.А. Ван Дейк – Режим доступа: http://www.socsmi.narod.ru/van_deik.htm. (дата обращения 28.10.2021)
345. Верхние палаты парламентов Таджикистана и России подпишут соглашение о сотрудничестве [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://news.tj/ru/node/196985 (дата обращения 28.09.2024)
346. Вишняков, В.Г. Конституции стран-членов СНГ: система государственной власти и местного самоуправления[Электронный ресурс] / В.Г. Вишняков. – Режим доступа: // http://www.juristy.ru/statii/govlaw/govlaw3.htm (дата обращения 8.09.2023)
347. Власть и СМИ: лед тронулся [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://medialaw.asia/node/1686 (дата обращения 01.09.2019)
348. Гаркавая, Л. Информация в жизни общества. Роль информации в жизни общества [Электронный ресурс] / Л. Гаркавая – Режим доступа: http://fb.ru/article/162897/informatsiya-v-jizni-obschestva-rol-informatsii-v-jizni-obschestva (дата обращения 14.11.2022)
349. Депутаты парламента примут участие в Форуме женщин-парламентариев мира в Бельгии [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://news.tj/ru/node/177973 (дата обращения 11.08.2019)
350. Зухуров в ходе встречи с Нарышкиным вновь поднял проблемы трудовой миграции [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://news.tj/ru/node/190313 (дата обращения 19.09.2020)
351. Информационный отчет: история жанра, предмет, функции, методы работы с информацией. Виды информационного отчета. Технология работы над информационным отчетом [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://infopedia.su/18xb31c.html (дата обращения 28.10.2023)
352. Лякин-Фролов, И.С. Таджикистан и Россия – две половинки одной души [Электронный ресурс] / И.С. Лякин-Фролов – Режим доступа:

http://www.narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=15475:2022-04-07-04-49-37&catid=63:obshestvo&Itemid=170 (дата обращения 23.10.2023)

353. Махмадтоир Зокирзода и Олег Белоконев обсудили вопросы расширения межпарламентского сотрудничества [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://khovar.tj/rus/2022/05/mahmadtoir-zokirzoda-i-oleg-belokonev-obsudili-voprosy-rasshireniya-mezhparlamentskogo-sotrudnichestva/ (дата обращения 28.10.2022)

354. Мачульская, И. И опыт, сын ошибок трудных… (к 100-летию Государственной Думы) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20071223104414/http://www.senator.senat.org/senat.html (дата обращения 10.08.2019)

355. Московкин, Л., Вакурова, Н. Парламентские журналисты – это не люди, а медиаканалы [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://leo-mosk.narod.ru/works/99_05_28.htm (дата обращения 10.09.2019)

356. О роли СМИ в государстве [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://news.tj/ru/news/rakhmon-svoboda-smi-odno-iz-vazhneishikh-dostizhenii-nezavisimogo-tadzhikista (дата обращения 14.05.2021)

357. Отчет как информационный жанр журналистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lektsia.com/2x804a.html (дата обращения 25.10.2020)

358. Премьер-министр Армении Никол Пашинян принял глав парламентов стран-членов ОДКБ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://khovar.tj/rus/2022/06/premer-ministr-armenii-nikol-pashinyan-prinyal-glav-parlamentov-stran-chlenov-odkb/ (дата обращения 28.10.2024)

359. Спикер Маджлиси намояндагон выступил за расширение сотрудничества с Европарламентом [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://avesta.tj/2022/02/22/spiker-madzhlisi-namoyandagon-

vystupil-za-rasshirenie-sotrudnichestva-s-evroparlamentom/ (дата обращения 28.10.2020)

360. Султонов, М. И. Информационно-аналитическое обеспечение деятельности законодательных органов государственной власти Республики Таджикистан [Электронный ресурс] / М.М. Султонов – Режим доступа: http://iam.duma.gov.ru/node/8/4394/14120 (дата обращения 24.04.21)

361. Таджикистан и Саудовская Аравия обсудили укрепление межпарламентских связей [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://avesta.tj/2022/03/31/tadzhikistan-i-saudovskaya-araviya-obsudili-ukreplenie-mezhparlamentskih-svyazej/ (дата обращения 28.10.2020)

362. Усмонов, И. Пресс-секретари выступают преградой для журналистов в доступе к информации [Электронный ресурс] / И. Усмонов – Режим доступа: / https://medialaw.asia/node/6039 (дата обращения 28.12.2021)

363. Юсупов, Дж. Проблемы развития гражданского общества в Республике Таджикистан [Электронный ресурс] / Дж. Юсупов // Народная газета.26.09.2019. –Режим доступа:http://narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=10057% 3A2019-09-26-05-31-54&Itemid=216 (дата обращения: 29.07.2024)

Источники

364. Актуальное интервью // ТВ «Джахоннамо» от 25.10.2018.

365. Ахбор (Новости) // Радиои «Тоҷикистон» от 26.08.2021.

366. Ахбор (Новости) // Телевизиони «Тоҷикистон» от 07.10.2008.

367. Ахбор (Новости) // Телевизиони «Тоҷикистон» от 24.02.2017.

368. Набзи парлумон (Импульс парламента) // Радиои «Тоҷикистон» от 28.04.2004.

369. Набзи парлумон (Импульс парламента) // Радиои «Тоҷикистон» от 15.06.2019.

370. Навид // ТВ «Сафина» от 18.11.2021.
371. Новости // Радио «Азия-плюс» от 29.05.2021.
372. Новости // Радио «Азия-плюс» от 01.06. 2021.
373. Новости // Радио «Садои Душанбе» от 14.09.2021.
374. Парламент // ТВ «Джахоннамо» от 22.10.2021.
375. Сухбати руз // ТВ «Джахоннамо» от 13.02.2015.
376. Тоҷикистон ва ҷомеъаи ҷаҳонӣ (Таджикистан и мировое сообщество) // Радиои «Тоҷикистон» от 04.11. 2019.
377. Тоҷикистон ва ҷомеъаи ҷаҳонӣ (Таджикистан и мировое сообщество) // Радиои «Тоҷикистон» от 27.03. 2021.
378. Хабар // ТВ «Джахоннамо» от 29.10.2021.